

book-olds.ru

Л. Ф. ДОБРОТВОРСКИЙ.

801-17

1701

1210

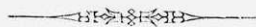
801-86

9002-4

200

УРОКИ

МОРСКОЙ ВОЙНЫ.

КРОНШТАДТЪ.

Типографія морской газеты „Котлинъ“

1907

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
Годовщина Цусимскаго боя	1
Отвѣтъ г. Кладо и г. Варягу	5
Опять отвѣтъ г. Кладо	16
Отвѣтъ на статью г. Варяга	23
Отвѣтъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ	26
О крейсерахъ адмирала Энkvиста	30
Отвѣтъ отст. кап. I ранга Парфенову	32
Услужливыя дубинки	34
Мы—торреадоры	37

Нѣкоторые выводы изъ Шантунгскаго и Цусимскаго сраженій	41-104
---	--------

О крейсерахъ	105-122
------------------------	---------

Еще нѣкоторыя частности къ Цусимскому сраженію	123
--	-----

До войны	129
Анализъ предполагаемой войны съ Японіей	141

Годовщина Цусимскаго побоища.

14-го Мая 1905 г.

30-го ноября 1853 года впервые фактически было доказано убійственное дѣйствіе гранатнаго огня (разрывныхъ ядеръ) на деревянныя суда.

Русская эскадра, состоящая изъ шести кораблей и трехъ пароходовъ, подъ командою адмирала Нахимова напала на турецкую, находящуюся на якорѣ Синопскаго рейда подъ прикрытіемъ береговыхъ батарей, и состоящей изъ семи фрегатовъ, двухъ корветовъ, двухъ транспортовъ и двухъ пароходовъ, и въ самое короткое время уничтожила ее. Спасся одинъ только пароходъ. Это была не битва, а скорѣе побоище, такъ какъ черезъ нѣсколько минутъ послѣ начала сраженія уже три турецкихъ фрегата были объаты пламенемъ, а оба транспорта пущены ко дну. Потери русскихъ всего 34 убитыхъ и 230 раненыхъ, у турокъ—неизвѣстны, но во всякоиъ случаѣ громадны.

Турки не имѣли разрывныхъ гранатъ и потому были истреблены.

14-го мая 1905 года японскій флотъ, состоящій изъ 12 броненосныхъ судовъ и 14 легкихъ крейсеровъ, подъ командой адмирала Того напалъ на русскую эскадру, плывшую по Цусимскому проливу и состоящую изъ 12 броненосныхъ судовъ, 5 легкихъ крейсеровъ, 4 транспортовъ, 2 буксирныхъ пароходовъ, 1 парохода-развѣдчика, 2 истребителей, 1 яхты и 9 миноносцевъ, и

разбилъ русскихъ на голову. Спаслись только 2 крейсера, 2 истребителя, 2 транспорта, буксирный пароходъ, яхта и 4 миноносца.

Это была не битва, а скорѣе побоище, такъ какъ въ самое короткое время запылало нѣсколько русскихъ броненосцевъ, море заволочло дымомъ, суда разстроили линію, а одинъ броненосецъ и два парохода были пущены ко дну. Къ концу сраженія у русскихъ погибло еще 6 броненосцевъ, 3 крейсера, 2 транспорта, 4 миноносца, а остальные суда сдались въ плѣнъ. Потери японцевъ всего 116 убитыми, 538 ранеными и 3 миноносца; у русскихъ людьми неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ не менѣе 6000 человекъ.

Русскій флотъ не имѣлъ разрывныхъ гранатъ и потому погибъ.

Но это не такъ, или такъ, да не совсѣмъ.

17-го октября 1854 года англо-французскій деревянный флотъ желая разгромить фортъ Константинъ подъ Севастополемъ, подошелъ къ нему и былъ жестоко избитъ русскими разрывными гранатами, но ровно черезъ годъ три французскихъ батареи, обшитыхъ броней подошли вплотную къ каменнымъ укрѣпленіямъ Кинбурна и безъ малѣйшаго вреда для себя обратили ихъ въ кучу мусора. Русскія бомбы стучали по ихъ бронѣ точно молота циклоповъ, но кромѣ царапинъ и ничтожныхъ выбоинъ ничего имъ не причинили. *Послѣ трехъ-часового сопротивленія русскіе выкинули бѣлый флагъ и, какъ говорятъ иностранцы, поступили вполне благо-разумно. Потери французовъ ничтожны, русскихъ громадны.* Противъ бомбъ и разрывныхъ гранатъ средство было найдено и настолько универсальное, что онѣ никогда бы не воскресли вновь, если бы не явилась на сцену самодвигающаяся мина Уайтхеда, которая заставляла переродиться прежніе броненосцы мониторнаго типа, съ толстою непробиваемою снарядами броней, со сла-

быми машинами, съ небольшимъ количествомъ угля и съ немногими крупными пушками, въ современные—съ сильными, тяжелыми машинами, съ большими запасами угля, съ тонкой, не повсемѣстною броней и съ многочисленной, разнородной артиллеріею. Большой вѣсъ угля, котловъ, машинъ и пушекъ отнялъ возможность имѣть сплошное, толстое бронированіе, иначе корабли бы затонули; а слабое, можно сказать, фарфоровое дно, на которомъ покоится вся эта сила, легко разбивается всякою миною и потому требовало для своего спасенія большой скорости и многочисленной артиллеріи.

Когда броня сама собою утонула, то явилось искушеніе создать такіе снаряды, которые бы ее пробивали и тѣмъ сразу бы топили суда, чѣмъ мы старательно и занялись. Но, такъ какъ пробиваемость брони достигается только на небольшой дистанціи отъ непріятеля, то для сближенія и сохраненія ея требуется превосходство въ скорости. Для разрывныхъ же гранатъ этой скорости можетъ и не быть, потому что гранаты дѣйствуютъ и хорошо видны на всѣхъ разстояніяхъ.

Но чтобы раздобыть скорость, надо уголь, чистыя, необросшія подводныя части, опытные команды, исправныя машины и упражненія, а это все достигается собственными портами.

Послѣ паденія Севастополя мы заключили миръ, по которому обязались не строить военныя суда въ Черномъ морѣ, чѣмъ сама судьба наталкивала насъ завести единый, мореходный флотъ и колоніи. Если таковыя есть у Бельгіи, Голландіи, Португаліи, Даніи, то почему не быть имъ и у насъ? Къ сожалѣнію мы не поняли своей выгоды и при первой же возможности, т. е. во франко-прусскую войну, гордо отказалась, отъ будто-бы унижительной для насъ статьи парижской деклараціи и застроили черноморскій флотъ, забывъ совсѣмъ, что онъ настолько же намъ не нуженъ противъ

коалицій, какъ и погибшій. Этимъ мы сдѣлали очень большое удовольствіе нашимъ недругамъ, а себѣ создали то ужасное пораженіе, которое никогда не изгладится изъ памяти народовъ. Не испробовавъ въ мирное время, хотя бы съ однимъ двумя судами,—пройти во Владивостокъ, безъ захода въ чужіе порта—мы рискнули продѣлать это съ громадной эскадрой въ военное—и, конечно, жестоко за то поплатились, такъ какъ вся наша сила и скорость ушла на преодоленіе пройденнаго пространства и для врага ничего не осталось.

Что это было за сумасшедшее, дикое положеніе: не видѣть врага и таять отъ его огненнаго дождя, стрѣлять въ воздухъ и получать вѣрные пораженія, знать что онъ цѣль, а самимъ другъ за другомъ идти ко дну! Сколько обиды, сколько смятенія и горя! Бой слѣпыхъ со зрячими. Столько мѣсяцевъ труда, приготовленій, лишеній, и все потерять въ полчаса.

Помянемъ молитвой павшихъ и воздадимъ добромъ тѣмъ, которые во имя долга безропотно пошли на всякую опасность, не имѣя даже никакого оружія, какъ всѣ транспорты, и тѣмъ, которые своими мозолистыми руками создали весь этотъ флотъ и потомъ въ складчину благословили насъ святыми иконами на бранный путь. Пусть этотъ страшный день послужитъ залогомъ всепрощенія, залогомъ счастья, любви и дружной работы на пользу матери родной земли! Кто знаетъ: не скоро ли снова опасность?!

Отвѣтъ г. Кладо и г. Варягу.

Г. Кладо въ своемъ разборѣ Цусимскаго боя, исходящемъ изъ основного невѣрнаго предположенія, что бой велся при равныхъ матеріальныхъ средствахъ, но не съ одинаковымъ искусствомъ, обвинилъ начальника отряда крейсеровъ контръ-адмирала Энkvиста въ бѣгствѣ съ поля сраженія, послѣдствіемъ чего будто бы было ночное потопленіе нѣкоторыхъ нашихъ броненосцевъ, а г. Варягъ, поддерживая обвиненіе въ бѣгствѣ, прибавляетъ еще къ нему неоказаніе помощи гибнущимъ ночью людямъ и требуетъ суда уже не надъ однимъ Энkvистомъ, какъ г. Кладо, но и надъ командирами крейсеровъ.

Какъ видно, страсти прокуроровъ разгораются и имъ уже мало одной жертвы, а давай нѣсколько, хотя бы даже въ нарушеніе основныхъ положеній военнаго устава, что за всѣ распоряженія отвѣчаетъ начальникъ, а не подчиненные, и что обязанность послѣднихъ исполнять, но не разсуждать.

Я самъ сдѣлалъ очень отвѣтственный переходъ на Мадагаскаръ въ качествѣ начальника отряда догоняющихъ судовъ, а чуть не наканунѣ прихода утвердили начальникомъ развѣдочнаго отряда самаго младшаго изъ командировъ, а ко мнѣ безъ церемоніи, несмотря на благодарности, несмотря на отсутствіе помѣщенія на крейсерахъ, посадили адмирала, и конечно посадили не для того, чтобы я продолжалъ проявлять самостоятельность, а для того, чтобы ея ни въ какомъ случаѣ не было. Полагаю,

что никаких бы Нельсоновъ, Нахимовыхъ и другихъ не могло получиться, если бы имъ пришлось командовать кораблями совместно съ адмиралами. Это навѣрно такъ.

Всякій судъ надъ участниками войны есть палка о двухъ концахъ, и потому о двухъ, что дѣло каждаго суда не столько выяснять причины поражений, сколько подводить обвиняемыхъ подъ ту или другую статью уложения о наказаніяхъ. Возьмите къ примѣру извѣстное дѣло англійскаго адмирала Бинга, котораго судили и казнили за морское сраженіе, а лѣтъ черезъ 25 выяснили причины поражения, оказавшіяся не въ адмиралѣ, а въ той тактикѣ, при которой въ бояхъ съ французами никакъ невозможно было выигрывать сраженія. Другой конецъ палки заключается въ томъ, что если къ риску смерти и увѣчій прибавлять еще судъ за поражения, то кто же тогда пойдетъ на войну? Гораздо будетъ проще подъ тѣмъ или другимъ благовиднымъ предлогомъ отказаться. Ужъ если съ побѣдителями не церемонились, то съ побѣжденными и подавно, хотя и есть мудрая пословица, что „за битаго двухъ небитыхъ даютъ“.

Послѣ двухсотлѣтнихъ усилій создать оплотъ своимъ морямъ и берегамъ, мы пришли къ тому, что было до Петра Великаго, т.-е. къ пустотѣ, къ невозможности даже бороться со Швеціей или Даніей, Мы наканунѣ потери Петербурга, Ревеля, Риги, Гельсингфорса, потери Батума, Крыма, потери Камчатки, Сахалина, части Сибири съ Владивостокомъ, но мы вмѣсто упорной, дружной днемъ и ночью работы предпочитаемъ забавляться всякими распрями да судебными процессами. Это слишкомъ опасно, господа!

Еще можно бы было понять судъ самый строгій и безжалостный, если бы активные дѣятели войны сами себя снаряжали, сами себя готовили къ борьбѣ, или же хотя бы и не сами, то по крайней мѣрѣ имъ вручили бы такіа боевыя средства, которыя бы ни въ чемъ не

уступали враждебнымъ, но они не стѣмѣли ихъ использовать. А развѣ это было такъ? Развѣ залогъ нашего неминуемаго пораженія не заключался въ слѣдующемъ: въ отсутствіи колоній и морскихъ арсеналовъ на всемъ пути отъ Либавы до Владовостока; въ отсутствіи нефтяного отопленія и мѣдной подводной обшивки на нашихъ судахъ; въ разъединеніи флотовъ и прикрѣпленіи ихъ къ отдѣльнымъ окраинамъ; въ исполненіи своей программы судостроенія къ 1905 году, когда японцы кончали ее, и конечно противъ насъ же, къ 1902 году; въ заказѣ серіи броненосцевъ типа „Бородино“, гораздо слабѣе японскихъ, и главное послѣ того, какъ у японцевъ былъ уже построенъ ихъ прототипъ „Микаса“; въ неумѣнн правильно распорядиться существовавшимъ на Востокѣ флотомъ, чѣмъ не только предпрѣшили свою войну, но даже навѣрно и соблазнили на нее японцевъ; въ громадныхъ затратахъ на гор. Дальній, на Манчжурскую дорогу, на Восточное пароходство, на русско-китайскіе банки, на кони, концесіи и игорированіе обезпечить всѣ эти драгоцѣнности надежнымъ флотомъ; въ негодныхъ снарядахъ, въ глухихъ трубкахъ, въ невѣрныхъ таблицахъ стрѣльбы, въ скверныхъ башняхъ, въ обращеніи скорострѣльныхъ пушекъ въ тихострѣльные, въ обращеніи скороходныхъ судовъ въ тихоходныя, хотя за скорость платили бѣшенныя деньги, въ отсутствіи упражненій въ стрѣльбѣ эскадрами на большихъ скоростяхъ и на большихъ разстояніяхъ; въ скверномъ нѣмецкомъ углѣ, въ устарѣлыхъ минахъ, сбродной командѣ и т. д. и т. д., всего не перечесть.

Словомъ, вышли на потѣху всему свѣту, подобно дикарямъ: съ пращей и стрѣлой, на плотахъ и ладьяхъ. Ну и конечно умный врагъ, шутя и смѣясь, раскаталъ и разметалъ насъ, не удостоивъ даже допустить поближе къ себѣ! Кого же слѣдуетъ судить? Прежде всего тѣхъ, кто оскорбляетъ людей, которые съ упрямымъ

упорствомъ, побросавъ свои семьи шли беззавѣтно умирать за Царя, за Русь, за весь народъ и которые за стыдъ и позоръ, посѣянный не ими, заплатили своею кровью, ранами, увѣчьями и своими жизнями!

Въ общемъ же, суди не суди, а все пойдетъ по старому и съ математическою точностью повторится тоже самое, какъ уже случилось съ Севастополемъ, и будетъ повторяться до тѣхъ поръ, пока судьбами флота, въ полномъ его объемѣ, не будутъ вѣдать тѣ адмиралы и командиры, которые плаваютъ на немъ, которые живутъ его жизнью и отвѣтятъ ими же, когда наступитъ часъ расплаты за какія-либо упущенія.

Теперь перейду специально къ нашимъ крейсерамъ.

1) Контръ-адмиралъ Энkvистъ, какъ самостоятельный начальникъ судовъ особаго назначенія т. е. крейсеровъ, имѣлъ секретное предписаніе отъ адмирала Рождественскаго: отступать въ случаѣ пораженія къ Шанхаю, т.-е. къ югу, а не къ сѣверу, къ Владивостоку. Если бы сдѣлали то же самое и другіе, то флоты японскій и русскій ночью разошлись бы и гибели многихъ судовъ и позорной сдачи другихъ не случилось-бы. Къ этому добавлю, что цѣлью нашего похода было сраженіе и разбитіе японскаго флота, чтобы такимъ путемъ овладѣть моремъ и отрѣзать сообщенія манчжурской арміи съ метрополіей. Но такъ какъ намъ сдѣлать это Богъ не привелъ, то прорывъ на сѣверъ при такой полной побѣдѣ Японцевъ былъ настоящимъ бѣдствіемъ. Такъ оно и случилось.

2) Повернули мы въ Манилу вмѣсто Шанхая, вѣроятно потому, что, не дождавшись другихъ судовъ, адмиралъ рѣшилъ, что въ Шанхаѣ надо будетъ обязательно разоружаться, а въ Манилѣ можетъ быть и нѣтъ.

3) Крейсеръ „Олегъ“, какъ адмиральское судно, былъ головнымъ, а потому по системѣ Японцевъ получилъ наибольшее число поврежденій. Его корпусъ былъ

значительно избитъ и пять отдѣленій наполнились водою. Осталось еще получить одну пробоину и крейсеръ перевернулся бы. Кромѣ того онъ изъ Кронштадта уже ушелъ съ поврежденной машиной, а тутъ за время боя произошло новое серьезное поврежденіе, угрожавшее разрывомъ цилиндра, смертью людей и полной остановкой хода, что привело бы крейсеръ къ самоистребленію. По донесенію Того, и этого г-нъ Кладо не могъ не знать, японскіе крейсера „Кассаги“ и „Нанива“ съ адмиралами Деве и Уріо, получивъ менѣе серьезные поврежденія, чѣмъ „Олегъ“, преспокойно удалились съ мѣстъ сраженія: одинъ въ бухту Абураия въ сопровожденіи крейсера „Читозе“, а другой въ сторонку, и этого никто имъ въ упрекъ не ставилъ, считая происшедшее въполнѣ натуральнымъ явленіемъ. Крейсеръ „Олегъ“ имѣлъ полное нравственное право поступить такъ же, какъ Японцы, но этого не сдѣлалъ и оставался весь бой на своемъ посту.

4) Передъ закатомъ солнца крейсера „Олегъ“, „Аврора“ и другіе оказались очень близкими къ появившимся съ сѣвера японскимъ миноносцамъ, почему естественно сейчасъ же по сгущеніи сумерекъ они всей массой устремились на нихъ, устроивъ форменную облаву на адмиральскій корабль, и намъ никакого другого выхода не оставалось, какъ согласно тактикѣ повернуть къ нимъ кормою, закрыть всѣ огни и уходить на югъ. Это-то происшествіе, совмѣстно съ густою темнотою и разлучило не только насъ съ эскадрой, но такъ же „Алмазъ“, „Свѣтлану“, „Вл. Мономаха“ и Дм. Донской“, а совсѣмъ не самовольный уходъ отъ отряда Небогатова, какъ писалъ Г-нъ Кладо.

5) Не наступи темнота, мы бы дрались до послѣдней жизни, до послѣдняго корабля, но со тьмою на смерть пораженному и израненному флоту бороться нельзя. Тому примѣры вся морская исторія. когда съ

наступленіемъ ночи сражающіеся флоты теряли строй, разлучались со своими кораблями, приходили въ полный беспорядокъ и въ особенности отъ брандеровъ; а послѣдніе далеко не то что миноносцы, противъ которыхъ сама морская тактика требуетъ принимать атаку не бортами, а съ кормы т. е. уходя и подставляя винты корабля, чтобы струею и водоворотами, образуемыми ими, отбрасывать мины.

Въ темнотѣ большіе предметы какъ корабли конечно гораздо виднѣе, чѣмъ маленькіе миноносцы, поэтому послѣдніе могутъ иногда пускать свои мины совершенно для себя безнаказанно. А такъ какъ у Японцевъ мины ходили не такъ, какъ у насъ, дальше лучей, достигаемыхъ самыми большими электрическими фонарями, то зажиганіе ихъ или пламя отъ горѣвшихъ деревянныхъ шлюпокъ губили наши суда, указывая миноносцамъ, куда цѣлится. Вотъ причина успѣшныхъ взрывовъ нѣкоторыхъ нашихъ судовъ отъ минъ, а совсѣмъ не подбитая артиллерія, какъ это утверждали г. Кладо въ своемъ разборѣ Цусимскаго сраженія. Лучшимъ средствомъ отъ нападенія минъ признается быстрый ходъ и частые повороты судна, что намъ и пришлось дѣлать и что невольно разлучило насъ съ другими судами, а вмѣстѣ съ тѣмъ отвлекло атаки Японцевъ отъ главнаго нашего отряда.

Теперь надо установить, что съ появленіемъ дальнихъ минъ дни боевыхъ эскадръ сочтены, ихъ изъ ночи въ ночь миноносцы должны разстроить и добить. Настаетъ время воевать миноносцамъ съ миноносцами. Крупная артиллерія и крупныя суда шагъ за шагомъ уступаютъ мѣсто миннымъ судамъ.

6) Легкіе крейсера, какъ „Олегъ“, „Аврора“ и др., совершенно не боевыя суда. Выстроены они для развѣдочной службы и для уничтоженія непріятельской торговли. Отъ сраженія они должны по возможности

уклоняться, пользуясь существующимъ для того быстрымъ ходомъ. Они очень узки, длинны, вслѣдствіе того мало устойчивы и неповоротливы, почему въ боевую линію съ эскадренными броненосцами ставиться не могутъ. Крейсера для предохраненія механизмовъ имѣютъ тонкую, броневую палубу, но бортовой брони нѣтъ подобно эскадреннымъ судамъ и потому всякій осколокъ, всякій крохотный снарядъ ихъ пробиваетъ, наливаетъ воду на броневую палубу и крейсера, потерявъ остойчивость, кувыркаются.

Пушки на нихъ только 6-дюймовыя, 3-хъ и 1³/₄-дюймовыя. Защищены онѣ, или вѣрнѣе ихъ прислуга тонкими, стальными щитами, а на крейсерѣ „Олегъ“ часть ихъ еще слабыми броневыми башнями и казематами. Подобная тяжесть, наваленная наверху для такого узкаго судна, какъ „Олегъ“, дѣлаетъ его болѣе опаснымъ для боя, чѣмъ самые обыкновенные коммерческіе пароходы, потому, что тѣ по крайней мѣрѣ будутъ тонуть прямо и медленно, а этотъ кувыркомъ, мгновенно. Такіе крейсера носятъ названіе: „руки въ перчаткахъ, а тѣло голое“ и могли быть заказаны только тѣми, которые знали, что имъ на нихъ не придется сражаться. Г. Кладо все это скрыть отъ публики.

Здѣсь интересно отмѣтить еще такія обстоятельства: крейсера „Олегъ“, „Кагуль“ и „Очаковъ“ выстроены по типу крейсера „Богатырь“, сооруженнаго намъ въ Германіи. Однако, несмотря на готовые чертежи, несмотря на множество очень полезныхъ, пробныхъ испытаній, вызывавшихъ тѣ или другія передѣлки, германское морское министерство не соблазнилось обогатить свой флотъ подобными судами, мы же начеканили себѣ нѣсколько.

Зато такого хорошаго броненоснаго крейсера, какъ „Баянъ“, построеннаго для насъ во Франціи, мы до войны не повторили ни одного, а когда и эти крейсе-

ры устарѣли, а главное сдѣлались для Россіи абсолютно бесполезными, то мы ихъ застроили. Прямо невѣроятно! По моему, какъ ихъ, такъ и крейсеръ „Рюрикъ“, заказанный нами въ Англіи, слѣдовало бы перепродать, все бы выручили не менѣе 15 миліоновъ.

7) Какъ въ арміи успѣхъ боя зависитъ отъ пѣхоты и артилеріи, но не отъ кавалеріи, такъ на морѣ при современной войнѣ—отъ броненосныхъ судовъ, но ни какъ не отъ легкихъ крейсеровъ. Г. Кладо тоже это извѣстно.

8) Начальникъ эскадры адмиралъ Рожественскій сознавалъ это больше, чѣмъ кто-либо, а потому передъ завязкой сраженія сдѣлалъ крейсерамъ сигналъ держаться правѣ нашихъ броненосцевъ, т.-е. значить въѣзжать въ бой, и потому предполагать, что мы могли бы сколько-нибудь повліять на исходъ его, такъ же странно, какъ говорить, что Мукденское пораженіе могла исправить наша кавалерія. Вотъ если бы мы побѣдили, то на долю крейсеровъ, подобно кавалеріи, выпала бы погоня за убѣгающими, добиваніе сильно поврежденныхъ судовъ и забираиіе въ плѣнъ людей, т.-е. все то, чѣмъ занялись Японцы по окончаніи Цусимскаго сраженія.

9) Отсюда видно, что присутствіе крейсеровъ, какъ и миноносцевъ, для главнаго боя вовсе не требовалось, но они оставались и честно сражались какъ съ броненосцами, такъ и съ японскими крейсерами, хотя конечно безъ особеннаго успѣха, потому что непріятельскихъ легкихъ крейсеровъ было чуть не втрое больше и часть ихъ была вооружена очень крупными пушками, почему они предпочитали драться издали, когда наша слабая артилерія была почти бесполезна.

Крейсеровъ „Жемчугъ“ и „Изумрудъ“ я не считалъ, потому что это, собственно говоря, не крейсера, а большіе миноносцы. Яхту „Алмазъ“ конечно тоже.

Сказаннаго вполне достаточно, чтобы всѣмъ и каж-

дому убѣдиться, насколько гг. Кладо, Варягъ и другіе не основательны въ своихъ указаніяхъ по поводу крейсеровъ отряда Энkvиста и насколько были не правы въ своихъ настойчивыхъ требованіяхъ о преданіи насъ суду. Раньше, чѣмъ такъ говорить, имъ бы слѣдовало хотя бы разсудить слѣдующее простое обстоятельство: что „Алмазъ“ и миноносцы, спасшіеся во Владивостокъ, значить тоже убѣжали; „Анадырь“, ушедшій въ Россію,—тоже; „Корея“, „Свирь“ и миноносецъ, спасшійся въ Шанхай,—тоже; отрядъ Небогатова, оказавшійся въ Японскомъ морѣ,—тоже; „Наваринъ“, „Сисой“, „Нахимовъ“, „Ушаковъ“, „Мономахъ“, „Громкій“, „Камчатка“, „Свѣтлана“, „Донской“, погибли кто въ Цусимскомъ проливѣ, кто въ разныхъ частяхъ Японскаго моря—тоже. Спрашивается: кто же остался и кто убѣжалъ? То, что случилось съ судами нашего флота, это есть естественный конецъ всякаго разбитаго войска. Но я еще не кончилъ.

Г. Кладо заявилъ, что если бы „Олегъ“, „Аврора“ и „Жемчугъ“ не ушли, то они зацртили бы броненосцы отъ ночныхъ атакъ миноносцевъ. Какъ подумаешь, просто и какъ бессмысленно! Миноносецъ „Громкій“ тоже предполагать защищать крейсеръ „Владиміръ Мономахъ“, но его попросили объ этомъ не беспокоиться, прижаться поближе къ кормѣ крейсера, а то иначе разстрѣляютъ. Вотъ то же самое случилось бы съ нами, да еще въ придачу взорвали бы сразу и насъ и ихъ. Г-нъ же Варягъ въ своихъ предположеніяхъ относительно гибнущихъ командъ съ нашихъ перевернутыхъ судовъ оказался еще легкомысленнѣе г-на Кладо, такъ какъ на его реплику—„адмиралъ Энkvистъ очутился съ частью крейсеровъ не въ Японскомъ морѣ, а въ Манильской бухтѣ, покинувъ мѣсто боя, гдѣ погибло столько моряковъ, тщетно ожидавшихъ помощи“—можно отвѣтить только слѣдующимъ: почему-же г-нъ Варягъ не подаль

самъ этой помощи? Совершенно на томъ же основаніи не могли оказать никакой помощи и крейсера, потому что если бы они были не по дорогѣ въ Манилу, то находились бы вмѣстѣ съ Небогатовымъ на дорогѣ къ Владивостоку, а оттуда и отсюда одинаково невозможно было подать руку помощи гибнущимъ въ Цусимскомъ проливѣ.

Такіе господа, какъ Варягъ, такъ привыкли безнаказанно болтать и такъ безцеремонно относиться къ своимъ мыслямъ и читающей публикѣ, что даже не замѣчаютъ своихъ собственныхъ противорѣчій.

Этимъ господамъ ни до чего нѣтъ дѣла, имъ нисколько не стыдно, не собравъ достаточно данныхъ, взваливаютъ печатно на невинныхъ людей самыя ужасныя преступленія, которыя только существуютъ среди военныхъ, это—предательства, трусость, измѣна и отказъ въ помощи гибнущимъ. У нихъ ни на секунду не шевельнулась совѣсть, что распространяя въ печати подобныя обвиненія, они навлекаютъ на адмирала, командировъ, офицеровъ и команду крейсеровъ презрѣніе общества, презрѣніе родныхъ, знакомыхъ и вѣчное осужденіе потомства. У нихъ ни на секунду не проявилось ни страха собственной отвѣтственности—нравственной и уголовной—за ту жестокою клевету, которую они такъ самонадѣянно распространили по всему свѣту; ни тѣни жалости къ скрытымъ, но очень острымъ страданіямъ отцовъ, матерей, сестеръ, братьевъ, дѣтей тѣхъ людей, которые беззавѣтно шли умирать съ завѣдомо негоднымъ боевымъ матеріаломъ, за того же г-на Клада, за его семью, за армію, за всю отчизну, но по какой то чудесной случайности, пробывъ цѣлый день подъ градомъ снарядовъ плохо видимого врага, а часть ночи подъ ударами упорныхъ, минныхъ атакъ,—не умерли! Имъ досадно, имъ больно, что насъ не добились, что насъ не взорвали, не утопили, не разстрѣляли, что мы

остались жить. Такъ добьемъ мы ихъ,—всклинули всякіе жестокосердные буквы и псевдонимы,—и начали добывать ничего не разобравъ и ничего какъ слѣдуетъ не прочитавъ!

Да что вы, господа, опомнитесь! Гладіаторами что ли мы вамъ достались, чтобы насъ добывать за злую, гнустную вашу травлю, на сладостную вашу потѣху? Да вѣдь и гладіаторовъ одѣвали въ одинаковое платье, снабжали равнымъ оружіемъ, а вы то едѣлали это для насъ, когда отправляли въ свою заморскую экспедицію. Оглянитесь на себя, кто вы сами то? Жертвовали ли вы даже сномъ или обѣдомъ, а не только страданіями или жизнями, на благо своего отечества. Такъ какъ же вы никѣмъ не уполномоченные берете на себя смѣлость кричать: распни, распни ихъ! И кто же первый крикунъ? Тотъ который старательно избѣгалъ всякой морской, строевой службы, который праштудировавши кой какъ морскихъ писателей Мехена и Колomba обратился въ великаго тактика и стратега, но котораго никто изъ командировъ не возьметъ къ себѣ даже въ качествѣ подвахтеннаго офицера; который будучи въ штабѣ адмирала Скрыдлова, занимался пустыми поученіями и корреспонденціями, но ни разу самъ, не смотря на поужденія, не рѣшался сходить въ плаваніе на Владивостокскихъ крейсерахъ, и чего какъ чести, добывалось сколько угодно офицеровъ и сколько угодно вольныхъ корреспондентовъ; который не смотря на такое явное малодушіе, проявилъ отчаянную смѣлость на хлопоты о награжденіи его орденомъ съ мечами и, благодаря протекціи женской, Владивостокской гимназіи, безъ пролитія крови, безъ одной царапинки одержалъ блестящую побѣду; который очень ловко ускользнулъ отъ Цусимскаго сраженія, хотя числился въ штабѣ 2-й эскадры; который въ военное время отказался отъ назначенія старшимъ офицеромъ на крейсеръ „Громобой“; и

наконецъ попавъ за ложь и инсинуаціи противъ Морского министерства въ отставку былъ сдѣланъ народнымъ героемъ. Въ то время какъ мы, труженники моря, покорные судьбѣ и долгу ни къ кому не апеллируя и не протестуя, какъ дѣлалъ это г. Кладо, когда былъ посаженъ на гауптвахтѣ, плыли въ разбродѣ слабыми отрядами противъ сильнѣйшаго, искуснаго врага, плыли ожидая вѣрнаго разгрома и почти поголовной гибели, въ это время истинному герою и любимцу публики, достопочтенному, глубокоуважаемому Николаю Лаврентьевичу Кладо, наряду съ другимъ героемъ Стесселемъ, собирали подписку на стипендію, на драгоценное оружіе. Вѣрно же разсудило общество, но какъ быть со стипендіями подобныхъ героевъ?

Опять отвѣтъ г-ну Кладо.

Г-нъ Кладо продолжаетъ утверждать, что я былъ флагъ-капитаномъ у начальника отряда крейсеровъ контръ-адмирала Энkvиста, хотя я таковымъ не былъ и это ясно было указано въ печатномъ опроверженіи его штаба по поводу донесенія о Цусимскомъ боѣ. У адмирала были старшій флагъ-офицеръ, младшій флагъ-офицеръ и флагманскій штурманъ капитанъ 2-го ранга Де-Ливронъ, который до нѣкоторой степени и исполнялъ обязанности флагъ-капитана. Я былъ просто командиромъ крейсера „Олего“ и въ отрядныя дѣла вмѣшиваться не могъ. Потомъ, слишкомъ громко говорить—отрядъ крейсеровъ контръ-адмирала Энkvиста,—такъ какъ его отрядъ въ день боя состоялъ изъ крейсеровъ „Олего“ и „Авро-

ры“, а остальные два „Дмитрій Донской“ и „Владиміръ Мономахъ“ были присоединены къ отряду капитана 1 ранга Шеина.

Г-нъ Кладо считаетъ меня по Морскому Уставу флагъ-капитаномъ и потому отдастъ меня подъ судъ, мотивируя это историческимъ примѣромъ флагъ-капитана Дугласа у англійскаго адмирала Роднея, убѣдившаго его такъ направить флагманскій корабль, что получилась побѣда надъ Французами при Доминикѣ. Ну, а если-бы адмиралъ не послушался, то отдали бы Дугласа подъ судъ или нѣтъ? Навѣрно нѣтъ, иначе въ войскахъ и во флотѣ получилась бы такая билиберда, такое узурпаторство власти, что не приведи Боже! Наконецъ совѣтъ Дугласа адмиралу могъ и не привести къ побѣдѣ, то кого же опять судить?

По Морскому Уставу у младшихъ адмираловъ должны быть флагъ-капитанами командиры судовъ, но во первыхъ начальству дано право дополнять Уставъ, а во вторыхъ не тянуть же командирамъ тѣхъ адмираловъ подъ судъ, которые не желаютъ ихъ назначать своими флагъ-капитанами и въ третьихъ надо войти въ положеніе младшихъ флагмановъ, которымъ иногда за короткое свое плаваніе приходится разъ двадцать (были такіе примѣры) перемѣняться съ судна на судно. Не трудно понять, чье вліяніе будетъ сильнѣе на любого адмирала: этихъ ли часто мѣняющихся флагъ-капитановъ или однихъ и тѣхъ же флагъ-офицеровъ. Вотъ и отдавайте подъ судъ за вліянія! Вообще у насъ теперь очень странное для внѣшней безопасности всякой страны направленіе. Требуютъ отмѣны смертной казни, а весь фундаментъ военнаго уложенія о наказаніяхъ покоится на ней, да не только у насъ, но и у всѣхъ. Кричатъ объ отдачѣ подъ судъ подчиненныхъ за исполненіе приказаній своихъ прямыхъ начальниковъ, а раньше всѣми военными законоположеніями только од-

ного этого и добивались, нещадно казня за малѣйшее уклоненіе отъ воли начальства. Престижъ власти оставался превыше всего и тутъ не было никакого снисхожденія, какъ бы подчиненный не былъ правъ и какъ бы начальство не было виновато. Правильно или неправильно, но это была неукоснительная система и надо было заблаговременно ее переимѣнить, а потомъ уже предъявлять новыя требованія.

Статья пятая Морск. Уст. гласитъ: „Начальникъ отвѣчаетъ за послѣдствія даннаго имъ приказанія, а подчиненный—за точное исполненіе онаго“. Статья четырнадцатая Морск. Уст. гласитъ: „Никто изъ служащихъ во флотъ не долженъ простираť власти своей за предѣлы назначенные закономъ“. Но тутъ сейчасъ же опроверженіе въ слѣдующемъ: „Превышеніемъ власти не считается, когда отдѣльный начальникъ, въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, приметъ на свою отвѣтственность какую либо особенную мѣру“ (напримѣръ сдаться флотъ или отрубить голову) „и потомъ докажетъ, что это было необходимо въ видахъ Государственной пользы“ и т. д. и т. д. Стоитъ ли доказывать, когда всѣмъ извѣстно, что „снявши голову по волосамъ не плачутъ“. Вотъ въ такомъ родѣ написанъ нашъ Морской Уставъ и съ нимъ: или уже очень легко плавать или совсѣмъ невозможно, въ особенности на маленькихъ судахъ, которыхъ теперь множество.

Г. Кладо приводитъ выдержку изъ своего мнѣнія о судѣ. „Судъ долженъ судить не человека, а его мысли и дѣйствія, оставляя его самого въ сторонѣ“. До сихъ поръ его самого оставляли въ тюрьмѣ, но по новому „въ сторонѣ“. „Пройдутъ годы,—продолжаетъ онъ,—не будетъ ни насъ, ни участниковъ Цусимскаго боя, но останется русскій флотъ, и въ сердцѣ русскаго народа будетъ продолжать жить горечь обиды и страха, что это можетъ повториться вновь“.

И непременно повторится, добавлю я, если кремневые ружья будутъ сражаться противъ штуцеровъ, револьверы противъ ружей, ружья противъ пушекъ, парусные корабли противъ паровыхъ, незащищенные крейсера противъ броненосцевъ и послѣдніе противъ подводныхъ лодокъ. Стѣну лбомъ не прошибешь, и слѣпому за зрячимъ не угнаться, сколько ни суди!

Вотъ тоже г. Кладо со всей силой, которая у него нашлась, обрушился на наши суда, спасшіяся послѣ сраженій 28 іюля и 14 мая въ нейтральные порта, называя это величайшимъ позоромъ и требуя для нихъ самыхъ жестокихъ наказаній, но того не подумалъ, что у англичанъ того же самаго не случилось бы потому, что они заблаговременно подготовили себѣ повсюду собственные порта. Съ нами тоже не произошло бы, если бы пустили въ бой настоящія суда, а не суррогатъ ихъ, каковыми были „Аскольдъ“, „Діана“, „Олегъ“, „Аврора“, „Жемчугъ“, миноносцы, если бы эти суда построили съ такимъ райономъ плаванія, чтобы въ случаѣ несчастія они могли бы добраться до собственныхъ портовъ. Все есть слѣдствіе неразумныхъ послѣдствій!

Затѣмъ Вы указываете, что мною допущена „небрежность“ въ отношеніи Вашего разбора Цусимскаго сраженія, такъ какъ вы не разъ высказывали печатно, что наша эскадра чуть не вдвое слабѣе японской. Адмиралъ же Того говоритъ: почти равна. Кому же больше вѣрить: вамъ или Того? Лучше я васъ обоихъ спрошу: насколько Нахимовская эскадра въ Синопскомъ сраженіи была сильнѣе Турецкой, хотя числомъ судовъ уступала ей? Можно-ли сказать: почти вдвое, втрое, вчетверо, когда она въ дѣйствительности, благодаря новымъ бомбическимъ пушкамъ и разрывнымъ гранатамъ, была сильнѣе по крайней мѣрѣ въ тысячу разъ и мы безъ труда подвергли турокъ такой же бойнѣ, каковую теперь получили отъ японцевъ. Еще спрошу: насколько только

что созданный въ междоусобную американскую войну броненосецъ „Меримакъ“ былъ сильнѣе дравшихся съ нимъ деревянныхъ фрегатовъ „Конгрессъ“ и „Кумберлендъ“? Полагаю, что не въ десять разъ, а въ десять тысячъ разъ. Затѣмъ, въ какой степени наша эскадра была слабѣе Японской, если ей приказано было стрѣлять рѣдко, да мѣтко, почему она выпускала снарядовъ сто въ минуту, а Японская стрѣляла зря, но стрѣляла по площадямъ и выпускала не менѣе 1000 снарядовъ въ минуту?

Далѣе, какой цифрой слѣдуетъ выразить силу японской эскадры противъ нашей, если скорость ея хода превышала нашу на 6 узловъ? Не невѣжество-ли сказать: „почти вдвое“, когда въ сущности это превышеніе равно въ сто разъ. Не вѣрите, такъ подсчитайте. И наконецъ! Чѣмъ выразить соотношеніе силъ, если ввести въ расчеты подводныя лодки и стрѣльбу на такихъ дистанціяхъ, при которыхъ наши ядра до японцевъ или не долетали, или были почти безвредны? Опять почти вдвое, почти втрое, а не въ столько же разъ, во сколько всякій слѣпой абсолютно безсиленъ противъ зрячаго, т. е. попросту сказать—въ несмѣтное число разъ.!

Какъ-же вы, г. Кладо, такой ученый, разученый—ничего изъ Цусимскаго сраженія не только не поняли, но еще гордо на весь свѣтъ объявилъ, что въ немъ ничего новаго нѣтъ, что „люди за пушками выигрываютъ сраженія“, а не машины и не новыя средства борьбы. Если же вспомнить при томъ ваши горячіе совѣты посылать: подвижныя базы, войска, лодку „Храбрый“, „Мининъ“, „Пожарскій“, то прямо беретъ ужасъ: все бы, все бы было на днѣ! Одинъ Господь Богъ оберегъ отъ вашихъ легковѣсныхъ совѣтовъ. Страшно подумать, сколько было бы неповинныхъ страданій и жертвъ!

Не правъ ли я былъ послѣ того, сказавъ: что г. Кладо въ своемъ разборѣ сраженія исходилъ изъ основнаго

невѣрнаго предположенія, что „бой велся при равныхъ матеріальныхъ средствахъ, но не съ одинаковымъ искусствомъ“, и „что мы на потѣху всего свѣта, подобно дикарямъ, выступили съ пращей и стрѣлой на плотяхъ и ладьяхъ, и умный врагъ раскидалъ и размѣталъ насъ, не удостоивъ даже допустить до себя“?

Вы удивляетесь, безконечно удивляетесь моему заявленію, „что дни боевыхъ эскадръ сочтены, ихъ изъ ночи въ ночь добьютъ минныя суда“. Раньше чѣмъ удивляться, посчитайте число жертвъ въ эту войну отъ минъ и отъ артиллеріи и тогда вы перестанете удивляться. Но непременно присчитайте къ нимъ: первую ночную атаку, „Севастополь“ за бонами, „Суворовъ“, „Ослябя“, и думаю „Бородино“. Затѣмъ вы рекомендуете идти на атакующій миноносецъ носомъ. Ну, а если ихъ атакуютъ не одинъ, а нѣсколько, то тоже слѣдовать Вашему совѣту? Какіе же миноносцы тогда будутъ съ носа и какіе съ борта? Лучше бросьте рекомендовать, совѣтовать и даже писать морскія статьи, пока не подучитесь морскому дѣлу на практикѣ. Ни одинъ изъ командировъ не возьметъ васъ къ себѣ даже въ качествѣ подвахтеннаго офицера, а вы туда же съ совѣтомъ.

Потомъ вы утверждаете и чисто на вѣтеръ: „что минныя суда въ большинствѣ случаевъ безсильны противъ большихъ кораблей, разъ тѣ сохранили свой ходъ и артиллерію“. Во первыхъ, нѣтъ еще на свѣтѣ такихъ эскадръ, которыя бы непрерывно могли плыть большимъ ходомъ, всегда будутъ отстающія и останавливающіяся суда, изъ за которыхъ всей эскадрѣ придется уменьшать ходъ или стопорить машины, а этого будетъ достаточно для успѣшныхъ нападеній минныхъ судовъ; во-вторыхъ, не хватить никакого угля, если эскадра каждую ночь будетъ ходить большею скоростью; въ третьихъ, всякая эскадра ночью будетъ нести кильватерные, кормовые фонари, по огнямъ которыхъ минныя суда, безъ вреда

для себя, будутъ пускать мины и если удачно, то поврежденный корабль выйдетъ изъ строя, флотъ остановится, столпится для подачи помощи и тутъ снова явится жатва для минъ; въ четвертыхъ вслѣдствіе дальности минъ (3¹/₂ версты) артиллерія ночью бесполезна; въ пятыхъ, если эскадру будутъ сопровождать минныя суда, то ночью нельзя будетъ отличить своихъ отъ чужихъ и опасность отъ разстрѣла минами и пушками тѣхъ и другихъ, въ сумятицу, увеличится вдвое; въ шестыхъ освѣщеніе прожекторами хотя бы только съ однихъ миноносцевъ или крейсеровъ принадлежащихъ эскадрѣ дѣлу не поможетъ потому, что непріятельскія суда тоже начнутъ свѣтить и тогда эскадрѣ придется стрѣлять безъ разбора по всѣмъ.

Вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему большія японскія суда послѣ Цусимскаго сраженія немедленно съ наступленіемъ темноты удалились изъ сферы дѣйствій своихъ миноносцевъ. Что-же касается безуспѣшныхъ дѣйствій японскихъ миноносцевъ послѣ Шантунскаго сраженія 28 іюля, то это произошло оттого, что наши суда побѣждали въ раздробъ и японцы кромѣ того не поняли, куда они направились: къ югу или опять къ Портъ-Артуру. Не будь этого случая, результатъ минныхъ атакъ былъ бы совсѣмъ другой.

Отвѣтъ на статью г-на Варяга:

„Въ Британскомъ флотѣ и у насъ“ *).

Г. Варягъ, изъ „Нов. Вр.“ скрываясь подъ своимъ псевдонимомъ, язвить и язвить при всякомъ удобномъ случаѣ почти всѣхъ участниковъ нашей морской войны съ Японіей. Теперь онъ придрался совершенно не кстати къ крушенію англійскаго броненосца „Монтегю“.

Дѣло это въ сущности самое обыкновенное: броненосецъ въ туманѣ, наскочивъ на подводные камни, не могъ быть съ нихъ спасенъ и командира со штурманскимъ офицеромъ за то судили и приговорили къ довольно легкимъ наказаніямъ. Подобныхъ происшествій какъ у насъ, такъ и въ Англіи было множество, приговоры по нимъ почти тождественны и даже пожалуй у насъ строже, судя по недавнему случаю съ нашимъ учебнымъ судомъ „Океаномъ“, который какъ никакъ не погибъ, но командира его всетаки отрѣшили отъ командованія. Такъ что приводить г. Варягу сентенціи изъ газеты „Times“ — о строгости и отвѣтственности службы въ Британскомъ флотѣ, — да еще въ заглавной выдержкѣ, совершенно безцѣльно и вполне неумѣстно. Но видно уже судьба такая г-ну Варягу: твердить заученныя фразы не тогда, когда нужно, а когда совсѣмъ ненужно. Онъ впрочемъ не разъ въ еще худшихъ противорѣчіяхъ попадался,

*) Примѣчаніе автора. Эту статью „Нов. Вр.“ не пожелало напечатать и потому сдѣлала это газ. „Котлинъ“.

да редакция „Новаго Времени“ усиленно спасаетъ свое сокровище, упорно не помѣщая изобличеній на него.

„Бѣда коль пироги начинаетъ печи сапожникъ“... а таковымъ и даже гораздо похуже есть г-нъ Варягъ, такъ какъ чѣмъ иначе можно объяснить тѣ непростройныя выходки въ его гадкой статьѣ противъ людей, честно и беззавѣтно жертвовавшихъ своими жизнями для родины, какъ намѣренно злымъ непониманіемъ дѣла.

Судите кто угодно.

Командиръ и штурманъ броненосца „Монтегю“ были приговорены къ примѣрному наказанію за небрежность и безпечность при плаваніи въ туманѣ и конечно были бы оправданы и даже вовсе не судимы, если бы по разслѣдованіи оказалось бы, что курсъ корабля былъ проложенъ правильно, но меркаторская карта или компасы, или лаги оказались бы невѣрными.

Не то ли же самое произошло съ нашимъ флотомъ въ борьбѣ съ японцами, когда въ силу устройства нашихъ снарядовъ, станковъ и башенъ, въ силу невѣрныхъ таблицъ стрѣльбы и тихаго хода эскадръ, все наше обзаведеніе оказалось невѣрнымъ и потому никакое искусство или мужество не спасли бы насъ отъ полной гибели, еслибы на наше счастье не подоспѣла ночь, прекратившая систематическое, безпощадное, и совершенно безнаказанное для японцевъ, истребленіе нашихъ судовъ?

Будь какой угодно храбрецъ, но и тотъ упадетъ духомъ, растеряется, если убѣдится, что то оружіе, на которое онъ надѣялся, которому вѣрилъ всю жизнь, ему измѣнило, его продало и оказалось жалкимъ пухомъ.

Вѣдь $\frac{7}{8}$ успѣха флота зависитъ отъ машинъ, отъ техники и только $\frac{1}{8}$ отъ качествъ и свойствъ человѣка. Если г-нъ Варягъ и другіе думаютъ иначе, то они вѣроятно исходятъ изъ представленій о борьбѣ на сушѣ и тѣмъ впадаютъ въ большую ошибку, потому что мор-

скія дѣйствія отъ сухопутныхъ тѣмъ и отличаются, что флоты борются въ движеніяхъ, а войска въ неподвижныхъ состояніяхъ, первымъ не надо завоевать позицій—онѣ бѣгають съ ними,—вторымъ надо и при томъ съ величайшей отвагой. Кораблямъ выгодныя положенія даетъ машина, солдатамъ беззавѣтная храбрость и талантъ начальниковъ.

Вотъ та громадная разница въ борьбѣ на сушѣ и въ сраженіяхъ на морѣ, но этого такіе писатели какъ Варягъ, Кладо и многіе изъ публики не понимаютъ, и все переписываютъ одной храбрости, а она въ современныхъ флотахъ чуть не вся отошла въ область того прошлаго, когда военнымъ судамъ надо было сѣблаться на абордажъ.

Какая теперь нужна храбрость, когда за крѣпкой броней быстродвигающихся военныхъ судовъ, когда за толстымъ слоемъ воды съ подводныхъ лодокъ могутъ сражаться не только мужчины, но чуть не дѣти! Если на сушѣ окончательный успѣхъ еще зависитъ отъ штурма позицій, отъ штыковъ, сабель и безумной храбрости, то на флотѣ не только съ этимъ, но съ пушками и броней ничего не сдѣлаешь, если машины кораблей не двигаютъ ихъ быстрѣе непріятельскихъ.

Скорость японскихъ судовъ превышала русскія на 10—11 верстъ въ часъ, за цѣлый день сраженія мы имъ ничего не сдѣлали, а они у насъ вырывали лучшіе корабли. Какіе люди устоятъ противъ бомбъ, похожихъ по дѣйствию на дачѣ министра Столыпина, у какихъ храбрецовъ не сломится сила сопротивленія и какіе герои послѣ того не падутъ духомъ? Только слѣпое ненавистничество можетъ злорадствовать надъ ними, можетъ осудить ихъ за то.

Г-нъ Варягъ обрушивается на легкіе крейсера „Аскольдъ“, „Діану“, „Олегъ“, „Аврору“, „Жемчугъ“, будто бы бросившихъ свои броненосныя эскадры и ушед-

шихъ: кто въ Шанхай, кто въ Сайгонъ, кто въ Манилу и совершенно оправдываетъ въ томъ же самомъ броненосецъ „Цесаревичъ“, вслѣдствіе полученныхъ имъ серьезныхъ поврежденій. Это вѣроятно уже по přátельству, такъ какъ у всѣхъ спасшихся крейсеровъ были поврежденія не менѣе, чѣмъ у „Цесаревича“, а у „Олега“ такъ значительно болѣе и опаснѣе, при томъ устройство легкихъ крейсеровъ таково, что они фактически не могутъ драться съ броненосцами и волей-неволей принуждены отъ нихъ уходить. Осуждать ихъ за то, это все равно, что осуждать „Весту“, ушедшую отъ турецкаго броненосца.

Далѣе, говоря про „Олега“, г. Варягъ впадаетъ въ ту беззащитную ложь, которую уже надобно опровергать. Зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, надо спросить его?

Отвѣтъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ

Х, Y, Z. *).

Г-нъ А. Зетъ отъ имени Россіи, отъ имени Морского Министерства требуетъ меня, капитана 1-го ранга Леонида Федоровича Добротворскаго, къ отвѣту. Дѣлаетъ онъ это прикрывшимъ фальшивымъ именемъ и съ подложной довѣренностью, такъ какъ несомнѣнно не Россія, не Морское Министерство ему такихъ полномочій не

*) Примѣчаніе автора. Эту статью газета „Слово“, гдѣ писалъ г. Зетъ, не пожелала напечатать.

давали. Онъ вродѣ фальшиваго полицейскаго врывающагося ночью въ домъ подъ видомъ пресѣченія крамолы, но въ сущности съ цѣлью напуга, шантажа или грабежа. Въ этомъ случаѣ этотъ г-нъ Зетъ напоминаетъ мнѣ морского писателя Бѣломора, который Бѣлаго моря совсѣмъ не зналъ, но называлъ себя Бѣломоромъ, который будучи полиціймейстеромъ въ Либавѣ предполагалъ въ себѣ истинные таланты моряка, который сводя личные счета съ бывшимъ управляющимъ морскимъ министерствомъ Чихачевымъ, блисталъ по сему поводу дешевымъ остроуміемъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и который изъ подражанія южно-американскому крейсеру „Алабамы“ и моднымъ тогда англійскимъ, фантастическимъ, морскимъ повѣстямъ написалъ какую то дѣтскую чепуху подъ названіемъ крейсера „Русская Надежда“ или что то въ этомъ родѣ.

Г-нъ А. Зетъ повидимому большой сторонникъ этого Бѣломора, потому что первымъ дѣломъ въ своей статейкѣ накинута на мое указаніе объ отсутствіи у насъ собственныхъ колоній и угольныхъ станцій и въ чемъ косвенно былъ очень виноватъ Бѣломоръ, такъ какъ будучи тогда единственнымъ морскимъ писателемъ, онъ въ своихъ статьяхъ и повѣстяхъ все время проповѣдывалъ какую то крейсерскую войну, для чего въ ней покорялъ, подобно Донъ-Жуану, всякихъ турчанокъ, итальянокъ, англичанокъ и такъ повліялъ на нашихъ морскихъ министровъ, что тѣ въ сильной степени отвлеклись отъ созданія линейныхъ судовъ въ пользу негодныхъ и ненужныхъ намъ крейсеровъ: вродѣ „Рюрика“, „Россіи“, „Богатыря“, „Олега“, „Авроры“, „Дианы“, „Паллады“. Ухлопали на нихъ и другихъ миліоновъ 85, но конечно никакой настоящей силы не создали, а насъ и нашихъ родныхъ, благодаря этой дряни, только опозорили. Развязностью и хлесткостью манеры писать, онъ тоже очень похожъ на г-на Бѣломора.

Вѣдь чего только не нагородилъ въ своей коротенькой статьѣ этотъ г-нъ Зетъ! Тутъ есть: и судите да не судимы будете, и обвиненіе всей Россіи, и невѣжество Морского Министерства и богатыри Карлъ Петровичъ съ Оскаръ Адольфовичемъ и полицейскій трюкъ въ сторону Лужкова и Бурачка, словомъ: песокъ, укусъ и колесо.

Такъ чтоже вамъ угодно г-нъ А. Зетъ? Вы отъ имени Россіи желаете знать отъ командира „Олега“ кратко, точно и ясно: почему мой адмиралъ уходя на югъ не назначилъ рандеву и почему онъ пошелъ такимъ большимъ ходомъ, что не „Дмитрій Донской“, не „Владиміръ Мономахъ“, не „Свѣтлана“, не другіе не могли слѣдовать за нимъ, между тѣмъ какъ ясно были видны ихъ тяжелыя поврежденія? Если-бы вы г-нъ Зетъ были подобросовѣстнѣе и повнимательнѣе, то на всѣ эти интересующіяся вопросы могли бы найти точные отвѣты въ нашихъ донесеніяхъ и въ моемъ, непонравившемся вамъ своею длинотой, отвѣтѣ г-мъ Кладу и Варягу въ „Нов. Вр.“.

Не желая позволять Вамъ безнаказанно оскорблять насъ, наши команды и нашихъ родныхъ въ такихъ напрасныхъ обвиненіяхъ, какъ трусость и бѣгство, отвѣчаю вамъ коротко и ясно: никакихъ сигналовъ „слѣдовать за мною“ мой адмиралъ не дѣлалъ, потому что нечѣмъ ихъ было слѣдовать—всѣ фалы и электрическіе провода были перебиты. Но если бы ночная сигнализациа и была цѣла, то все равно никакихъ сигналовъ не дѣлали-бы, чтобы не создавать цѣли для непріятельскихъ миноносцевъ. Кромѣ того, странно было подымать сигналъ о „рандеву“, когда у адмирала не было еще ни малѣйшаго намѣренія уходить куда либо и когда онъ и остальные суда повернули къ югу временно, изъ тактическихъ соображеній, чтобы принимать атаки японскихъ миноносцевъ съ кормы, на погонѣ, а не встрѣчными курсами.

Относительно же предположенія, что крейсера разлучились вслѣдствіе быстрого хода „Олега“, то оно совершенно невѣрно, такъ „Свѣтлана“ и „Алмазь“ ходили не тише „Авроры“, а однако они разошлись, „Аврора“ же нѣтъ. „Владиміръ Мономахъ“ и „Дмитрій Донской“ ходили одинаково другъ съ другомъ и не тише отряда Небогатова, а тоже разлучились и съ нимъ и между собою. Миноносцы и „Жемчугъ“ тоже самое. Причиной разброса судовъ была темнота и атаки японскихъ миноносцевъ, а никакъ не временный быстрый ихъ ходъ.

Наконецъ, мы ясно видѣли, что изъ всѣхъ нашихъ крейсеровъ больше всего былъ избитъ „Олего“, но никакъ не „Донской“, „Мономахъ“, „Алмазь“ и „Свѣтлана“. Последняя дѣйствительно въ самомъ началѣ сраженія получила диферентъ въ носъ, но къ концу боя мы этого диферента уже не замѣчали—повидимому она его исправила.

Пошли же мы на югъ окончательно только тогда, когда въ борьбѣ съ миноносцами убѣдились, что изъ-за темноты разлучились со своей эскадрой.

Ваши же закивоки насчетъ Лужкова и Бурачка не имѣютъ мѣста уже потому, что насколько я помню все общество обвиняло не ихъ, а морское вѣдомство пославшее „Русалку“ въ плаваніе съ проржавленнымъ дномъ. Лужковъ же если и былъ виноватъ то по легкомыслію и отсутствію инструкціи слѣдовать за „Русалкой“ въ качествѣ конвоира.

Во всякомъ случаѣ въ глазахъ такихъ писателей, какъ Вы и г-нъ Бѣломоръ, всегда бываютъ виноваты стрѣлочники, а не инженеры построившія дорогу.

Письмо въ редакцію.

(О крейсерахъ Адмирала Энkvиста) *).

М. Г. Г-нъ редакторъ! Прошу помѣстить слѣдующее. Въ „Новомъ Времени“ отъ 28 іюня опять упоминается о крейсерахъ и о преданіи суду. Хотя бы выраженія то были переменены, а то и выраженія то тѣже самыя, что повторялись не разъ. Все одно и то же въ каждой морской статѣ. Неужели „Новое Время“ не догадывается, что оно служитъ ширмою для чьихъ то личныхъ цѣлей, задача которыхъ не выяснять истину о Цусимскомъ боѣ, а нарочно затемнять ее, нарочно искать въ ней средствъ для сведенія какихъ то жалкихъ счетовъ. Чѣмъ иначе объяснить то упорное непониманіе обстановки ночного боя, когда нельзя ничего видѣть на самомъ близкомъ разстояніи, а не только за версту, за двѣ, на которыхъ суда отстоятъ другъ отъ друга, и когда не надо и бѣжать чтобы все таки считаться убѣжавшимъ. Какъ въ темной комнатѣ невозможно иногда найти той или другой вещи, такъ тѣмъ болѣе ночью порою въ морѣ. Если бы еще крейсера были выстроены въ одну линію съ броненосцами, то тогда можно бы было какъ нибудь держаться другъ за другомъ безъ кормовыхъ огней, а то вѣдь этого не было. Они, какъ и Японскіе крейсера, составляли отдѣльный строй, имѣя назначе-

ніемъ драться не съ броненосцами, а съ крейсерами же. почему къ концу дня, силою обстоятельствъ, крейсера оказались влѣво и впереди отъ головныхъ броненосцевъ „Бородино“ и „Орель“ въ верстахъ четырехъ, а отъ отставшаго отъ нихъ броненосца „Николай“ и его отряда въ верстахъ восьми. А такъ какъ съ наступленіемъ сумерокъ сейчасъ же бросились съ разстоянія версты девяти въ атаку на насъ Японскіе миноносцы, то „Орель“ и мы, крейсера, повернулись къ нимъ кормами, чтобы отражать ихъ на погонѣ, и не далѣе какъ черезъ четверть часа уже скрылись другъ отъ друга въ полномъ мракѣ, когда даже самыя ближайшія суда едва различали, что дѣлаютъ ихъ сосѣди; объ дальнѣйшихъ же, конечно, не можетъ быть рѣчи: ихъ совершенно невозможно было видѣть и слѣдовательно знать: куда онѣ поворачиваютъ и куда идутъ.

Все это азбучныя истины и смѣшно объ нихъ даже рассказывать, но что же дѣлать газету „Новое Время“ нарочно кто то дѣлаетъ непонятливою не только относительно темноты, строевъ, расположенія судовъ, но и того, что обвиняя насъ въ бѣгствѣ, оно обвиняетъ въ томъ-же и другія суда, такъ какъ разлучились съ Небогатовымъ не только мы, но также „Алмазъ“, „Свѣтлана“, „Дмитрій Донской“, „Владиміръ Мономахъ“, „Адмиралъ Нахимовъ“, „Адмиралъ Ушаковъ“, „Сисой Великій“ и всѣ миноносцы. Если насъ надо отдать подъ судъ, то по всей справедливости слѣдуетъ и ихъ, да еще плюсъ отдѣлившихся послѣ Шантунгскаго сраженія отъ князя Ухтомскаго, броненосецъ „Цесаревичъ“, крейсеровъ „Аскольдъ“, „Діана“, „Новикъ“ и нѣсколько миноносцевъ, да еще плюсъ крейсера „Россія“ и „Громобой“, ушедшихъ отъ крейсера „Рюрикъ“.

*) Примѣчаніе автора. Это письмо тоже не было принято „Нов. Вр.“ и потому его напечатала газ. „Котлинъ“.

Отвѣтъ
отставному капитану 1-го ранга Парфенову.

Письмо въ редакцію газ. „Котлинг“.

М. Г. Г-нъ редакторъ! За время моего отсутствія изъ Петербурга появилось въ вашей уважаемой газетѣ письмо г-на Парфенова, имѣющее предметомъ критику моего письма, отъ 2-го іюля въ вашей же газетѣ. Прошу не отказать помѣстить слѣдующее:

Г-нъ Парфеновъ приводитъ выдержки изъ сраженія Перуанскаго монитора „Гуаскара“ съ двумя Чилийскими судами въ 1879 году и предполагаетъ, что если „Гуаскаръ“ могъ драться ночью, да еще съ разстоянія 15-ти кабельтовыхъ, со своими двумя противниками, то значитъ и наша эскадра подъ Цусимой могла дѣлать тоже самое.

Г-нъ Парфеновъ не хочетъ сообразить, что если ночью за 2¹/₂ версты настолько ясно видны суда, что по нимъ можно стрѣлять и опредѣлять разстояніе, то слѣдовательно такая ночь называется свѣтлою, а не темною, какая была у насъ съ 14 на 15-е мая 1905 г. Мы въ это время не только съ 15-ти кабельтовыхъ, но и съ 2-хъ едва могли различать суда, при томъ „Гуаскаръ“ какъ Перуанецъ былъ одинъ, а насъ русскихъ было много, онъ никакъ не могъ смѣшать себя съ Чилийскими судами, мы же совершенно не различали своихъ отъ японцевъ, такъ какъ по пословицѣ: всѣ кошки ночью сѣры.

Для г-на Парфенова такая истина совершенно не постижима, для него темныхъ ночей, когда не зги не видно, когда на командномъ мостикѣ не отличишь вахтеннаго начальника отъ сигнальщика, не полагается, потому что съ упорной прямолинейностью послѣ упоминанія о „Гуаскарѣ“, продолжаетъ мнѣ читать правоученія въ видѣ такихъ жеманныхъ, непонятныхъ вопросовъ: извѣстно ли мнѣ, что суда плаваютъ ночью и не сталкиваются, извѣстно ли мнѣ, что знаменитые военно-морскіе авторитеты, какъ контръ-адмиралъ Коломбъ, капитанъ Мехэнъ и историкъ Джонъ-Джемсъ признаютъ ночной бой наивыгоднѣйшимъ для слабѣйшаго „изъ двухъ встрѣтившихся противниковъ“, если только организація службы корабля позволяетъ это слабѣйшему сдѣлать, а въ противномъ случаѣ рекомендуютъ ему удирать?

Экіе, подумаешь, добрые какіе, а главное не извѣстно ли г-ну Парфенову вмѣстѣ съ ними: что за штука такая „ночная организація службы корабля“ и почему тогда слабѣйшій самозванно величаетъ себя слабѣйшимъ, когда онъ съ увѣренностью на побѣду вступаетъ въ бой съ сильнѣйшимъ и натывается у него на такую же ночную организацію. Вѣдь впередъ онъ этого знать не можетъ, такъ какъ не филины же у него вмѣсто команды, а тѣ-же люди, которые все равно темною ночью дальше 2-хъ шаговъ не увидятъ. А какъ же все таки быть не съ двумя противниками, но съ эскадрами ихъ? Что слышно объ этомъ у г-на Парфенова съ г-мъ Мехеномъ, особенно если эти эскадры еще безъ всякихъ отличительныхъ огней?

Эхъ, г-нъ Парфеновъ: слѣпой зрячаго не водить, а послѣдній и ночью безъ фонаря не ходитъ!

Напрасно вы меня утруждаете и другимъ вашимъ бесполезнымъ вопросомъ: гдѣ были съ разсвѣтомъ 15-го мая 1905 г. крейсера „Олегъ“, „Аврора“ и „Жемчугъ“,

такъ какъ не только мнѣ, вамъ, но и всему Свѣту извѣстно объ этомъ, но вотъ никому, кромѣ васъ, неизвѣстно, чтобы „Свѣтлана“, „Владиміръ Мономахъ“, „Адмиралъ Нахимовъ“, „Адмиралъ Ушаковъ“ и „Сисой Великій“ были въ это время или позже у о-ва Дежелева. Тамъ оказался въ тотъ день только одинъ „Дмитрій Донской“ и объ этомъ не зная довольно совѣстно.

Вы скажете, что это все равно, суть въ томъ, что они исполняя свой долгъ шли на Сѣверъ, а мы, не исполняя долга, уходили на Югъ. Но я въ своемъ письмѣ говорилъ только объ общемъ, фатальномъ разбродѣ судовъ другъ отъ друга, чему причиной были наши дневныя пораженія и темнота, но никакъ не стремленіе снова искать встрѣчи съ Японцами, да еще въ раздробь.

Если крейсера „Громобой“ и „Россія“ отвлекли отъ „Рюрика“ отрядъ Камимуры, то можетъ быть крейсера „Олегъ“, „Аврора“, „Жемчугъ“ отвлекли часть минныхъ атакъ отъ нашихъ броненосцевъ. Почему зная?

Въ концѣ же концовъ, когда сражаются револьверами противъ ружей, что благодаря нашимъ снарядамъ, невѣрнымъ таблицамъ стрѣльбы и тихому ходу имѣло съ нами сходство, то пораженія и дальнѣйшія несчастія неизбежны, но винить насъ въ томъ неправильно.

Услужливыя „дубинки“.

Отвѣтъ на статью г-на Парфенова въ газетѣ „Котлинъ“.

Ахъ, г-нъ Парфеновъ, и нейдетъ же Вамъ! Въдь вы опять попали пальцемъ въ небо, опять ничего не поняли изъ моего отвѣта г-ну Варягу въ № 214. Напрасно вы думаете, что я подозреваю васъ во лжи. О

нѣтъ, никогда! Чтобы лгать надо, какъ ни какъ, имѣть собственные мысли; а вы живете только чужими, почему такъ и щедръ на выдержки изъ разныхъ Мэхеновъ, Коломбовъ, Драгомировыхъ, да и тѣхъ къ сожалѣнію, не осиливаете примѣнять сколько нибудь правильно.

И что вамъ за охота начинать свои статьи всевозможными чужими изрѣченіями? Цитируйте лучше одного меня, но дѣлайте это болѣе добросовѣстно, не пропуская начала, не съѣдая конца, а то иначе выходитъ сплошная чепуха.

Я васъ научу какъ слѣдуетъ питаться чужими мыслями и изрѣченіями.

Вотъ вы прямо начали съ середины: „какая теперь нужна храбрость, когда за крѣпкой броней быстроходныхъ военныхъ судовъ, когда за толстымъ слоемъ воды съ подводныхъ лодокъ могутъ сражаться не только мужчины, но чуть не дѣти“ и т. д., а полѣнились выписать начало, которое состоитъ въ слѣдующемъ:

„Будь какой угодно храбрецъ, но и тотъ упадетъ духомъ, растеряется, если убѣдится, что то оружіе, на которое онъ надѣялся, которому вѣрилъ превыше жизни, ему измѣнило, его продало и оказалось жалкимъ пухомъ. Въдь $\frac{7}{8}$ успѣха флота зависятъ отъ машинъ, отъ техники и только $\frac{1}{8}$ отъ качествъ человѣка... флоты борются въ движеніяхъ, а войска въ неподвижныхъ состояніяхъ, намъ не надо завоевывать позицій,—онѣ бѣгаютъ съ нами, а имъ надо и при томъ съ величайшей отвагой... Намъ выгодныя положенія даетъ машина, имъ беззавѣтная храбрость и талантъ начальниковъ“.

Кромѣ того Вы съѣли конецъ, который состоитъ въ слѣдующемъ:

„Ходъ японскихъ судовъ превышалъ русскихъ на 10 верстъ въ часъ, за цѣлый день сраженія мы имъ ничего не сдѣлали, а они погубили у насъ лучшіе корабли“.

Спиши вы такъ по порядку и никакой бы „ереси“ не получилось, но вылилось бы правильное положеніе, къ которому нельзя ни придаться, ни тѣмъ болѣе приклеить приводимое вами изреченіе Мэхена: „оружіе и способъ веденія войны могутъ мѣняться, (какой добрый этотъ Мэхенъ!) но характеръ націи, люди—остаются остаются одни и тѣже“. (Куда же дѣвались Римляне, Египтяне и т. д.—воскликну я!)

Далѣе вы поступили еще неправильнѣе, потому что пустились излагать собственныя мысли, а это уже совсѣмъ плохо.

Я, напримѣръ, ровно ничего не говорилъ о самомъ министрѣ Столыпинѣ, а только для ясности сравнилъ силу японскихъ бомбъ съ тою, которая взорвалась на его дачѣ, но вы ни съ того, ни сего начали выхвалять мужество г-на Столыпина.

Радуюсь вашей предусмотрительности передъ все-сильнымъ человѣкомъ; но я такую проницательностью не обладаю, однако ни за что не осудилъ бы г-на министра, еслибы онъ, зная что за первой бомбой послѣдуетъ еще двадцать, безъ оглядки удралъ бы отъ нихъ. Точно такъ же не осудилъ бы и васъ, г-нъ Парфеновъ, еслибы вамъ пришлось спастись отъ разъяреннаго быка скачкомъ на заборъ или прыжкомъ въ прудъ.

Не осудилъ бы и Небогатова, если бы онъ удралъ на слѣдующій день отъ японскаго флота или приказалъ бы открыть кингстоны. Не осудилъ бы и миноносецъ „Бѣловый“, если бы онъ, во имя спасенія главнокомандующаго, далъ бы полный ходъ подобно „Грозному“, „Изумруду“ и утекъ бы отъ японцевъ.

Ужасно вы, и подобные вамъ, храбры на словахъ, но навѣрное никто бы изъ васъ не согласился бы пережить тѣ бессмысленныя испытанія, которыя пришлось почувствовать намъ.

И къ чему послѣ того болтать неумѣстный и оскор-

бительный вздоръ объ разныхъ Святославахъ, потомкахъ Игоря, объ „Свѣтланахъ“, „Ушаковыхъ“, „Донскихъ“, когда навѣрно имъ пришлось бы поступить совершенно иначе, еслибы у нихъ не оказалось бы оружія или явилась бы какаянибудь возможность пройти мимо враговъ.

Затѣмъ вы дошли своимъ умомъ, что герои вырабатываются *жизнью* не изъ тѣхъ, которые находятъ тихую пристань въ Маниллѣ, или спасая свою жизнь отъ морской стихіи идутъ въ плѣнъ, или безоружными спасаются впававъ отъ ярости взбунтовавшейся команды, а изъ тѣхъ, которые, по выраженію Драгомирова, суть *„дубинки, на которыхъ всегда можетъ опереться начальникъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время, но которые обыкновенно числятся въ разрядѣ строптивыхъ и непокорныхъ“*.

Не знаю къ какому разряду „дубинокъ“ относитесь вы, но усердіе крыловскаго „медвѣдя“ убило довѣрчиваго „пустынника“, а меньшее усердіе услужливыхъ „дубинокъ“ проломило голову нашему флоту.

Мы—тореадоры.

Мнѣ некогда было сейчасъ же отвѣтить г-ну Парфенову на его дикое предположеніе, что мы, морскіе офицеры, въ его глазахъ ни болѣе, ни менѣе какъ тореадоры, созданные на потѣху публики и Россіи, то дѣлаю это теперь, такъ какъ оставить безъ вниманія его страннаго отвѣта на мою статью „Услужливыя дубинки“ въ газетѣ „Котлингъ“ за № 223 никакъ нельзя.

Договориться до такихъ сравненій, до такого безбожнаго абсурда,—что мы тореадоры,—могъ только одинъ г-нъ Парфеновъ. Торреадоррры!.. Шуты!..

Извольте-ка послѣ того существовать.

Кто же вы то, г-нъ Парфеновъ: зритель первыхъ рядовъ кресель, или тотъ поселянинъ, который выволакиваетъ съ арены цирка туши быковъ? А такъ какъ ему надоѣдаетъ только дѣлать это, то онъ жаждетъ „картинной смерти“ тореадоровъ, чтобы за одно и ихъ выволочить на страницы своихъ замогильныхъ статей т. е. виновать, могильныхъ дрогъ.

Чтобы вамъ самому, г-нъ Парфеновъ, „умереть героемъ, умереть смертью, хотя бы бесполезною для государства, но красивою“, взявши для того въ руки ядовитую змѣю или погладивши бѣшенную собаку. Вотъ картина то будетъ: умереть отъ бѣшенства! Попробуйте право, а мы придемъ смотреть.

Вѣдь вы же обѣщали, какъ пишете, въ Севастопольскомъ собраніи въ присутствіи всѣхъ офицеровъ пролить кровь свою или матросовъ бунтовщиковъ, такъ почему бы вамъ не сдѣлать это теперь въ назиданіи насъ малодушныхъ, спасшихся въ Маниллу. Вы указываете, что японцы, попадавшіе въ плѣнъ, дѣлали надъ собою *харакири*, а я укажу, что они такъ поступали не только на войнѣ, но и въ мирное время, когда ихъ оскорбляли сильные люди. Вотъ васъ тоже оскорбило начальство, уволивъ въ отставку безъ объясненія причинъ, то почему же вы, такой гордый, храбрый и независимый, не устроили надъ собою *харакири*? Ну, а все таки вы бы пролили, какъ торжественно обѣщали это въ Севастопольскомъ собраніи, бунтовщическую, матросскую кровь посредствомъ какого нибудь оружія, не правда ли? Ну, а если бы у васъ этого оружія не было, то какъ бы вы пролили чужую кровь? У насъ же какъ разъ и не оказалось подходящаго оружія, чтобы пролить кровь японцевъ.

Не хотите ли съ кѣмъ нибудь подраться деревянной рапирой противъ стальной, или—хотя бы 12" пушкой противъ горсти камней, но съ завязанными глазами

или—хотя бы съ винтовкою противъ плохенькаго револьвера, но ночью и освѣщая себя фонаремъ или костромъ? Вотъ въ такомъ же родѣ оказались и мы передъ японцами, а потому, я полагаю, ни *картинной*, ни бессмысленною смертью умирать нарочно не стоило, особенно ради васъ и подобныхъ вамъ кровожадныхъ людей.

Пора бы уже вамъ, г-нъ Парфеновъ, перестать угождать и кричать громкія фразы о геройствѣ, славѣ, безсмертіи, потому что онѣ очень, очень опасны для Россіи, но восхитительны для тѣхъ, кто, вмѣсто работы, предпочитаетъ сложа руки выѣзжать на богатырскомъ духѣ и на закидываніи шапками непріятеля. Не то теперь время: надо бить не лбомъ, а умомъ. Вотъ вы, хотя и очень большой герой, но никогда меня не догоните, ни на ногахъ, ни на лошадяхъ, если я буду ѣхать на велосипедѣ или моторѣ. Никакой лобъ не устоитъ противъ пулеметовъ или подводныхъ лодокъ, но съ ними устоитъ и не герой.

Я согласенъ съ вами, что наши пушки были не хуже японскихъ, но снаряды, трубки, таблицы стрѣльбы—для дальнихъ дистанцій,—станки, башни, мины, уголь, подводная окраска, ходъ, снабженіе, опытность, значительно хуже.

Согласенъ, что адмиралъ Того, приблизившись къ намъ по ошибкѣ слишкомъ близко, получилъ довольно серьезныя поврежденія, но это случилось только одинъ разъ и больше не повторялось.

Согласенъ, что наши броненосцы были отличны, но они перевертывались, а японскіе не тонули и не кувыркались.

Пусть контръ-адмиралъ Виренъ и другіе, видѣвшіе поврежденные, японскія суда, удивились, что мы, а не японцы оказались побѣжденными, но вѣдь и мы удивлялись, что артурская эскадра ни разу не воспользова-

лась туманомъ или штормомъ, чтобы разстаться съ такимъ капканомъ, какъ П.-Артуръ.

Затѣмъ вы напрасно думаете, что мы иди на японцевъ рассчитывали на какую то *кривую*. Не считайте насъ, пожалуйста такими глупыми, почитайте наши письма и вы увидите, что мы рѣшительно ни малѣйшей надежды на побѣду не питали, что мы смотрѣли на себя, какъ на снарядъ, выпущенный изъ пушки безъ малѣйшаго вѣроятія на возвращеніе въ нее обратно. Еще кой кто изъ оптимистовъ предполагалъ, что хотя и разбитыми, но доплетемся до Владивостока, но большинство и этому не вѣрило. Уже очень просто было подсчетъ, — корабль за корабль—чтобы каждому матросу становилось понятнымъ—куда насъ вытолкали.

Правда, мы не апелировали къ обществу, не просили суда и слѣдствія, какъ сдѣлалъ это капитанъ Кладо, когда посадили его подъ арестъ, а просто шли смиренные и покорные долгу, но ужъ повѣрьте, что если бы насъ командировъ, а не адм. Роженственскаго, спросили: „возможно ли идти“?—то въ одинъ голосъ отвѣтили бы, что никакъ невозможно.

Если адм. Вильневъ скрылъ отъ Наполеона правду, то вѣроятно скрылъ ее и Роженственскій, но только какъ тогда, такъ и теперь командиры то прекрасно знали: при какихъ условіяхъ можно воевать и при какихъ нельзя.

Нѣкоторые выводы изъ Шантунгскаго и Цусимскаго сраженій.

Надо помнить, что многія могущественныя прибрежныя государства, какъ Korea, Китай, Персія, Египетъ, Испанія, Голландія, Франція, Швеція, Турція, сведены на нѣтъ главнымъ образомъ отъ пренебреженія къ морской силѣ.

Теперь настала очередь за нами.

I.

Какъ извѣстно, въ нашихъ морскихъ и сухопутныхъ сраженіяхъ съ японцами намъ часто по необходимости приходилось вести артиллерійскій бой на такихъ громадныхъ разстояніяхъ, для которыхъ у насъ не были приспособлены снаряды и потому мы не имѣли никакой физической возможности видѣть, что они дѣлаютъ: попадаютъ или не попадаютъ, долетаютъ или перелетаютъ, берутъ ли правѣе или лѣвѣе непріятеля, а слѣдовательно, намъ не по чему было исправлять наводку своихъ орудій. Въ этихъ случаяхъ мы стрѣляли какъ слѣпые,—наугадъ и потому очень подходили къ тѣмъ условіямъ, когда упражняющемуся въ стрѣльбѣ изъ ружья никогда не показываютъ махальные ни направленія его пули, ни номера куда онѣ попадаютъ, ни самого щита. Что онъ будетъ знать о своей стрѣльбѣ? Ровно ничего, хотя бы палилъ всю жизнь! Это всякому легко провѣрить, даже

при стрѣльбѣ изъ монте-кристо въ дѣтскихъ тирахъ, гдѣ показателями попаданій служатъ разныя опрокидывающіяся или разбивающіяся фигурки или автоматически выкидываемые номера и безъ чего совершенно невозможно было бы опредѣлить свою мѣткость.

На морѣ, при упражненіяхъ въ стрѣльбѣ по плавающимъ щитамъ, паденія снарядовъ опредѣляются всплесками воды, за которыми слѣдятъ въ бинокли и подзорныя трубы, но конечно до извѣстнаго предѣла, — примѣрно до 5—6 верстѣ, — далѣе это уже дѣлается почти невозможнымъ и въ особенности при наличіи пѣнистыхъ волнъ, или при стрѣльбѣ противъ солнца.

Темною же ночью, безъ освѣщенія предметовъ обстрѣливанія прожекторами, стрѣльба возможна только на самыхъ близкихъ дистанціяхъ, а при освѣщеніяхъ не далѣе 2½ верстѣ, т. е. того разстоянія, до котораго достаютъ лучи очень сильныхъ электрическихъ фонарей.

Отсюда видно, что не смотря на громадную дальность полета снарядовъ изъ крупныхъ пушекъ (15—17 верстѣ), мы принуждены были узаконить стрѣльбу не далѣе 5—6 верстѣ, почему и имѣли для нея соответствующія таблицы стрѣльбы и дальномѣры, безъ которыхъ тоже не можетъ быть никакой стрѣльбы далѣе 2-хъ верстѣ, потому что послѣ того, вслѣдствіе потери скорости снаряда, каждому разстоянію до щита или до непріятеля соответствуютъ въ зависимости отъ качества пороха строгіе опредѣленные углы возвышеній орудій. Тогда всякій разъ передъ выстрѣломъ опредѣляютъ дальномѣромъ по высотѣ щита или непріятельскаго корабля, при томъ заранѣе вычисленнаго или смѣреннаго, разстоянія до него, потомъ отыскиваютъ въ таблицахъ стрѣльбы соответствующій уголъ возвышенія орудій и уголъ въ бокъ, въ зависимости отъ скорости судовъ, отъ вѣтра и естественнаго уклоненія снарядовъ въ сторону, вслѣдствіе вертящагося винтового ихъ движенія, и эти данныя показываютъ каждому орудію

посредствомъ электрическихъ циферблатовъ. Люди при пушкахъ немедленно ставятъ ихъ на надлежащіе углы, прицѣливаются и выстрѣливаютъ. Такъ что вся процедура организаци стрѣльбы и сама стрѣльба не такъ легки, какъ это представляется непосвященной публикѣ.

Стрѣльбу на короткихъ разстояніяхъ пришлось узаконить еще потому, что она соответствуетъ наукѣ о баллистикѣ, по которой снаряды послѣ вылета изъ пушки, вслѣдствіе постепенной потери своей скорости и вліянію на нихъ притяженія земли, настолько теряютъ свою мѣткость и силу, что перестаютъ поддаваться точнымъ расчетамъ и перестаютъ пробивать броню.

А если къ этому прибавить еще выводы морской статистики, по которой оказывается, что при любомъ искусствѣ и выучкѣ людей въ мирное время, они въ сраженіи, вслѣдствіи моральнаго ихъ состоянія, изъ ста выпущенныхъ снарядовъ попадаютъ не болѣе 3-хъ 4-хъ, то на большихъ разстояніяхъ число этихъ попаданій сбавится еще и еще.

Для насъ, мало думающихъ, плохо работающихъ въ своемъ дѣлѣ и съ полнымъ недоверіемъ относящихся къ новымъ изобрѣтеніямъ, всегда пріятнѣе предполагать, что наше дѣло закончено, что мы пользуемся послѣдними плодами его, но не такъ разсуждаютъ другіе...

Когда нашимъ свѣтиламъ говорили, что японцы стрѣляютъ съ 12-ти верстѣ, то они смѣясь отвѣчали „пусть себѣ валяютъ хоть съ 15-ти верстѣ, мѣшать имъ не будемъ: пусть себѣ глупятъ, это только намъ на руку: снаряды то безъ толку разстрѣляютъ, а тутъ мы ихъ и дойдемъ“.

По наивности мы думали, что они только пострѣляютъ и поугають насъ нѣкоторое время съ 12-ти верстѣ, а въ концѣ концовъ подойдутъ же для настоящаго рѣшенія боя на узаконенное наукой разстояніе и тутъ жестоко поплатятся отъ нашихъ многочислен-

ныхъ крупныхъ пушекъ и жестокихъ бронебойныхъ снарядовъ съ магнитными наконечниками и застрявшими трубками, специально выдуманными для разворачиванія всякой брони.

Мы не догадывались въ чемъ суть дѣла, однако на всякій случай, для улучшенія стрѣльбы на эскадрахъ Рождественскаго и Небогатова завели новые дальномѣры Барра и Струда, оптическіе прицѣлы Перепелкина и укрѣпили подъемные механизмы у пушекъ, а то они, какъ показали опыты крейсеровъ „Россія“ и „Громобой“, не выдерживали слишкомъ большихъ угловъ возвышенія орудій. (Раньше мы на такія дистанціи никогда не стрѣляли).

Въ этомъ отношеніи мы оказались гораздо совершеннѣе Портъ-Артурской и Владивостокской эскадры, но все таки не настолько, чтобы позволить себѣ драться съ Японцами, не имѣя передъ ними преимущества въ ходѣ и оставивъ тѣже несовершенные орудійные станки, тѣже медленно заряжающія башни и главное тѣже снаряды.

Въ послѣднихъ была вся суть дѣла, а то иначе требовался ходъ и ходъ, во чтобы то ни стало, — не только ради тактическихъ приемовъ борьбы, но и ради тѣхъ близкихъ разстояній къ непріятелю, на которыхъ мы приспособились мѣтко стрѣлять и здорово чужія суда разрушать. Мы такъ были усыплены „теоріей стрѣльбы“ и своими магнитными колпачками, выдуманными для лучшаго проникновенія въ броню, что о быстромъ ходѣ для эскадры никогда не заботились, а о возможномъ усовершенствованіи ядеръ, но въ другую сторону, даже не помышляли.

Между тѣмъ чего же проще: снарядъ несется съ невѣроятной быстротой 15-ть и болѣе верстъ, а пользуются имъ для нанесенія вреда непріятелю всего до 5-ти верстъ. Зачѣмъ-же прощать этотъ промежутокъ въ 10-ть верстъ? Японцы и не простили!..

Долго они работали надъ своей выдумкой (не менѣе восьми лѣтъ) и наконецъ придумали такой снарядъ-мину. такую дальнобойную, чувствительную гранату, которая, во-первыхъ, благодаря большому количеству сильно взрывчатого вещества (Шимозе) одинаково страшна на всѣхъ своихъ разстояніяхъ отъ нуля до предѣла и во-вторыхъ она изображаетъ изъ себя махальныхъ въ тирѣ, потому что при взрывѣ даетъ массу густого дыма разнаго цвѣта, почему удобна для пристрѣлки на любыхъ разстояніяхъ изъ разнаго сорта орудій или разнаго сорта судовъ: броненосцевъ, бронированныхъ крейсеровъ, легкихъ крейсеровъ и т. п.

Къ этому снаряду-минѣ изобрѣтена была г-мъ Иджуиномъ такая чувствительная трубка-воспламенитель, которая въ пунѣ не смотря на страшный толчекъ, снаряда не взрывала, а далѣе при малѣйшемъ прикосновеніи о любой жидкій, мягкій или твердый предметъ взрывала.

Заслуга передъ родиной громадна!

Сдѣлавъ это, они подумали и о балистикѣ, и о статистикѣ, и о тактикѣ, потому что невѣрный полетъ снарядовъ и ихъ сильное разсѣяніе на дальнихъ дистанціяхъ, они парировали способомъ стрѣльбы „по площадямъ“ съ заранѣе ставленными на опредѣленные разстоянія углами возвышеній орудій; плохую мѣткость людей въ сраженіяхъ они подправили странно быстрымъ зарядженіемъ орудій, для чего упражняли людей на особыхъ, обрубленныхъ пункахъ; малочисленность броненосцевъ и слабость бронированныхъ крейсеровъ для эскадреннаго боя они прикрыли громаднымъ ходомъ, для чего заранѣе обзавелись патентованными приборами уравнивателями въ машинахъ.

Почему-же эти, такъ называемые, глупые дикари могли заблаговременно озаботиться о наукѣ и даже сверхъ-наукѣ, а мы просвѣщенные моряки, остановились на полъ-наукѣ?

Почему ни Техническому комитету, ни начальникамъ артиллерійскихъ отрядовъ, ни многочисленнымъ начальникамъ Тихоокеанской, Черноморской и Балтійской эскадръ не пришло въ голову усовершенствовать стрѣльбу на столько, чтобы пользоваться для пораженія неприятеля всею дальностью полета снарядовъ?

Вѣдь вслѣдъ за этимъ само-собой явились бы: и большіе углы возвышеній орудій, и другія таблицы стрѣльбы, и лучшіе дальномѣры, и оптическіе прицѣлы, и чувствительныя дальнобойныя гранаты.

Если мы теперь нарвались на безнаказанное истребленіе насъ съ такихъ громадныхъ разстояній, съ которыхъ мы въ самые сильные бинокли видѣли только трубы и мачты противника; если мы нарвались на такой быстрый ходъ его эскадры, который намъ и во снѣ не снился, то кто поручится при существующей у насъ безотвѣтственности береговыхъ властей и флотоводцевъ, при безграничной, слѣпой ихъ волѣ, что мы не натолкнемся въ будущемъ на еще большіе сюрпризы: на такія гранаты, на такія ядра, которыя насъ будутъ сжигать, пепелить или мгновенно отравлять, на такія пушки, которыя будутъ дѣйствовать какъ пулеметы, на такія мины, которыми можно будетъ бить за нѣсколько миль?!

По аналогіи дѣйствій такъ должно и совершиться, а почему—это я скажу потомъ...

Теперь же выводъ первый: кто бы нами не командовалъ—Рожественскій, Дубасовъ, Скрыдловъ, Бирилевъ, Чухнинъ, Макаровъ, Нахимовъ, Тегетгофъ, Фарагутъ, Нельсонъ, Джервисъ—и кто бы на нашихъ судахъ не плавалъ, погромъ нашъ подъ Шантунгомъ и Цусимой былъ не избѣженъ. Можетъ быть онъ могъ бы обойтись при нѣкоторыхъ адмиралахъ нѣсколько дороже для японцевъ, но избѣжать его по вышесказаннымъ и другимъ причинамъ было абсолютно невозможно. Пусть

тѣ, кто почему-либо не принялъ участія въ войнѣ не задается и не воображаетъ, что онъ былъ бы счастливей насъ. Никогда!

Выводъ второй: тактическихъ и другихъ ошибокъ было сдѣлано много (укажу потомъ), но не онѣ привели насъ къ пораженіямъ.

Выводъ третій: японцы, обезпечивъ себя громаднымъ ходомъ, дальнобойными гранатами и подводными лодками, съ нетерпѣніемъ ждали появленія всей нашей морской силы, чтобы безъ остатка раздѣлаться съ ней. Вотъ почему, я полагаю, они не подстраивали отдѣльныхъ покушеній,—иначе мы бы вернулись, вотъ почему не мѣшали они соединенію нашихъ слабыхъ отрядовъ,—иначе бы протянулся еще споръ за обладаніе моремъ. Здѣсь же вышло дѣло чисто.

Выводъ четвертый: наше пораженіе подъ Шантунгомъ было бесспорно, но японцы очень ловко, черезъ иностранныхъ корреспондентовъ, повернули его чуть не въ нашу пользу, чѣмъ насъ обнадежили, усыпили, толкнули на легкомысленную экспедицію и слѣдовательно на вѣрную гибель послѣднихъ остатковъ нашего флота. Подсидѣли дикари безъ промаха!

Газета „Котлинъ“ 6-го Іюня 1906 года.

II.

Говорятъ, мы мало учились стрѣлять, а потому были разбиты. Японцы же наоборотъ, такъ много учились, что успѣли выпустить изъ каждаго сорта орудій не менѣе 5-ти комплектовъ снарядовъ, затѣмъ замѣнили надорванные орудія и тогда уже выступили противъ насъ. Какъ послѣ того не побѣдить?!

Я сильно сомнѣваюсь, чтобы въ военное время возможно было потратить такое колоссальное количество снарядовъ, да еще съ замѣной орудій, когда при томъ для той системы стрѣльбы,—стрѣльбы по площадямъ—кото-

рую японцы применяли благодаря своимъ новымъ дальнобойнымъ гранатамъ и большей скорости хода ничего такого не требовалось.

Съ другой стороны я твердо знаю, что если бы мы, русскіе, израсходовали не по 5-ти комплектовъ снарядовъ, а по 125-ти и перемѣнили бы орудія не разъ, а 10-ть разъ, то все равно ничего бы путнаго не вышло по слѣдующимъ причинамъ:

1) Мы бы обучали стрѣльбѣ главнымъ образомъ коммендоровъ (наводчиковъ), а въ сраженіи за убылью ихъ и матросовъ, наводить и палить изъ пушекъ пришлось даже кочегарамъ.

2) Мы бы обучали наши команды тому медленному заряденію орудій, которое существовало прежде и которое уничтожало всякое значеніе новыхъ скорострѣльныхъ пушекъ, такъ какъ не подозревали, что для тренировки людей въ быстромъ заряданіи существуютъ особые приборы въ видѣ обрубленныхъ орудій.

3) Мы бы обучались стрѣльбѣ на спокойной водѣ, а намъ пришлось сражаться на волнѣ, хотя и небольшой, но всетаки достаточной, чтобы брызги мѣшали наводкѣ орудій.

4) Мы бы учились стрѣлять при благопріятномъ для нашихъ щитовъ освѣщенію солнцемъ, а намъ пришлось вести бой противъ лучей, хотя и не особенно яркихъ, но всетаки мѣшающихъ прицѣливанію изъ орудій.

5) Мы бы обучались стрѣлять по неподвижнымъ или медленно двигающимся щитамъ, а на дѣлѣ намъ пришлось стрѣлять по быстродвигающемуся противнику. Такихъ щитовъ у насъ даже не выработано.

6) Мы бы учились стрѣлять на тѣхъ короткихъ разстояніяхъ, на которыхъ намъ благодаря тихому ходу почти не пришлось сражаться и слѣдовательно—все наше обученіе пошло бы прахомъ.

Для болѣе дальнихъ дистанцій требовались не только

оптическіе прицѣлы, лучшіе дальномѣры, другіе подъемные механизмы у пушекъ, но еще новыя таблицы стрѣльбы и главное—совершенно другіе очень чувствительныя, воспламенительныя трубки и снаряды, которые бы отъ малѣйшаго соприкосновенія съ поверхностью воды или со щитами взрывались бы въ сопровожденіи густого дыма разной окраски, въ зависимости отъ калибра пушекъ или по отдѣльнымъ судамъ, и тѣмъ показывали бы для корректированія орудій мѣста своихъ паденій.

Кромѣ того мы хотя и знали изъ статистики морскихъ сраженій, что при самыхъ лучшихъ наводчикахъ, вслѣдствіе моральнаго ихъ состоянія, не бываетъ болѣе 3-хъ или 4-хъ процентовъ попаданій (почему лучше выпустить въ возможно короткое время 1000 снарядовъ и попасть 30-ть, чѣмъ 100 и попасть 4). Однако все таки учили своихъ людей медленной, методической стрѣльбѣ съ непрерывными измѣненіями цѣликовъ, прицѣловъ и угловъ возвышеній орудій въ зависимости отъ опредѣляемыхъ дальномѣрами разстояній, чѣмъ учить стрѣльбѣ „по площадямъ“ съ заранѣе поставленными углами возвышеній орудій, что дѣлали японцы и что использовало бы, придуманныя для ускоренія стрѣльбы, разныя улучшенія въ современныхъ пушкахъ. Впрочемъ этихъ улучшеній, начиная съ болѣе совершенныхъ башень, было гораздо больше у японцевъ, чѣмъ у насъ, почему они стрѣляли такъ часто, какъ будто у нихъ были не орудія, а пулеметы. Наши флотоводцы такую стрѣльбу считали пустой тратой снарядовъ и никогда въ ней не практиковали свои эскадры.

Кромѣ того, а это самое главное, мы бы учились стрѣлять и маневрировать эскадрой на небольшихъ ходахъ, а между тѣмъ именно намъ то, въ силу устройства своихъ воспламенительныхъ трубокъ и снарядовъ, требовалась громадная скорость гораздо больше, чѣмъ

японцамъ. Безъ этой скорости, безъ возможности держаться поближе къ непріятелю мы обрекли себя на вѣрное самоубійство, такъ какъ не видя, что дѣлають наши снаряды: долетаютъ ли, не долетаютъ, берутъ правѣе или лѣвѣе,—не могли исправлять наводку пушекъ.

А такъ какъ преимущество въ скорости хода позволяетъ держать вепріятеля еще подъ навѣтренными брызгами, противъ лучей солнца, стрѣлять „по площадямъ“ и бить всѣмъ флотомъ по головнымъ, концевымъ или крайнимъ кораблямъ, заслоняющимъ собою другіе корабли, *то рѣшительно становится непонятнымъ, какъ не додумались наши флотоводцы добиваться этой скорости во что бы то ни стало, какъ рѣшились они рисковать судами, людьми и собою, не учи никогда свои эскадры и отряды стрѣлять и плавать самою большею скоростью.*

Зачѣмъ тогда таскали громадный, мертвый грузъ въ видѣ сильныхъ машинъ, многочисленныхъ паровыхъ котловъ, когда вмѣсто этого можно было бы прибавить пушекъ, прибавить угля, утолстить броню? Наши адмиралы предполагали, что скорость судовъ нужна только для развѣдочной службы, для одиночнаго боя, чтобы принять его или уклониться, но того не сознавали, что безъ этой скорости даже съ очень сильными броненосцами нѣтъ никакой возможности выиграть сраженіе именно потому, что непріятель будетъ ставить нашу эскадру противъ волны, противъ солнца и бить всѣми своими судами по одному, почему никакой броненосецъ не выдержитъ такого огня,—огня всего флота.

Безъ строя сражаться нельзя, такъ какъ онъ есть олицетвореніе того порядка, безъ котораго корабли будутъ сталкиваться и стрѣлять другъ въ друга, но слабая сторона всякаго строя заключается въ створеніи рядовъ или иначе въ закрываніи судовъ другъ другомъ по тѣмъ или инымъ линіямъ т. е. при кильватерѣ носа и кормы, при фронтѣ правыхъ и лѣвыхъ бортовъ, при

строѣ пеленга ракурсовъ судовъ, почему по направленію этихъ линій можно держаться цѣлыми флотами, разбивая корабли по одному, что и дѣлали японцы.

Вѣдь весь смыслъ морской тактики въ томъ и заключается, чтобы, вопервыхъ, не подвергаться случайно-стиамъ отъ таранныхъ ударовъ, отъ взрывовъ минъ, отъ блеска солнца, отъ вкатывающихся на корабль волнъ, отъ неблагоприятной качки, а вовторыхъ, *чтобы сумми дѣйствующихъ орудій въ бою никакъ не были бы меньше, чѣмъ у противника.*

Мы ни на нашихъ тактическихъ курсахъ, ни на практикѣ никогда не разрабатывали сраженій эскадрами, а всегда занимались только одиночными боями, предполагая, что это одно и то же, между тѣмъ какъ они столько же подходятъ другъ къ другу, какъ схватка одинокихъ всадниковъ къ сраженію кавалерійскихъ массъ. Если для одиночнаго морского боя можно предпочесть хотя тихохода, но судно съ толстою броней, то для эскадреннаго—обязательно быстроходовъ, хотя бы съ тонкою броней.

Заграницей это давно поняли, доводя свои новые броненосцы до 22-хъ узловъ ходу, но мы хотя и стремились къ этому съ нашими броненосцами типа „Пересвѣтъ“, но скорѣе изъ подраженія, чѣмъ изъ ясно основанной необходимости. Что это вѣрно, видно изъ того, что слѣдующую серію броненосцевъ типа „Вородино“, мы уже заказали только съ 17 узлами хода.

Въ концѣ концовъ и такая уменьшенная скорость была совершенно напрасной, такъ какъ использовать ее безъ постоянныхъ упражненій было абсолютно невозможно, а упражняться въ ней не хотѣли на томъ простомъ, но въ высшей степени гибельномъ основаніи, что будто бы эскадренный ходъ не долженъ быть болѣе 12-ти узловъ. Для нашихъ адмираловъ, привыкшихъ служить на разныхъ „Первенцахъ“, „Русалкахъ“, „Спи-

ридовых“, „Эдинбургских“, „Разбойниках“, ползающих по 5—8 узловъ, скорость 12-ть узловъ представлялась настолько тревожной, опасной и способной вызвать столкновѣнія, что они съ ней почти не мирились и предпочитали довольствоваться 9-ю узловыми ходами. Это имъ казалось верхомъ совершенства, да оно и понятно, потому что у насъ на судахъ не ставились приборы Ришара или Валесси (уравнители хода), безъ которыхъ дѣйствительно очень опасно и даже пожалуй невозможно ходить эскадрой больше 12 узловъ (21 версту въ часъ).

Какъ постановка этихъ приборовъ, такъ и упражненіе эскадръ на громадныхъ ходахъ всецѣло зависѣли отъ тѣхъ же нашихъ флотоводцевъ, но...

Они напримѣръ съ гордостью согласились показать въ Ревелѣ искусство нашей стрѣльбы на черепашьемъ ходу Императору Вильгельму и того не подозревали, что тѣмъ обрекли Россію на несчастную войну, потому что ужъ слишкомъ невѣроятно было слышать, не убѣдившись лично, что мы обучали нашихъ людей стрѣлять только на малыхъ ходахъ и короткихъ дистанціяхъ.

Представьте себѣ слухъ, что какая нибудь страна, положимъ Японія, обучаетъ свою кавалерію ѣздѣ верхомъ на коровахъ, а пѣхоту стрѣльбѣ изъ монтекристовъ или луковъ, то конечно вы не повѣрите тому и всѣми способами постараетесь подсмотреть это своими собственными глазами. Такъ было и съ Германцами.

И такъ, какъ это невѣроятно, но скороходныя суда мы обратили въ допотопныя тихоходныя, скорострѣльныя и дальнобойныя пушки въ старинныя тихострѣльныя и короткобойныя.

Результатъ такихъ смѣлыхъ и дивныхъ превращеній сказался подъ Шантунгомъ и Цусимой, сказался на жизняхъ множества людей и на вѣчномъ позорѣ для Россіи.

Можетъ быть читатели спросятъ, что теперь то на-

вѣрно все эти невольныя ошибки безповоротно устранены, что повториться имъ немислимо.

Не знаю, но подъ Гардемаринскій отрядъ отданны самыя быстроходныя суда, которыхъ даже не используютъ, а въ минномъ, артиллерійскомъ, машинномъ отрядахъ снова—всякое еле ползающее старье!

А развѣ это не тоже прошлое, гнилое, если еще до сихъ поръ не учатъ команды стрѣлять изъ крупныхъ орудій на самыхъ быстрыхъ ходахъ и самыхъ большихъ дистанціяхъ, не учатъ стрѣлять „по площадямъ“ въ быстро двигающіяся цѣли, не догадываются использовать учебно-артиллерійскій отрядъ для обученія машинистовъ и кочегаровъ, не пользуются имъ для совместной стрѣльбы подъ грохотъ пушекъ минами ученикамъ минерамъ, не приближаютъ все обученіе къ обстановкѣ боя,—съ постановкой минъ загражденія съ миноносцевъ, съ траленіемъ, съ обрѣзаніемъ ихъ водолазами, съ пальбой изъ орудій съ фортовъ, какъ все это происходило въ Портъ-Артурѣ и какъ можетъ неожиданно случиться съ Кронштадтомъ, Либавой, Гельсингфорсомъ? Нельзя разъединить обученіе отрядовъ другъ отъ друга и флота отъ крѣпостей!

Видно Цусимскаго и Артурскаго кладбищъ намъ еще мало, жертвъ недовольно, слезъ отцовъ, матерей, женъ, сиротъ недостаточно, чтобы понять, наконецъ, общую всѣмъ опасность.

Не былъ ли я правъ, сказавъ въ прошлой главѣ, что никто не можетъ поручиться за возможность не только повтореній тѣхъ же гибельныхъ ошибокъ, но и всякихъ новыхъ, если мы уже самостоятельно не могли *размыслить*, что тихій ходъ эскадры въ бою есть собственное смертоубійство и что одиночныя плаванія судовъ, хотя бы и учебныхъ, есть такъ же самоубійство.

III.

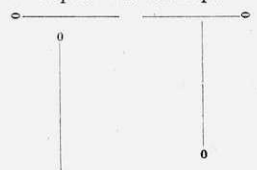
Преимущество въ скорости эскадры есть тотъ все-сокрушающій элементъ успѣха ея въ сраженіи, котораго нельзя осилить ни большимъ числомъ пушекъ, ни болѣе толстою бронею, ни искусствомъ личного состава, уже по той простой причинѣ, что огонь всей такой эскадры будетъ исключительно направляться на крайніе въ строю корабли, отчего послѣдніе—какого бы свойства броненосцами не были—никогда не выдержать такого испытанія, такъ какъ у нихъ свалятся мачты, трубы, будутъ отбиты дула орудій, будетъ перестрѣляна осколками черезъ амбразуры команда.

Это ясно видно изъ прилагаемыхъ при семъ схематическихъ чертежей главныхъ строевъ дерущихся эскадръ, въ предположеніи, что бортовой огонь сильнѣе продольнаго.

Каждая длинная черта изображаетъ 12 броненосцевъ, каждая короткая—шесть и еще болѣе короткая—три.

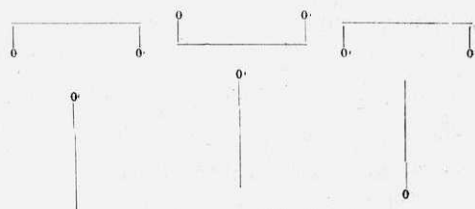
№ 1.

Невыгодныя положенія тихоходнаго флота при стрѣль кильватера

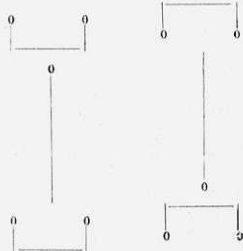
№ 2.

Опасныя положенія тихоходнаго флота при стрѣль кильватера

№ 3.

Безвыходныя положенія тихоходнаго флота при стрѣль кильватера.

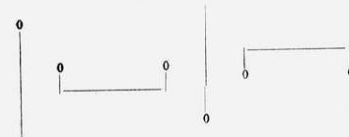
№ 4.

Невыгодныя положенія тихоходнаго флота при стрѣль фронта

№ 5.

Опасныя положенія тихоходнаго флота при стрѣль фронта

№ 6.

Безвыходныя положенія тихоходнаго флота при стрѣль фронта.

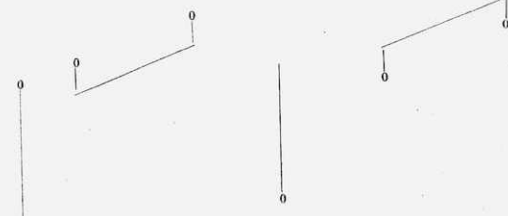
№ 7.

Невыгодныя положенія тихоходнаго флота при стрѣль пеленга

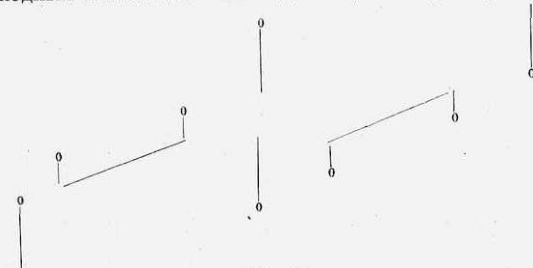
№ 8.

Опасныя положенія тихоходнаго флота при стрѣль пеленга

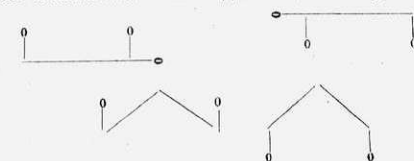
№ 9.

Безвыходныя положенія тихоходнаго флота при стрѣль пеленга

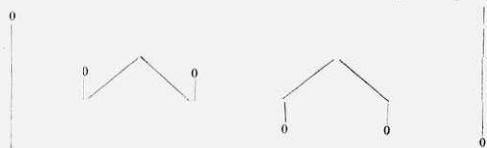
№ 10.

Невыгодныя положенія тихоходнаго флота при стрѣль клина

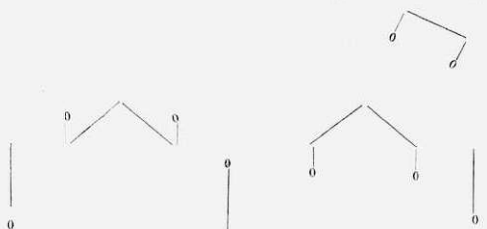
№ 11.

Опасныя положенія тихоходнаго флота при строѣ клина

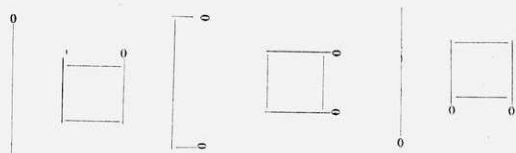
№ 12.

Безвыходныя положенія тихоходнаго флота при строѣ клина

№ 13.

Безвыходное положеніе тихоходнаго флота идущаго кучей

Въ послѣднее условіе непременно впадетъ тихоходный флотъ, такъ какъ подъ вліяніемъ постоянного превосходства числа пушекъ его крайніе корабли будутъ уклоняться отъ курса, выходить изъ строя, почему флотъ, какъ было съ нами, начнетъ кружиться около амого себя.

Гораздо практичнѣе такому флоту совсѣмъ не двигаться, а вести бой на мѣстѣ, покрайней мѣрѣ, тогда онъ не будетъ убывать въ числѣ отъ выходящихъ изъ строя кораблей и его агонія растянется на болѣе продолжительное время. Это при томъ вполнѣ бы соответствовало нашимъ статьямъ закона—83-й морского устава и 245-й военно-морского устава о наказаніяхъ—требующихъ равнять ходъ эскадры по тихоходамъ.

Кромѣ указанныхъ безпомощныхъ положеній тихоходнаго флота, онъ всегда еще можетъ быть поставленъ

противъ солнца, или подъ луною, мѣшающихъ ему цѣлиться и мѣтко стрѣлять.

Можно ли представить себѣ болѣе глупаго состоянія, когда есть и отличныя пушки, и сильныя броненосцы, и хорошо обученная команда, и когда ничѣмъ этимъ нельзя воспользоваться, потому что блескъ солнца ослѣпляетъ людей и не позволяетъ имъ какъ слѣдуетъ видѣть непріятеля и наводить по немъ свои орудія.

Адмиралъ Того отлично намъ это показалъ, но наши флотоводцы, къ сожалѣнію, объ этомъ никогда не раздумывали, иначе они не мирились бы съ блаженствомъ ползать или маневрировать эскадрами на 10—12-ти узловыхъ ходахъ и съ негодованіемъ отвергли бы: какъ предложенія строить броненосцы въ 17 узловъ хода, вмѣсто 23-хъ, такъ и статьи уставовъ заставляющихъ ихъ подъ страхомъ серьезной отвѣтственности скорректировать скорость эскадры по плохимъ ходамъ. Въд если подобныя требованія сколько нибудь законны при фактической невозможности ходить быстрее противника, то это еще куда ни шло, но при обратныхъ условіяхъ они настолько же бессмысленны, какъ приказаніе не стрѣлять изъ 12-ти дюймовыхъ орудій только потому, что на двухъ, трехъ судахъ, входящихъ въ эскадру, ихъ вовсе нѣтъ. Чтобы сказали про адмирала рѣшившагося, во имя справедливости, запретить, пользоваться кормовыми 12 дюймовыми башнями на томъ основаніи, что на одномъ изъ броненосцевъ его флота ихъ нѣтъ? Несомнѣнно его сочли бы за сумасшедшаго, а между тѣмъ такое распоряженіе гораздо бы меньше повредило успѣху флота, гораздо бы менѣе было сумасшествіемъ, чѣмъ, имѣя преимущество въ скорости надъ врагомъ, намѣренно лишиться его ради двухъ, трехъ кораблей.

Какъ бы не казалось тяжелымъ, гадкимъ, не товарищескимъ бросать на произволъ судьбы корабли торозящіе наивысшій эскадренный ходъ при сраженіи, но

такъ слѣдуетъ поступать во имя надежды на побѣду, или во имя спасенія хотя части судовъ отъ безсмысленной гибели всѣхъ до одного при пораженіяхъ. Японцы въ обоихъ сраженіяхъ твердо держались наибольшаго хода, не церемонясь съ отстающими и не прикрывая выходящихъ изъ строя, что дѣлали мы и что, не достигая цѣли, страшно ухудшило наше положеніе.

Какой такой фатумъ виситъ надъ нашими головами, что японцы и другія націи могутъ приходить къ вѣрнымъ рѣшеніямъ, мы же никакъ не можемъ! Что это—уже не грозный ли признакъ вырожденія? Вѣдь всякое дѣло мы умѣемъ какъ то такъ запутать, такъ удалить отъ здраваго смысла, что просто страшно становится за судьбу Россіи и всѣхъ насъ. Взять хотя бы понятія о флотѣ.

Его съ развязностью считаемъ какимъ то подспорьемъ арміи, на манеръ понтоновъ или обозовъ, и съ легкимъ сердцемъ дѣлимъ на какой-то оборонительный и наступательный, когда онъ по природѣ своей безъ наступленія ноль—хуже чѣмъ фортъ, который все таки, хотя-бы и разрушенный, не утонетъ.

Въ понятіе военного корабля включаетъ всякую желѣзную посудину, лишь бы на ней стояли пушки и минные аппараты. Всю оцѣнку личнаго состава опредѣляемъ его удалью и отвагою, нисколько не смущаясь прикрывать ими, разъ это трудно провѣрить и при томъ достается безъ занятій, не только свое невѣжество по всѣмъ техническимъ, морскимъ вопросамъ, но даже чуть ли не съ полною радостью готовы замѣнить этой удалью: пушки, снаряды, башни, броню и машины современныхъ кораблей. Всю военноморскую дисциплину рѣшаемъ черпать изъ внѣшнихъ формъ чинопочитанія, изъ молодцоватаго вида людей, изъ фронта и ружейныхъ приемовъ, а не изъ твердыхъ знаній боевыхъ силъ корабля. Безъ малѣйшаго смущенія выпускаемъ въ офицеры недоученныхъ кадетъ и

безъ всякой церемоніи наполняемъ корпусъ случайнымъ подборомъ мальчишекъ даже безъ намека на конкуренцію.

Находятся и удивительные, морскіе компиляторы, вроде Кладо, которые съ комическимъ апломбомъ, ради личныхъ цѣлей запугиваютъ начальство цѣлымъ арсеналомъ ржавленныхъ и проржавленныхъ выводовъ изъ Саламинскихъ и другихъ допотопныхъ сраженій, которые безъ всякой церемоніи долбятъ публику выписками изъ сочиненій Лера и другихъ, столь же идущихъ къ морскому дѣлу какъ рыба землѣ, какъ огню вода.

Никакія академіи не сдѣлаютъ Нельсоновъ, Фарагутовъ, Тететгофовъ, Тоговъ,—кстати они въ нихъ и не были, — но не помѣшаютъ быть Вильсонамъ, Персано, Серверамъ, Рождественскимъ, Небогатовымъ, Куропаткинымъ, Орловымъ, такъ какъ всякій элементъ военного искусства долженъ входить въ соотвѣтствующей пропорціи.

Такъ, на примѣръ, каждый ребенокъ съумѣетъ узнавать время по часамъ, но ихъ устроить или узнать безъ нихъ, да еще въ комнатѣ, не съумѣетъ и мудрый, премудрый профессоръ. Любой мальчикъ при помощи велосипеда или мотора съумѣетъ обогнать скакуна, но ихъ сдѣлать или обогнать безъ нихъ даже клячу не съумѣетъ и быстроногій Ахиль.

Мастера дѣлающіе велосипеды, моторы, пушки, снаряды, мины, машины совѣтъ не обязаны знать, какъ пользоваться ими, но еще въ большей мѣрѣ не требуется знать о производствѣ, объ исторіи ихъ тѣмъ, кто примѣняетъ ихъ въ дѣло.

Какая забота строевому составу флота и арміи углубляться въ бездну премудрости, когда въ сущности все дѣло обстоитъ значительно проще. Ради чьихъ выгодъ мы сами себя запутываемъ и замучиваемъ, идя по кривой дорогѣ? Развѣ Александръ Невскій, Дмитрій Донской, Петръ Великій, Суворовъ и другіе выдержали бы экзамены даже въ юнкерское училище, а не только

въ академію генеральнаго штаба, однако они оставили послѣ себя безсмертные образцы своего искусства.

Вѣдь смѣшно предполагать, что способные полководцы и флотоводцы полетятъ къ намъ только потому, что мы создали нѣсколько академій и заставляемъ подзубрить въ нихъ въ нѣсколько большемъ объемѣ, тѣ или другія военныя науки, безъ которыхъ, собственно говоря, ни одинъ офицеръ не долженъ быть выпущеннымъ въ офицеры.

Въ Американской арміи, напримѣръ, совсѣмъ нѣтъ этихъ высшихъ академій и тамъ роль нашего генеральнаго штаба несутъ самые дѣльные офицеры, выбираемые за честь, совѣсть и во имя безопасности страны ихъ полковыми товарищами.

Ученость и бойкій пересказъ заученнаго предмета не есть еще признакъ военныхъ способностей, какъ это видно по Рождественскому и Небогатову или по Куропаткину и Сахарову.

Ужъ ихъ-ли можно было упрекнуть въ недостаткѣ знаній, а между тѣмъ, Боже, въ какой тѣмѣ они бродили, сколько хлестаковщины и самой отчаянной недогадливости проявили эти высокообразованные опортюнисты!

Промелькнула ли въ ихъ сознаніе хотя тѣнь той дѣйствительности, что насъ ожидала? Оцѣнили ли они хотя чуточку характеръ войны и предстоящія фатальныя положенія? Слѣумѣли ли они изобрѣсти хотя одинъ свой собственный пріемъ для борьбы съ опаснымъ, ловкимъ врагомъ? Вѣдь одной рѣшимости и роковой развязности слишкомъ мало для успешной борьбы съ непріателемъ.

Объ шумливыхъ статьяхъ г. Кладо я писать не буду: ихъ бездарность и невѣжество достаточно ясно обнаружены г-мъ Семеновымъ и мною. Объ генералахъ пишутъ другіе.

Буду говорить объ насъ. Коснусь самаго главнаго.

Газета „Котлинь“ 7-го Октября 1906 года.

IV.

Несомнѣнно, цѣль снаряженія и посылки 2-й эскадры Рождественскаго заключалась въ оказаніи помощи Портъ-Артурской эскадрѣ. Но какъ это должно было сдѣлаться, объ томъ никакихъ разговоровъ и совѣщаній съ командирами судовъ не происходило.

Когда отрядъ контръ-адмирала Виреніуса застало извѣстіе о войнѣ съ Японіей въ Джибутти, то его рѣшено было вернуть въ Россію, хотя правильнѣе было-бы немедленно подкрѣпить его всякими высланными тогда изъ Россіи судами, и вотъ передъ тѣмъ свиты Его Величества контръ-адмиралъ Рождественскій предложилъ свои услуги вести этотъ слабый отрядъ противъ всѣхъ силъ Японскаго флота и конечно—не съ цѣлью вѣрной его гибели, а съ намѣреніемъ подкрѣпить имъ П.-Артурскій флотъ. Это значитъ, что Рождественскій имѣлъ уже тогда выработанный планъ,—какъ это сдѣлать?—и слѣдовательно, если онъ годился для одного броненосца „Ослябя“, двухъ крейсеровъ: „Дмитрій Донской“ и „Аврора“ и семи миноносцевъ, то онъ еще больше годился для своего сильнаго, состоящаго изъ 7 броненосцевъ, 1 броненоснаго крейсера („Адмиралъ Нахимовъ“), 4 легкихъ крейсеровъ и 9 миноносцевъ.

Когда П.-Артурскій флотъ погибъ и сама крѣпость пала, то цѣль похода 2-й эскадры, вмѣстѣ съ походомъ отряда Небогатова, должны были конечно измѣниться, такъ какъ подкрѣплять было некого и достиженіе Портъ-Артура дѣлалось излишнимъ. Однако, какъ то мимоходомъ адмиралъ Рождественскій задалъ на Мадагаскарѣ такой вопросъ: „не опереться ли намъ на Чифу?“—на что ему отвѣтили: „не позволять другія державы, да и бесполезно“... Отсюда видно, что ни у всего Морского Министерства, ни у самого Рождественскаго никакихъ,

даже приблизительныхъ плановъ не было, да и физически не могло быть потому, что основная и единственная причина послыки нашего флота состояла въ томъ, чтобы отрѣзать Японскую армію отъ метрополіи т. е. иначе говоря: заблокировать все порта Японіи или порта Кореи и Манджуріи; а для этого требовался такой силы флотъ, который, во первыхъ, безъ труда могъ бы разбить Японцевъ, а во вторыхъ послѣ того еще остаться въ томъ количествѣ, чтобы запереть хотя бы Корейскіе порта Фузанъ и Гензанъ и загородить Желтое море отъ Чемульпо до Шантунга.

Ясно, что подобнаго флота нельзя было составить даже во снѣ, даже при условіи покупки Аргентинскихъ судовъ, присоединенія Черноморской эскадры и соединенія Портъ-Артурскаго флота съ нашей 2-й эскадрой, а не только уже слиянія послѣднихъ двухъ силъ, такъ какъ ея все равно не хватило бы: ни заблокировать Японское внутреннее море съ его тремя отдаленными другъ отъ друга выходами, ни преградить доступа къ означеннымъ выше мѣстамъ.

Для тѣхъ и другихъ цѣлей требовалось имѣть: или отрядъ новаго типа судовъ, напримѣръ—водобронныхъ системы Джессекаго,—или обыкновенный флотъ, но въ три раза больше Японскаго и съ не меньшей скоростью, чѣмъ онъ, да и то за отсутствіемъ необходимаго числа хорошо оборудованныхъ базъ, онъ не выполнилъ бы своей задачи, такъ какъ скоро-бы изнашивался и Японцы рядомъ частыхъ боевъ, быстро чиня послѣ того свои суда, все-таки взяли бы верхъ надъ нами.

Слѣдовательно, что же могла сдѣлать наша жалкая 2-я эскадра?

Прорваться?..

Но прорваться можно было только послѣ усиленнаго боя или въ разсыпную, пожертвовавъ не малымъ числомъ кораблей.

Занять какую нибудь дикую бухту?

Занять съ тѣмъ, чтобы будучи въ ней сейчасъ же отрѣзанной, погибнуть медленной смертью отъ истощенія угля и всякихъ другихъ запасовъ.

Идти черезъ Сангарскій или Лаперузовъ проливы? Но сдѣлавъ уже столько тысячъ миль, понеся громадныя труды, груза такъ часто и спѣшно уголь подъ отвѣсными лучами солнца, а потомъ убирая его весь вечеръ съ палубы и на палубѣ, ожидая каждую ночь атакъ миноносцевъ или встрѣчь съ плавающими минами, разработавъ машины, надорвавъ котлы, холодильники, обративъ въ сѣтку многія мѣдныя трубы и кингстоны отъ магнитнаго тока, заростя раковинами въ кингстопахъ и въ подводныхъ поверхностяхъ, измучивъ команду ужасною грязью и отсутствіемъ необходимыхъ помѣщеній,—развѣ можно было растягивать походъ еще на 3500 миль и при томъ только для того, чтобы въ еще болѣе худшемъ состояніи эскадры вступить въ тотъ же самый бой и понести тоже самое пораженіе.

Развѣ въ нашей власти было избѣжать боя? Конечно, нѣтъ! Потому что Японцы, помѣстивъ себя, какъ въ центрѣ у Цусимы, и имѣя сторожевые суда въ океанѣ и проливахъ, всегда успѣли бы встрѣтить насъ если не у проливовъ, то гдѣ нибудь въ Японскомъ морѣ, гдѣ нибудь передъ самымъ Владивостокомъ.

А развѣ въ нашей власти было при этомъ избѣжать предназначеннаго намъ пораженія?

Конечно, нѣтъ! Потому что мы были обречены къ тому: несовершенствомъ стрѣльбы, снарядовъ, трубокъ, таблицъ стрѣльбы, башень, станковъ, минъ, несовершенствомъ судовъ, эволюцій, хода.

Безъ отлично оборудованныхъ частыхъ базъ современный флотъ дѣйствовать не можетъ, потому что безъ нихъ нельзя сохранить въ порядкѣ суда и механизмы,

а безъ этого не будетъ быстрого хода, а слѣдовательно и *побѣды*.

Это неоспоримая истина и нѣтъ названія той опрометчивости и легкомыслія, съ которыми мы ринулись доказывать всему свѣту обратное. Мало того: мы имѣли одну настоящую базу на всемъ нашемъ Восточномъ побережьи это Владивостокъ, да и ту умудрились не использовать. Такъ могли поступить только люди ни объ чемъ не думающіе или совсѣмъ неспособные къ этому процессу!

Часть этихъ соображеній я имѣлъ смѣлость высказывать многимъ высокопоставленнымъ лицамъ и самому командующему эскадрой и даже въ такихъ выраженіяхъ: „нечестно вводить въ заблужденіе Государя и русское общество, что изъ послышки нашей эскадры что нибудь другое выйдетъ кромѣ разгрома и позора“. Кромѣ того многіе изъ упомянутыхъ мотивовъ были приведены въ моей объяснительной запискѣ къ „Плану кампаніи противъ Японцевъ“, составленной за годъ до войны и напечатанной въ „Отчетахъ занятій слушателей Николаевской Морской Академіи“ и—въ особой запискѣ разработанной въ формѣ „Вопросовъ и Отвѣтовъ“, переданной въ Главный Морской Штабъ черезъ командира порта Императора Александра III контръ-адмирала Ирецкаго въ Іюнь мѣсяцѣ 1903 года для послышки Намѣстнику и преподнесенной кромѣ того для заключеній Предсѣдателю нашихъ занятій на курсахъ въ Академіи *).

Большинство командировъ тоже понимало всю безнадѣжность послышки 2-й эскадры, особенно послѣ паденія Портъ-Артура, но мы все таки, къ удивленію всѣхъ иностранцевъ, шли и шли, не имѣя не только представленія объ какихъ либо планахъ нашего Начальника, но даже—самыхъ общихъ директивъ для сраженія и обязательно ожидаемаго пораженія.

*) Примѣчаніе. Напечатано то и другое дальше подъ заглавіемъ „Передъ войной“.

Не было условлено: ни рандеву на случай затяжки боя до ночи, ни хода, ни эволюцій, ни поворотовъ, ни какъ встрѣчать непріятеля, какъ вести бой, какъ уменьшить число пожаровъ, какъ бороться съ пробоинами и кренами, какъ принимать минныя атаки, кому и какъ распоряжаться въ случаѣ потери средствъ сигнализациі, такъ какъ вся исторія морскихъ войнъ ясно указывала, что роль адмираловъ въ бою сводится на роль простыхъ зрителей или тѣхъ же командировъ, а управляться тѣмъ же рулемъ и тою же машиной двумъ командирамъ никакъ невозможно.

Сраженіе 28-го Іюля 1904 года у Шантунга тоже дало не мало полезныхъ указаній, но объ нихъ официально командирамъ ничего не было извѣстно и никакихъ обсужденій не происходило.

Но вѣдь разговоровъ еще не достаточно, надо было кромѣ того усиленно упражнять въ эволюціяхъ и стрѣльбѣ, однако таковыхъ не происходило съ самаго ухода изъ Носи-бей, исключая ничтожныхъ эволюцій наканунѣ сраженія 13-го Мая. Да по правдѣ сказать всѣ онѣ были бесполезны для того хода и той системы стрѣльбы, которые установилъ адмиралъ Рожественскій. Объяснялось это недостаткомъ угля, снарядовъ, времени, лопаніемъ паровыхъ трубъ, но тогда зачѣмъ было идти на тотъ кровавый экзаменъ, отъ котораго дрогнетъ сердце Монарха и всей Имперіи.

Упраженія въ двухстороннихъ маневрахъ и эволюціяхъ у Носси-бей тоже не могли принести никакой пользы будущему сраженію, потому что эскадра упражнялась не вся цѣликомъ, а дѣлилась на двѣ части, которыя ходили равною 12-ти узловую скоростью въ неизмѣняемомъ порядкѣ номеровъ, съ постоянными головными кораблями и не преслѣдуя принциповъ тактики: сосредоточенія силъ на выгодныхъ позиціяхъ, взаимной поддержки, скрыванія слабой стороны посредствомъ вы-

ставленія сильной и примѣненія неожиданныхъ для непріятеля приѣмовъ. Для изображенія противника слѣдовало прибѣгнуть къ услугамъ транспортовъ, легкихъ крейсеровъ и даже миноносцевъ, а то иначе это было не обученіе, а „игра въ горѣлки“.

Въ развѣдочной службѣ такъ же никакихъ упражненій не было, да оно и понятно: адм. Рожественскій настолько этимъ не интересовался, что когда мы шли Малакскимъ проливомъ одни безъ Небогатова, то за каждымъ поворотомъ могли натолкнуться на весь флотъ Того, однако ни крейсеровъ не было послано миль за сто впередъ, ни даже не опрашивались встрѣчные нѣмецкіе и французскіе пароходы. Все равно, молъ, предстоитъ смертельный бой, такъ чего же было заблаговременно разстраивать себя! Подобное отношеніе было бы еще извинительно, если бы шли только одни боевые суда, но разъ ихъ сопровождало множество беззащитныхъ транспортовъ, то это было уже преступленіемъ, потому что неожиданная встрѣча съ непріателемъ влекла ихъ безжалостное уничтоженіе, а въ противномъ случаѣ они могли бы успѣть скрыться, имѣя въ распоряженіи до 8 часовъ времени. Повидимому нашъ начальникъ хотѣлъ все взять одной отвагой, одною рѣшимостью и надеждой на какую то свою счастливую звѣзду, но не умѣньемъ и не искусствомъ, а это на морѣ, при современныхъ условіяхъ техники кораблей, положительно не допустимо и нетерпимо!

Отсюда выводы такіе:

Адмиралы, рѣшившіеся утверждать, что можно воевать съ отдаленнымъ противникомъ безъ оборудованныхъ базъ и безъ собственныхъ угольныхъ станцій, суть не адмиралы.

Адмиралы, рѣшившіеся быстроходныя суда обратить въ тихоходныя и скорострѣльныя, дальнобойныя пушки въ тихострѣльныя и короткобойныя, суть тоже не адмиралы.

Адмиралы рѣшившіеся вступить въ бой съ непріателемъ безъ подготовки своей эскадры къ разумнымъ, требующимъ сраженіемъ, маневрированіямъ и частѣйшей стрѣльбѣ изъ пушекъ на самыхъ большихъ дистанціяхъ и на самомъ быстромъ ходу,—не адмиралы, а жалкіе школьники!

V.

Разгромили насъ японцы несомнѣнно своими новыми, дальнобойными, чувствительными гранатами и большимъ преимуществомъ хода, позволявшимъ имъ занимать въ отношеніи насъ выгодныя позиціи и драться на неслыханныхъ до сихъ поръ дистанціяхъ, но почему такъ быстро тонули, перевортываясь, наши лучшіе броненосцы, это вопросъ совсѣмъ другой.

Вѣдь всѣ мы, начиная съ адмирала и кончая послѣднимъ матросомъ, держа въ памяти сраженіе тѣхъ же типовъ броненосцевъ подъ Шантунгомъ, такъ твердо были увѣрены въ своихъ богатыряхъ: „Суворовъ“, „Бородино“, „Александръ III“, „Орелъ“, „Ослябя“, что считали всѣ остальные суда чуть не нужной прибавкой. Мы говорили себѣ: „все погибнетъ, а ужъ эти молодцы останутся“, и вдругъ они то первые сложили свои головы! Для насъ это былъ такой же неожиданный ударъ, какъ вѣра боксеровъ въ самихъ себя, что они будучи убитыми снова черезъ нѣсколько дней воскресаютъ.

Да и какъ было не сложиться мнѣнію о трудной потопляемости броненосцевъ даже старыхъ системъ, а не только новыхъ, когда оно подтверждалось примѣрами Лисскаго сраженія, Шантунгскаго, при Ялу, сраженіями Американскихъ республикъ, подтверждалось, наконецъ, бомбардированіемъ въ Таку и всей нашей войной съ Японіей даже въ отношеніи неброненосныхъ судовъ,

какъ „Новикъ“, „Діана“, „Паллада“ и миноносцы, а не только настоящихъ броненосцевъ. Вѣдь въ сраженіи при Ялу японцы били, били всѣмъ флотомъ два китайскихъ, уже советѣмъ не сопротивлявшихся имъ, броненосца, но такъ и не смогли ихъ утопить, не имѣя при себѣ миноносцевъ.

Почему же нашимъ броненосцамъ суждено было утонуть, а не дотаниться, подобно китайцамъ, въ разбитомъ состояніи, до своего мѣста?

Подъ Шантунгомъ не могли утопить „Цесаревича“, потерявшаго способность управляться и закидываемаго снарядами всей японской эскадры. „Ретвизана“, — прибивившагося слишкомъ близко къ японцамъ, „Пересвѣта“, имѣвшаго флагъ князя Ухтомскаго и жестоко за то исковерканнаго.

Въ Японскомъ морѣ не смогли утопить 1-го августа безпомощнаго „Рюрика“, даже не имѣвшаго круговой поясной брони, а 15-го мая — на другой день послѣ Цусимскаго сраженія, — „Дмитрія Донскаго“, дравшагося 2 часа съ 6-ю японскими крейсерами и имѣвшаго самую старую броню въ свѣтѣ.

Неужели все это подавляющее число фактовъ изъ прошлаго и настоящаго есть только случайность, а не сущность самого устройства современныхъ судовъ съ ихъ непроницаемыми переборками, клѣточной системой, броневыми и продольными корридорами, шахтами, непроницаемыми люками, дверьми и наконецъ — отличною, цементированною броней, способной противостоятъ, какъ это сказалося въ обоихъ сраженіяхъ, даже спеціальнымъ броневоймъ, а не только разрывнымъ гранатамъ?

Нѣтъ, это не случайность, а вѣрный результатъ упорной борьбы науки кораблестроенія противъ потопляемости судовъ отъ артиллеріи и тутъ рѣшительно не удивляться, не приписывать случайностямъ невозможно!

Почему же наши суда тонули въ Цусимскомъ сраженіи?

Говорятъ, онѣ были слишкомъ перегружены углемъ, сложеннымъ наверху, и кромѣ того отъ тушенія пожаровъ вода съ палубъ не успѣвала стекать, почему все это дѣлало ихъ неустойчивыми.

Это не советѣмъ такъ, потому что уголь къ сраженію уже подобранъ, вмѣсто вѣса воды при тушеніи пожаровъ убывалъ вѣсъ шлюпокъ и другихъ деревянныхъ предметовъ, пожираемыхъ огнемъ, а отъ перегрузки — поясная броня, уйдя глубже въ воду, спасала борта ниже броневыхъ шельфовъ отъ пробоинъ, такъ какъ японскія снаряды, будучи сходны съ минами, обладали очень большимъ радіусомъ разрушенія.

Хорошо! — возражаютъ на это, — но вѣдь борта броненосцевъ были порядочно продырявлены снарядами, почему волна, попадая въ палубу, прибавляла очень много вреднаго для остойчивости вѣса, снаряды же внизу расходовались, ну вотъ и еще причина перевертыванія судовъ.

Но однако вода, вслѣдствіе волны, вступала и снова отсупала изъ палубы и наконецъ почему же отъ тѣхъ же причинъ не перевернулись „Суворовъ“, „Орелъ“, „Олегъ“, „Свѣтлана“ и другія.

А ужъ ихъ ли не обсыпали градомъ снарядовъ и особенно „Суворова“ и „Орла“! Двѣсти лѣтъ можно прожить и не забыть той грандіозной картины, какъ эти броненосцы плыли точно подъ изверженіями вулкановъ.

Почему же, повторяю, „Орелъ“ и „Суворовъ“, будучи израненными никакъ не менѣе „Александра III“ и „Ослябя“, не перевернулись, а эти повернулись?

Безусловно можно быть увѣреннымъ, что причиной перевертыванія и потопленія нашихъ судовъ было не разрушеніе бортовъ снарядами, и потому медленное наполненіе внутренности корабля водою, а исключительно мгновенный притокъ ея черезъ огромныя подводныя про-

боины въ такой страшной массѣ, что она не успѣвала растечься по кораблю и тѣмъ опрокидывала ихъ. Развѣ „Цесаревич“ и „Ретвизанъ“ въ первую ночную атаку 26-го Января получивъ всего по одной минѣ, не были близки къ тому же?

Конечно такія пробоины могли дѣлать только мины, но такъ какъ днемъ мнонощевъ въ Цусимскомъ сраженіи не было, съ Японской же эскадры мины за дальностью разстояній дойти не могли, плавучихъ или минъ загражденія поставить было нельзя, потому что за невозможностью почему либо опредѣлиться, японцы сами бы могли нарваться на нихъ,—то откуда же эти мины могли взяться?

А что онѣ были, служить еще доказательствомъ встрѣчи нѣкоторымъ нашимъ судамъ съ тѣми изъ нихъ, которыя, не попавъ въ цѣль, выплыли на поверхность воды. Откуда же, спрашивается, онѣ явились: не съ неба же?

Несомнѣнно онѣ явились съ подводныхъ лодокъ и онѣ то и дѣлали тѣ громадныя пробоины, отъ которыхъ наши суда перевертывались, потому что подводныя лодки стрѣляютъ сразу двумя минами.

Другимъ доказательствомъ вѣрности этого предположенія можетъ служить еще то, что броненосецъ „Ослябя“ передъ потопленіемъ такъ вздрогнулъ, что многіе люди попадали съ ногъ, а это отъ артиллерійскихъ снарядовъ не бываетъ. Кромѣ того послѣ потопленія, не прямо, а вверхъ килемъ у него изъ погреба выплыло много минъ загражденія и на нихъ спасались люди, что тоже не могло произойти иначе, какъ черезъ большую пробоину съ разрывомъ двухъ днищъ шпангоутовъ.

Предполагать, что подобный разрывъ борта могъ случиться отъ плавучести минъ и напора воздуха—нелѣпо! мины все равно бы не пролѣзли между загнутыми на

шпангоуты листами, а для выхода воздуха достаточно самого маленькаго отверстія отъ вырванныхъ заклепокъ или отъ разъединенія обшивныхъ листовъ другъ отъ друга.

Далѣе говорятъ, что въ такую погоду, да еще по двигающимся, стрѣляющимъ судамъ подводныя лодки не могли дѣйствовать, потому—что японцы не успѣли ихъ пріобрѣсти и наконецъ лучше всего то: пріобрѣли, да не нашли время выучиться.

Конечно, все это чистѣйшій вздоръ! Погода была какъ нельзя болѣе для нихъ подходящая, позволявшая имъ плыть и стрѣлять не пользуясь даже перископами; ходъ нашей эскадры былъ слишкомъ малъ и при томъ мы такъ иногда скучивались, что можно было попадать минами чуть не безъ промаха, наши и японскіе снаряды конечно подвергали ихъ риску, но вѣдь безъ этого на войнѣ и невозможно, почему и есть слухи, что изъ 12 лодокъ у нихъ выболо три штуки, хотя японцы противъ того принимали нѣкоторыя мѣры, стрѣляя иногда съ явной тенденціей на перелеты. Впрочемъ можетъ быть это было, какъ слѣдствіе стрѣльбы „по площадямъ“.

Относительно пріобрѣтенія или не пріобрѣтенія подводныхъ лодокъ Японцами, а тѣмъ болѣе выучки обращенія съ ними даже не стоитъ говорить,—на столько это смѣшно. Уже если мы при всей нашей близорукости и халатности успѣли построить ихъ сами, выучиться и даже привести двѣ, три штуки изъ Америки и Германіи, то какъ же Японцы, начиная такую опасную для себя войну, съумѣвшие во всемъ остальномъ быть предусмотрительными до изумительнѣйшихъ подробностей, вдругъ бы прозѣвали съ такой капитальнѣйшей вещью. Дико даже слушать, а не только говорить!

Теперь если къ упомянутымъ доказательствамъ прибавить: рѣшеніе адмирала Того встрѣтить насъ у о-ва Катцусима и разсужденія нѣкоторыхъ корреспондентовъ изъ Токіо и Америки въ разныхъ Шанхайскихъ, Хон-

гонскихъ и Манильскихъ газетахъ, что въ Цусимскомъ сраженіи первый разъ съ успѣхомъ подвизались подводныя лодки, что появился новый, могущественный факторъ войны. съ которымъ надо серьезно считаться въ будущихъ морскихъ столкновеніяхъ, то мнѣ кажется, — вопросъ объ утопленіи нѣкоторыхъ нашихъ судовъ подводными лодками, совершенно исчерпанъ и вполне доказанъ.

Японцамъ, конечно, на столько же нѣтъ расчета рассказывать истину о причинахъ своихъ успѣховъ падъ нами, а напротивъ всячески ее замазывать, наводить на ложный слѣдъ, валить все „на души предковъ Императора“, какъ всякому человѣку постигшму простое средство выигрывать деньги въ банкъ или въ рулетку, не ссылаясь на счастье, на судьбу и даже иногда не дѣлать намѣренныхъ проигрышей.

Тактика весьма простая: строить для вида однѣ суда, но выигрывать побѣду другими, объ которыхъ ни гугу. Я крѣпко убѣжденъ, что если бы мы столкнулись съ Японцами въ открытомъ морѣ (чего они больше всего опасались), или въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не было бы ихъ подводныхъ лодокъ, то мы бы хотя сильно искалѣченными, израненными и разстроенными, но все таки доплыли бы до Владивостока.

Къ сожалѣнію намъ никакого другого исхода не было, какъ только идти Цусимскимъ проливомъ, но и тутъ мы бы пожалуй благополучно его миновали, если бы, воспользовавшись туманомъ или ночнымъ временемъ, прошли бы наибольшимъ ходомъ. Къ несчастью мы очень боялись миноносцевъ и нисколько — подводныхъ лодокъ. Мысль объ ихъ могуществѣ по случаю ихъ невидимости, не смотря на вѣрныя извѣстія приходящія къ намъ послѣ разныхъ опытовъ съ ними въ Америкѣ и Франціи, нисколько не воплотилась въ наше самосознаніе. Въ глазахъ начальства подводныя лодки были нуль, ничто, „жалкія забавы какихъ то глупыхъ фантазеровъ“.

Дряхлые умы не вѣрятъ новшествахъ, съ громаднымъ трудомъ усваиваютъ ихъ, съ неменьшимъ скиваются съ нимъ: имъ подавай все старое, испытанное, тертое, перетертое ихъ собственными боками и чувствами.

Смѣшнѣе всего въ спорахъ о подводныхъ лодкахъ, есть то, что всѣ эти господа, которые теперь съ такимъ азартомъ отрицаютъ ихъ участіе въ Цусимскомъ сраженіи, безъ колебанія вѣрили имъ у Скагена, у Танжера, въ Судѣ, въ Джибути, въ Носси-бей, въ Камранѣ, т. е. тогда, когда имъ почти невозможно было быть и перестали вѣрить въ то время, когда имъ настолько же преступно было не быть, какъ если бы сраженіе съ Японцами происходило близъ Владивостока и наши подводныя лодки не приняли бы участія въ немъ.

Подъ Цусимой произошла подавляющая мозгъ картина перевертыванія колоссовъ броненосцевъ подъ аккомпаниментъ не менѣе поражающихъ глаза и слухъ человѣка эффектовъ отъ безчисленнаго количества взрывовъ японскихъ гранатъ въ сопровожденіи огня, искръ, клубовъ дыма, громадныхъ фонтановъ воды, почему въ сопоставленіи съ невидимыми дѣйствіями подводныхъ лодокъ все приписалось треску и грому артиллеріи, а не деликатной скромности минъ.

Между тѣмъ если вникнуть за все время войны въ суть современныхъ снарядовъ и сопоставить ихъ съ дѣйствіями любыхъ минъ, то окажется что конечный результатъ послѣднихъ, какъ и земныхъ фугасовъ, ужасенъ, а первыхъ сравнительно очень малъ. Самая тонкая броня, мокрая палуба, дерево привязанное за бортомъ, мокрые мѣшки и тенты разложенныя по плюнкамъ, койки и чемоданы развѣшенныя между орудіями по палубѣ, спасали отъ поврежденій, пожаровъ, убили людей; взрывы патроновъ въ рукахъ подносчиковъ, въ кранцахъ, въ бесѣдкахъ, горящіе патроны, падавшіе въ

крыйтъ-камеры, многочисленныя пробоины въ борту губили много людей, но не суда. Ужь какъ, по разговорамъ, не бомбардировали Портъ-Артуръ, не разстрѣливали эскадру Витгефта, крейсера Иессена, но множество народу просидѣло всю осаду и вернулись благополучно; всѣ суда кромѣ самоутопившагося „Рюрика“ тоже вернулись. Если взять эскадру Рождественскаго, то какъ не изумительно будто бы стрѣляли Японцы, однако броненосецъ „Орель“, очень добросовѣстно не выходившій не разу изъ строя, остался цѣль, отрядъ Фелькерзама, кромѣ „Ослябя“, весь уцѣлелъ, отрядъ Небогатова почти не имѣлъ попавшихъ въ него снарядовъ, изъ отряда Энквиста крейсеръ „Олегъ“ въ суммѣ получилъ больше поврежденій чѣмъ всѣ остальные крейсера вмѣстѣ, хотя они подвергались двойному разстрѣлу отъ броненосцевъ и крейсеровъ. Миноносецъ „Буйный“ подъ выстрѣлами снятъ благополучно съ „Суворова“ адмирала и его штабъ. Миноносцы и пароходы „Свирь“, „Русь“, „Анадырь“ подъ выстрѣлами же спасали людей съ „Урала“, съ „Ослябя“ и уцѣлѣли („Русь“ потомъ былъ протараненъ кѣмъ то изъ нашихъ транспортовъ). Крейсеръ „Жемчугъ“ очень долго находился у самаго „Суворова“ и получилъ всего одинъ-два снаряда. „Алмазь“ одинъ снарядъ. „Изумрудъ“ остался цѣль цѣлехонекъ. „Дмитрій Донской“ тоже самое. Всѣ миноносцы кромѣ двухъ остались цѣлы и то одинъ изъ нихъ „Безупречный“, какъ говорятъ, былъ разстрѣлянъ или потараненъ нашимъ же судномъ.

Гдѣ же это губительное дѣйствіе артиллерійскаго огня и поразительная мѣткость Японцевъ, когда орудій у нихъ было чуть не вдвое больше, когда упорный гулъ, трескъ, ревъ, ихъ снарядовъ продолжался 5—6 часовъ; а мы очень часто, безъ всякихъ строевъ, топтались какъ стадо быковъ? Выходить,—не такъ страшень чортъ, какъ его малюють, да оно и понятно: съ такихъ

громадныхъ разстояній фугасными снарядами можно натопить сколько угодно: „Ураловъ“, „Камчатокъ“, „Иртышей“, но никакъ уже не броненосцевъ. Вотъ мины съ подводныхъ лодокъ—это совсѣмъ другое дѣло!

Если вспомнить еще мгновенную гибель отъ минъ загражденій „Петропавловска“ и многихъ Японскихъ судовъ, то становится очевиднымъ, что дѣйствія броненосцевъ, крейсеровъ и канонерокъ у береговъ будутъ стѣснены въ будущемъ еще больше, а другой цѣли какъ только прибрежныя операціи ни у какого флота не можетъ быть, потому что даже ловить купцовъ, изъ за поддѣлки документовъ, приходится не въ океанѣ, но вблизи же прибрежій.

Страшный грѣхъ берутъ на себя тѣ, кто предполагаетъ въ дѣлѣ постройки флота идти по старой дорогѣ, особенно если они сами не будутъ сражаться и тонуть на полюбившихся имъ душегубахъ.

Вѣдь собственно говоря вышло такъ, что мы продолжали длиннѣйшій путь исключительно только для того, чтобы убѣдиться своими глазами, какъ гибнутъ суда отъ взрывовъ минъ, такъ какъ до очевидности было понятно, что еслибы мы даже и разбили Японцевъ въ томъ же родѣ какъ они насъ, то все равно, при блокированіи ихъ портовъ для овладѣнія путями сообщеній, они бы насъ постепенно утопили своими миноносцами и подводными лодками.

Легкомысленно судить по правоспособности своихъ подводныхъ лодокъ объ чужихъ! Надо работать! Богъ труды любить, а родина ихъ настойчиво требуетъ уже ради того, что идея водобронности судовъ т. е. защита ихъ посредствомъ слоя воды прошла блестяще черезъ всю войну, такъ какъ нигдѣ на судахъ, даже чисто коммерческихъ, какъ „Ураль“ и „Камчатка“, механизмы не повреждались.

VI.

За день 14 мая 1905 года у насъ погибло четыре броненосца, за ночь три и одинъ крейсеръ. Если-бы броненосецъ „Николай I-й“ со своимъ отрядомъ не былъ такъ далеко отъ „Бородино“ и „Орла“ и весь флотъ не отвернулся бы отъ атакующихъ миноносцевъ при наступленіи темноты къ югу, то несомнѣнно число жертвъ прибавилось бы еще.

Надо теперь не забывать, что съ увеличеніемъ дальности самодвижущихся минъ значеніе всякихъ минныхъ судовъ очень поднялось, а артиллерійскихъ наоборотъ очень понизилось, такъ какъ ночью или въ пасмурность отъ тумана дождя и снѣга,—большіе корабли, какъ броненосцы, крейсера, канонерки не увидятъ за 2¹/₂—3¹/₂ версты маленькихъ миноносцевъ и минныхъ катеровъ, а тѣ напротивъ могутъ видѣть настолько удовлетворительно хотя бы ихъ силуэты, что въ состояніи стрѣлять минами и при томъ совершенно для себя безнаказанно. Такое же положеніе сохраняется, если большія суда начинаютъ свѣтить прожекторами, такъ какъ лучи ихъ не достигаютъ этихъ разстояній и что отчетливо подтвердилось гибелью отъ минъ „Наварина“, „Сисоя Великаго“ и „Адмирала Нахимова“, свѣтившихъ фонарями согласно приказу Начальника эскадры. При искрахъ изъ трубъ, при свѣтѣ изъ иллюминаторовъ, изъ рубокъ, при отличительныхъ огняхъ или при пожарахъ шансы нападенія минами увеличиваются.

Вотъ почему не пожары страшны сами по себѣ судамъ, а главнымъ образомъ та точка прицѣливанія для миноносцевъ, которую они даютъ своимъ пламенемъ.

Какъ бы ни былъ ничтоженъ процентъ попаданія минами, но онъ будетъ достаточенъ и съ лихвой окупить себя, если 50 миноносцевъ, слѣдуя по сторонамъ эскадры

въ безопасномъ отъ нея разстояніи, выпустятъ 100 минъ и потопятъ въ первую же ночь два, три строевыхъ судна, а потомъ снова и снова, то послѣ нѣсколькихъ ночей мало что останется отъ любой эскадры, въ особенности если запаса минъ довольно, а миноносцы будутъ дѣйствовать настойчиво, разумно и не торопясь. Имъ слѣдуетъ помнить только слѣдующее: что нѣтъ еще на свѣтѣ такой эскадры, у которой на ходу довольно часто не выходили бы изъ строя тѣ или другія суда, вслѣдствіе неожиданно случающихся поврежденій въ механизмахъ, котлахъ, паровыхъ трубахъ и рулевыхъ машинахъ, а слѣдовательно требующихъ замедленія или даже остановки изъ за нихъ и остальныхъ судовъ; что чѣмъ больше ходъ, тѣмъ чаще случаются поврежденія; что въ пасмурность или въ свѣжую погоду никакая эскадра не пойдетъ большимъ ходомъ; что въ темную ночь нельзя идти быстрымъ ходомъ безъ двухъ кильватерныхъ огней, а они дадутъ миноносцамъ знать куда и какъ движется эскадра; что сами миноносцы въ 15—20 кабельтовыхъ совершенно невидимы и потому вполне неуязвимы отъ артиллеріи; что никакая благоразумная эскадра не потащитъ съ собою свои миноносцы, а если таковая и найдется, то это только облегчитъ дѣло атаки, потому что изъ за полного сходства миноносокъ другъ съ другомъ, они съ легкостью войдутъ въ чужой строй и начнутъ разстрѣливать минами эскадру, а та въ свою очередь не будетъ знать въ кого стрѣлять.

Какъ разъ подобное происшествіе случилось въ ночь первой атаки японскихъ миноносцевъ на нашу эскадру въ Портъ-Артуръ и въ томъ же родѣ произошло подъ Цусимой, когда нѣкоторые наши суда, не имѣя возможности отличить своихъ миноносцевъ отъ японскихъ, принуждены были или воздерживаться отъ стрѣльбы, рискуя собою, или стрѣлять по своимъ и чужимъ, не разбирая.

Японцы въ обоихъ сраженіяхъ поступили очень бла-

горазумно: днем дрались только артиллерійскія суда, ночью же выступали одни миноносцы. Такъ было подъ Шантунгомъ и такъ—подъ Цусимой, но мы оба раза не поняли мгновеннаго исчезанія съ наступленіемъ темноты большихъ судовъ и выступленія вмѣсто нихъ только однихъ миноносцевъ и, не имѣя объ этомъ маневрѣ ни малѣйшаго подозрѣнія, съ чистой совѣстью продолжали еще нѣкоторое время палить... но уже вѣроятно не по непріятелю! И продолжали прорываться... но повидимому тоже не черезъ непріятеля! Несчастныя ошибки, происшедшія по винѣ нашихъ адмираловъ, не желавшихъ обдумать совмѣстно съ командирами всѣ директивы неизбежнаго боя.

А все таки интересно знать: чѣмъ руководствуются флотоводцы, таща съ собою миноносцы и подвергая ихъ въ бою одинаковымъ ударамъ съ броненосцами?

Вѣдь всякій артиллерійскій бой долженъ вестись только правоспособными къ тому судами, т. е. имѣющими крупную артиллерию и броню, поступать же обратно это тоже самое, что въ драку солдатъ ввязывать женщинъ и дѣтей. За что же подвергать безцѣльнымъ потерямъ незащищенные суда?

Если предполагать, что миноносцы нужно держать при эскадрѣ ради посылки ихъ въ атаку среди бѣлаго дня, то это уже прямо изумительно, такъ какъ для нея надо устроить невозможную вещь: мгновенно прекратить стрѣльбу по всей линіи своихъ судовъ, иначе эти атакующіе миноносцы или минные крейсера попадутъ подъ перекрестный огонь своихъ и чужихъ.

Ясно, что подобныя фантазіи невыполнимы, а слѣдовательно еще яснѣе (по крайней мѣрѣ для японцевъ), что назначеніе всякихъ минныхъ крейсеровъ, уничтожателей, миноносцевъ не плавать по морямъ и океанамъ со своими эскадрами, а вести свою самостоятельную службу, заключающуюся въ ночныхъ атакахъ на чужія

эскадры близъ своихъ береговъ или въ крайнемъ случаѣ въ блокадѣ чужихъ портовъ съ постановкой минъ загражденія, какъ это было въ Портъ-Артурѣ.

Пусть они сторожатъ отъ Либавы до Швеціи—Балтійское море, при Босфорѣ—Черное море и отъ Посета до бухты Америки—Японское море.

Вотъ ихъ истинная задача и вотъ ихъ упражненія, но никакъ не прогулки по Средиземному морю или фантастическая помощь въ видѣ охраны ими собственныхъ эскадръ.

Вся ихъ сила заключается въ постоянномъ сосредоточеніи въ наименѣе замерзающемъ порту, въ ежедневной готовности всѣхъ до одного къ массовымъ дѣйствіямъ и въ постоянномъ очередномъ крейсерствѣ по отрядамъ на указанныхъ выше линіяхъ охраны, но никакъ ни прикрѣпленія ихъ къ какимъ либо броненосцамъ, не посмѣнныя плаванія для тѣхъ или другихъ случайныхъ начальниковъ и еще того пуще—не запиранія ихъ, отъ сезона до сезона подобно скаковымъ лошадямъ, по разнымъ Гельсингфорскимъ, Ревельскимъ, Кронштадтскимъ и Петербургскимъ конюшнямъ. Последне столько же дико, какъ отдѣленіе части ихъ для какихъ то дачныхъ плаваній по заграничнымъ водамъ, а все вмѣстѣ представляетъ такую бессмыслицу: имѣть силу, но дѣйствовать только десятой частью ея, имѣть сто миноносцевъ, но дѣйствовать противъ непріятеля только десятью. Не смѣшно ли? Вѣдь возникновенія войны не закажешь непременно на лѣто.

Относительно идей о разныхъ шхерныхъ миноносцахъ, а тѣмъ болѣе о броненосцахъ не стоитъ и разсуждать: настолько все это не выдерживаетъ ни малѣйшей критики.

Кто пойдетъ въ шхеры, если за спиной въ Либавѣ остались 100 миноносцевъ и что сдѣлаютъ эти шхерные броненосцы и миноносцы съ пришедшимъ флотомъ, если

всѣ усилія сказанныхъ ста миноносцевъ разобьются въ прахъ. Ровно ничего, какъ только сбѣгутъ въ Гельсингфорсъ или въ Кронштадтъ и тамъ безцѣльно примерзнутъ!

Вѣдь любяя оборонительныя или наступательныя дѣйствія всякаго флота заключаются въ разрушеніи или обезвреженіи тѣхъ препятствій, которыя мѣшаютъ этимъ дѣйствіямъ, т. е. иначе говоря все достигается черезъ посредство однихъ боевъ.

Съ коровниками-же и конюшнями этого не достигнешь и потому ихъ слѣдуетъ, какъ можно скорѣй приккрыть.

Итакъ днемъ 14 мая разбили насъ японцы не только своими дальнбойными гранатами и превосходствомъ хода, но также подводными лодками, а ночью закончили поражение миноносцами и всякою вообще посудиною, способною ходить и стрѣлять минами на волнѣ.

На первый взглядъ представляется, что если бы нашъ флотъ, обладалъ скоростью хода не меньше, чѣмъ у Японцевъ, то дѣло было бы спасено, такъ какъ мы дрались-бы на тѣхъ близкихъ намъ дистанціяхъ, на которыхъ наши снаряды были-бы очень разрушительны, а ихъ подводныя лодки и миноносцы оказались бы совершенно неѣйствительными.

Отсюда сама собой напрашивается мысль: строить броненосцы съ очень большою скоростью, тогда и снаряды не надо передѣлывать и всякія самодвижущіеся мины имъ ничего не сдѣлаютъ.

Какъ будто и вѣрно, но если задумаешься, то выходитъ невѣрнымъ и по слѣдующимъ причинамъ:

Несомнѣнно скорость есть главный элементъ успѣха боя, но только такая, которая значительно превосходитъ непріятельскую, а слѣдовательно какова же она должна быть? Можно ли сказать 22 узла, когда броненосцы съ таковыми скоростями уже имѣются. Конечно нѣтъ, надо значительно выше, но какую же?

Какъ сохранить эту скорость послѣ большихъ пе-

реходовъ, при отсутствіи своихъ портовъ, когда подводныя части обростутъ, а механизмы сильно изнаются?

Какъ раздобыть первокласный уголь, гдѣ его хранить, откуда грузить, когда его уже для однихъ упражненій потребуется гигантское количество? Вѣдь только при движеніи въ океанѣ той минимальною скоростью, съ которою шли мы, возможно было дополнять суточный расходъ, но при обратныхъ условіяхъ это было бы совершенно немыслимо.

Далѣе, сохраненіе скорости въ бою зависитъ отъ множества непредвиденныхъ причинъ вродѣ: цѣлости дымовыхъ трубъ, чистоты котловъ, исправности ихъ и механизмовъ, нагрѣва подшипниковъ, штоковъ, мотылей, цѣлости прокладокъ, паровыхъ трубъ и т. п. и т. п. Разъ же скорость потеряна у того или другого корабля, то надо его или бросать, или защищать, кружась около, или равняться съ его скоростью, а все это даетъ жатву подводнымъ лодкамъ. А такъ какъ подобныя происшествія произойдутъ не съ однимъ, а съ многими кораблями, то жертвы для подводныхъ лодокъ участятся.

Къ ночи же за эскадрой послѣдуютъ миноносцы и пользуясь большою дальнходностью минъ, будутъ стрѣлять по ней безъ малѣйшаго вреда для себя, и это будутъ дѣлать не одну ночь, а всѣ ночи, пока въ конецъ не разстроятъ флотъ.

Потомъ, если даже флотъ устоитъ, то при блокадѣ, при бомбардированіи непріятельскихъ портовъ, при овладѣніи путями сообщеній, онъ будетъ нарываться на плавучія и другія мины загражденія, на атаки тѣхъ же миноносцевъ и подводныхъ лодокъ и едвали при этихъ условіяхъ выполнить задачу.

Наконецъ, сколько же надо будетъ построить броненосцевъ, если для изолированія одного Японскаго Средиземнаго моря съ его тремя входами и важнымъ портомъ Куре потребуется ихъ втрое больше чѣмъ есть

уже у Японцевъ, т. е. по крайней мѣрѣ 30 штукъ. По моему мнѣнію даже англійскому или американскому флотамъ нѣтъ возможности бороться на такихъ разстояніяхъ съ Японіей, а не только намъ.

Гдѣ же здравый выходъ изъ всего того для нашего флота?

Не хвататься же въ самомъ дѣлѣ за призракъ, за безнадежность и не начинать же снова строить броненосцы, когда нельзя ими никого перегнать, когда мы только что спустимъ корпусъ облюбованнаго нами проекта броненосца, какъ за границей будетъ ихъ нѣсколько гораздо грознѣе и сильнѣе.

Подобную мысль могутъ рекомендовать только поверхностные умы, совершенно не сознающіе для чего требуется морская сила всякому Государству. Представьте себѣ, что Японцы разбили бы нашъ флотъ не у Цусимы, а здѣсь, въ Балтійскомъ морѣ. Много ли они послѣ того, не имѣя своихъ портовъ, сдѣлали бы намъ? Можно смѣло сказать, что очень мало.

Любой флотъ, какое бы онъ названіе не носилъ и какого бы сорта не былъ, существуетъ только для того, чтобы не позволять бомбардировать свои города, не позволять блокировать свои порта и моря, не позволять прекращать своей морской торговли, не позволять привозить на свои территоріи войска. До сихъ поръ это достигалось черезъ существующее уже количественное превосходство судовъ обыкновеннаго типа или черезъ посредство одного или нѣсколькихъ успѣшныхъ боевъ, дававшихъ обладаніе надъ морями и путями сообщеній, идущими конечно только къ портамъ.

Съ появленіемъ подводныхъ лодокъ и дальноходныхъ минъ Уайтхеда разбить чужой флотъ такимъ же своимъ не только совершенно недостаточно, но прямо даже бесполезно, потому что все равно не достигнешь желаемыхъ цѣлей, такъ какъ подводныя лодки, миноносцы и

всякаго рода мины загражденія не дадутъ производить тѣхъ вышесказанныхъ операцій, для которыхъ только и существуетъ линейный флотъ. А слѣдовательно, зачѣмъ ему тогда и быть?

Вообразите, что передъ приходомъ нашей 2-й эскадры въ непріятельскія воды, Японскій флотъ сгинулъ бы, что ли отъ землетрясенія, и остались бы у нихъ только миноносцы и подводныя лодки. Была бы для насъ какая нибудь разница? Достигли бы мы тогда назначенной цѣли: отрѣзать ихъ армію отъ Японіи? Конечно же нѣтъ, потому что при блокадахъ ихъ портовъ наши суда постепенно были бы такъ же взорваны, какъ и броненосецъ „Севастополь“!

Довольно мы путались и заблуждались съ разными клиперами-алабамами, съ Мурманомъ и гигантами крейсерами, съ удивительными броненосцами и не менѣе изумительными канонерками, чтобы, наконецъ, не придти къ тому самому, съ чего такъ удачно въ семидесятыхъ годахъ начали, т. е. къ подводному плаванію и къ минному дѣлу.

Правда, съ ними прекращаются мечты о Мурманѣ, но вѣдь онѣ всегда были непростительно жалки, потому что сильный флотъ, подобно Англійскому, откуда угодно выйдетъ, а слабый, подобно нашему, или совсѣмъ не посмѣетъ выйти или если и выйдетъ, то не столько для нанесенія вреда, сколько для быстрого своего уничтоженія. Съ подводнымъ же флотомъ эта забота прекращается, — съ нимъ трудно справиться и его нигдѣ не запретъ!

Правда, при немъ сводится на нѣтъ наша излюбленная представительность и пышная адмиральская власть, а главное, подводныя суда будутъ стоять ужасно мало противъ тысячъ милліоновъ красиваго линейнаго флота, но что же дѣлать: безъ того и другого совсѣмъ не трудно обойтись Русскому Царству!

Изъ всего изложеннаго для каждаго разумнаго чело-
вѣка вытекаетъ слѣдующее:

Исключительно остановиться на одномъ минномъ флотѣ:
на постройкѣ подводныхъ и водобронныхъ судовъ, для
чего передѣлать заводы, измѣнить обученіе командъ и офи-
церовъ, и поставить подъ крыши всѣ строящіеся и ненуж-
ныя суда, такъ какъ другого исхода намъ все равно нѣтъ.

Газета „Котлингъ“ 2-го Августа 1906 года.

VII.

Присоединеніе ко 2-й эскадрѣ контръ-адмирала Не-
богатова едва ли ее усилило, потому что ходъ его су-
довъ былъ ниже, поясная броня его 4-хъ броненосцевъ
находилась подъ водою, почему ихъ нельзя было счи-
тать за броненосцевъ, а прибавка артиллеріи хотя была
очень существенная, но она безъ хода не могла сыг-
рать надлежащей роли, что и оказалось въ сраженіи
14-го мая.

6-го мая ночью и рано утромъ остановлены два
частныхъ парохода: одинъ англійскій съ грузомъ керо-
сина „Oldhamia“—крейсеромъ „Олего“, а другой швед-
скій пустой—крейсеромъ „Жемчугъ“, оказавшихся со-
всѣмъ не по пути для Нагасаки, но за то рядомъ съ эскад-
рой; при чемъ первый по приказанію командующаго эскад-
рой былъ арестованъ и направленъ съ нашей командой
во Владивостокъ (правильнѣе было бы въ Петропав-
ловскъ), а второй зачѣмъ то отпущенъ. Шведамъ у Рус-
скихъ всегда везетъ, хотя несомнѣнно эти два паро-
хода были первыми лазутчиками Японцевъ и ихъ надо
было обоихъ арестовать, но, повидимому, адмиралъ Роже-
ственскій держался на то своего особеннаго взгляда.

11-го мая было приказано отдать буксиры отъ ми-
ноносцевъ, что казалось преждевременнымъ и не вызы-
валось никакими обстоятельствами.

12-го мая вблизи Шанхая эскадра разсталась съ
большинствомъ транспортовъ и съ вспомогательными
крейсерами „Ріонъ“ и „Днѣпръ“, что ясно указало намъ
и японцамъ намѣреніе нашего адмирала вступить съ
ними въ бой, а чтобы они въ томъ не сомнѣвались, то
командующій эскадрой не гасилъ отличительныхъ огней
на госпитальныхъ судахъ, не отгонялъ ихъ развѣдчи-
ковъ, появившихся рано утромъ 13-го мая, не мѣшалъ
имъ свободно переговариваться другъ съ другомъ и со
своей эскадрой по безпроводному телеграфу. А чтобы
японцы знали, что онъ хочетъ вступить съ ними въ
бой въ день Св. Коронаціи 14-го мая, то онъ намѣ-
ренно растянулъ время перехода отъ Шанхая до Цу-
симы сбавкой хода и упражненіями въ эволюціяхъ.

Всѣ эти предположенія вытекаютъ еще изъ слѣдую-
щаго: Что адмиралъ ждалъ боя, это видно по сигналамъ
13-го мая днемъ: „Приготовиться къ бою“. „Завтра съ
разсвѣтомъ имѣть пары для полного хода, а крейсерамъ
„Дмитрій Донской“ и „Владиміръ Мономахъ“ быть въ
тылу транспортовъ“. „Во время боя имѣть лучшихъ те-
леграфистовъ и разсыльныхъ у аппаратовъ“.

Что адмиралъ желалъ боя именно 14-го мая видно
изъ того, что 12 и 13-го былъ туманъ и эскадра могла
бы проскользнуть Цусимскимъ проливомъ вечеромъ 13-го
мая, однако Рожественскій предпочелъ поступить по
древне-славянски: „Иду на Вы“. Вотъ только не пости-
жимо: зачѣмъ онъ ослабилъ свою эскадру отдѣленіемъ
2-хъ вспомогательныхъ крейсеровъ и взятіемъ съ собою:
яхты „Алмазь“, 2-хъ буксирныхъ пароходовъ и 4-хъ
транспортовъ: двухъ съ углемъ, одного со снарядами и
одного съ мастерской?

Теперь надо задать вопросъ: почему бы адмиралу
Рожественному и не искать было боя? Онъ, какъ уче-
ный артиллеристъ, поразившій самого Германскаго Им-
ператора и Его свиту искуснымъ маневрированіемъ и

стрѣльбою на Ревельскомъ смотрѣ, былъ увѣренъ въ превосходствѣ своей эскадры надъ Японцами даже помимо отряда Небогатова, что онъ не разъ и высказывалъ. Ту же увѣренность поддерживали и другіе адмиралы, особенно А. А. Бирилевъ, напечатавшій по сему поводу даже специальное письмо въ „Новомъ Времени“.

На чемъ же была построена эта увѣренность?

На глумленіяхъ и недовѣріи къ боевымъ коэффициентамъ судовъ, на богатырскомъ духѣ экипажей и на численномъ превосходствѣ нашихъ броненосцевъ и крупныхъ орудій противъ Японцевъ.

Опасностей: отъ преимущества въ скорости хода надъ нашей эскадрой, отъ частой стрѣльбы, отъ детонирующихъ гранатъ, отъ дальности минъ, дѣлающихъ свѣтъ нашихъ прожекторовъ неэффективными, отъ подводныхъ лодокъ—въ расчетъ не принималось. Отъ минныхъ атакъ хотя и принималось, но на то были припрятаны за броню часть прожекторовъ.

Въ концѣ концовъ все обстояло превосходно, достиженіе Владивостока, если не съ побѣдой, то и не съ особеннымъ пораженіемъ было обезпечено, а тамъ и маршъ въ Петербургъ на насиженное мѣсто подъ шпигъ, такъ какъ во Владивостокѣ уже ждалъ смѣны и слѣдующихъ побѣдныхъ лавръ адмиралъ Бирилевъ. Вотъ и причины приказаній: „стрѣлять рѣдко, да мѣтко“,—чтобы къ рѣшительному удару осталось больше снарядовъ, „ходить тихо, да вѣрно“,—чтобы къ концу сраженія оказались все въ сборѣ.

Можетъ быть предположенія адмираловъ и сбылись бы, если бы на грѣхъ Японцы не обзавелись особыми снарядами, дальнеходными минами и подводными лодками, такъ какъ безъ этихъ предметовъ никакъ невозможно было предѣлать: ни сраженія на большихъ дистанціяхъ, ни губительныхъ пожаровъ, ни сбиваній мачтъ и трубъ, ни отбиваній дулъ орудій, ни пораненій

множества людей въ башняхъ и казематахъ, ни потопленій броненосцевъ!

Утромъ въ день сраженія отъ командующаго эскадрой съ броненосца „Князь Суворовъ“ былъ такой сигналъ: „Когда непріятель покажется въ тылу, то броненосцамъ построить фронтъ направо и налѣво, а крейсерамъ и транспортамъ выходить впередъ“.

Почему не дѣлать того же самаго, если непріятель покажется и не въ тылу—неизвѣстно? Но этотъ сигналъ объясняетъ тѣ эволюціи, которыя предѣлывала въ первый еще разъ въ строѣ фронта вся эскадра 13-го мая и я подозреваю, что онѣ вызваны были тѣмъ, что когда то на Мадагаскарѣ я принесъ адмиралу Роже-ственскому послѣ спора съ нимъ о невозможности выиграть сраженія на малыхъ ходахъ, а въ Камранѣ флагъ-капитану тетрадку съ чертежами: какъ слѣдуетъ намъ маневрировать и какъ должны быть распределены суда по отрядамъ. Въ ней я доказывалъ необходимость начинать сраженіе въ строѣ фронта на уходѣ, дабы держать непріятеля, какъ можно долѣе, подъ вліяніемъ нашихъ крупныхъ орудій, но адмиралъ повидимому не обратилъ тогда вниманіе на эти чертежи, тѣмъ болѣе что флагъ-капитанъ отнесся къ нимъ иронически, и только наканунѣ боя вспоминалъ объ нихъ.

Послѣ полдня въ день сраженія были еще слѣдующіе сигналы все флагами, а не телеграфомъ: „Свѣтланѣ“ оберегать транспорты“. (Брейдъ-вымпелъ начальника развѣдочнаго отряда). „Крейсерамъ и транспортамъ держаться правѣ“. „Миноносцамъ „Блестящій“ и „Безупречный“ быть при крейсерахъ „Олего““. (Оба миноносца сразу же получили поврежденія отъ снарядовъ).

Изъ этихъ сигналовъ во первыхъ видны: забота адмирала объ крейсерахъ и транспортахъ, чтобы они не подвергались тому же огню, что броненосцы (тоже самое происходило и на упражненіяхъ въ Носи-бей),

во вторых—чтобы транспорты защищали: „Свѣтлана“, „Алмаз“, „Ураль“, „Д. Донской“, „В. Мономах“ и въ третьих—что отрядъ контръ-адмирала Энквиста оказывался состоящимъ изъ крейсеровъ „Олегъ“ и „Аврора“, потому что „Д. Донскому“ и „В. Мономаху“ не было отмѣны вчерашнему сигналу: „Быть въ тылу транспортовъ“; но вмѣстѣ съ тѣмъ по смыслу этого сигнала они какъ будто и не становились подъ начальство „Свѣтланы“ т. е. капитана 1 ранга Шеина. Дѣло въ томъ, что онъ былъ гораздо моложе командира „Дм. Донского“ капит. 1 р. Лебедева и моложе по выпуску командира „В. Мономаха“ капит. 1 р. Попова и потому вѣроятно ихъ подцеремонились подчинить Шеину буквально. Энквистъ же тоже не понималъ: отдѣлены они отъ него или продолжали состоять въ его отрядѣ?

Съ крейсерами „Жемчугъ“, „Изумрудъ“ и съ миноносцами поступили тоже очень странно: ихъ прикомандировали къ разнымъ кораблямъ вмѣсто того, чтобы составить отдѣльно отряды специально для борьбы съ Японскими миноносцами и для ночныхъ атакъ. Если бы такъ было приказано, то они могли бы днемъ держаться въ сторонѣ отъ сраженія, и тѣмъ избѣжать безцѣльныхъ поврежденій, а ночью или вѣрнѣе съ наступленіемъ темноты удариться: или противъ непріятельскихъ миноносцевъ, разстроивъ ихъ планы, или пойти въ атаку на большія суда.

Формированію такихъ отрядовъ тоже вѣроятно помѣшало то обстоятельство, что большинство командировъ миноносцевъ были гораздо старше и опытнѣе командировъ „Жемчуга“ и „Изумруда“, такъ какъ они уже сдѣлали очень тяжелое плаваніе до Джибути и обратно въ отрядѣ контръ-адмирала Виреніуса. Ихъ, конечно, можно бы было подсмѣнить другъ другомъ, но тогда явились бы командиры не привыкшіе и незнающіе своихъ судовъ.

Со старшинствомъ, вообще, нельзя не считаться на военной службѣ, потому что усердное, добросовѣстное отношеніе къ ней влечетъ за собою чины, а тѣ въ свою очередь даютъ власть и предполагаемую способность распоряжаться болѣе сложными и отвѣтственными обязанностями. Пренебреженіе этимъ допустимо только для Царскаго рода, но для простыхъ смертныхъ, при мирномъ прохожденіи службы, подобныя пренебреженія годами службы влекутъ только озлобленія и пассивное отношеніе къ дѣлу. Какъ мичмановъ или лейтенантовъ не дѣлаютъ сразу адмиралами, такъ не слѣдуетъ ни начальниковъ стряповъ, ни флагъ-капитановъ назначать изъ офицеровъ моложе командировъ, составляющихъ эскадру. Люди всегда останутся людьми, со всѣми ихъ слабостями. Авторитетъ власти никѣмъ не оспаривается и всѣми охотно признается, если онъ покоится на обычномъ старшинствѣ или на всѣмъ ясныхъ, выказанныхъ самимъ дѣломъ, отличіяхъ и дарованіяхъ. Все остальное считается экспроприаціей добытыхъ законнымъ трудомъ положеній или, по просту говоря, насиліемъ и произволомъ, почему съ одной стороны вызываетъ зависть, насмѣшки, глухой ропотъ, вражду, а съ другой—недовѣріе къ себѣ, подозрѣніе къ окружающимъ и страхъ за прочность неправильно полученнаго возвышенія. Вотъ цензъ-то тѣмъ и былъ хорошъ, что онъ ограничивалъ присущее всякому начальству кумовство.

У насъ на эскадрѣ уже были нелады между командирами и флагъ-капитаномъ Клаппе-де-Колонгомъ, за его никому непонятное возвышеніе изъ самыхъ младшихъ капитановъ 1 ранга, и между адмираломъ—за его высокомеріе, грубость, рѣзкость, заискиваніе передъ гвардейскимъ броненосцемъ „Александръ III“ и яхтой Великаго Князя „Свѣтлана“, но эта вражда еще болѣе увеличилась, когда ни съ того ни съ сего другой младшій командиръ, капитанъ 1 ранга Шеинъ, былъ сдѣланъ на-

чальникомъ развѣдочнаго, никогда не развѣдовавшаго, отряда. Это еще потому было очень дико, что маленький крейсерокъ „Свѣтлана“ совершенно ни по какимъ статьямъ не подходилъ къ громаднымъ почтовымъ, пассажирскимъ пароходамъ „Ураль“, „Терекъ“, „Кубань“, „Ріонъ“ и „Днѣпръ“, которые составляли этотъ отрядъ. Да и вообще къ развѣдочнымъ судамъ никогда не слѣдуетъ назначать постоянныхъ начальниковъ уже потому, что онѣ то и дѣло комбинируются для тѣхъ или другихъ цѣлей въ разныхъ числахъ и группахъ.

Адмиралъ хотя этого и не понималъ, но за то чувствовалъ устроенную имъ несправедливость въ отношеніи такихъ заслуженныхъ командировъ, какъ Бера, отказавшагося отъ контръ-адмиральскаго чина ради активнаго участія въ войнѣ, какъ Серебренникова, Егорьева, Юнга и потому не рѣшился создавать еще новыхъ начальниковъ отрядовъ и новый поводъ для враждебнаго къ себѣ отношенія.

Я нарочно останавливаюсь на этой интимной сторонѣ жизни эскадры, чтобы въ будущемъ не дѣлать того, что нарушаетъ порядокъ службы и что оскорбляетъ людей.

Передъ сраженіемъ эскадра шла двумя неравными колѣнами и адмиралъ Того, зная это, хотѣлъ пройти контръ-галсомъ, чтобы воспользоваться столь выгоднымъ для себя строемъ, но замѣтивъ наше перестроеніе въ одну кильватерную колонну, перемѣнилъ свое рѣшеніе и пошелъ поперекъ курса, чѣмъ поставилъ себя на нѣкоторое время изъ за поздняго поворота въ очень невыгодное положеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень опасное для обоихъ головныхъ нашихъ кораблей „Суворова“ и „Осляба“, которыхъ вскорѣ и выбилъ изъ строя. Послѣ того пошелъ неописуемый, сплошной кавардакъ, усиленный еще тѣмъ, что слѣдующій головной корабль „Алексадръ III“ склонился не на противоположный курсъ съ Японцами, а на параллельный.

Ничего бы такого не случилось, если бы адмиралъ Рожественскій обсудилъ получше совмѣстно съ командирами мое предложеніе состоявшее въ томъ, чтобы эскадра была раздѣлена на кильватеръ—тихоходныхъ судовъ и фронтъ—быстроходныхъ или на четыре части, перемѣшавъ сильныя со слабыми судами и имѣя весь флотъ въ одной кильватерной колоннѣ съ адмиралами по срединѣ своихъ отрядовъ. Крейсера должны были быть въ общемъ строю, минные крейсера и миноносцы должны были составить самостоятельный отрядъ и держаться въ сторонѣ отъ боя, транспортовъ совсѣмъ не брать или предоставить ихъ самимъ себѣ, потому что въ случаѣ пораженія они намъ все равно не требовались, а въ случаѣ побѣды мы бы достали новыхъ. Ходъ долженъ быть наибоыстрѣйшій. Если непріятель покажется сбоку, то поворачивать всѣмъ вдругъ на 90° и отходить отъ него фронтомъ, потомъ поворачивать бортомъ и снова переходить на уходящій фронтъ. Если непріятель покажется сзади, то поворачивать послѣдовательно поперекъ его курса и затѣмъ немедленно отходить фронтомъ. Если онъ появится спереди, то поворачивать всѣмъ вдругъ на 180°, потомъ немедленно, начиная съ концевыхъ, заходить поперекъ курса, а затѣмъ сейчасъ же отходить фронтомъ. Словомъ, — дѣлать такъ чтобы у насъ какъ можно больше времени работало наибольшее число пушекъ и чтобы затруднять Японцамъ пристрѣлку.

Положимъ, все это было бы не на долго, такъ какъ они очень быстро заняли бы выгодное для себя положеніе и кромѣ того эти эволюціи требовали отличныхъ срепетовокъ, а ихъ совсѣмъ не было.

Раздѣленіе эскадры на тихоходовъ и быстроходовъ позволяло послѣднимъ заходить Японцамъ въ тылъ или голову, чѣмъ конечно ухудшало ихъ положеніе, но къ сожалѣнію опять на короткое время, потому что одна

половина эскадры удалась бы отъ другой и все равно была бы разбита превышающими вдвое силами.

Въ концѣ концовъ безъ тѣхъ же снарядовъ что у Японцевъ и безъ преимущества въ скорости хода надъ ними, (мы могли ходить самое большое что 13 узловъ) нашъ погромъ былъ предопредѣленъ, почему такъ увѣренно и ждали его Японцы.

Ужъ очень только досадно и горько, что мы столь упорно и долго готовясь, такъ глупо, почти задаромъ, въ самое короткое время, не нанеся почти вреда Японцамъ, лишились цѣлаго флота и нѣсколькихъ тысячъ драгоценныхъ жизней.

А сколько при этомъ леденящихъ мозги картинъ, сколько потрясающихъ душу впечатлѣній и сколько досады и злости за то безсиліе, которое мы испытали, очутясь, благодаря негоднымъ кораблямъ, снарядамъ и фальшивой системѣ обученія, въ безысходныхъ тискахъ смерти, изъ которыхъ большинство судовъ не выручила даже темнота!

Главными виновниками столь постыднаго, столь фатальнаго состоянія нашего флота надо признать во первыхъ нашихъ великолѣпныхъ министровъ, заказывавшихъ военныя суда безъ всякаго плана и расчета, никогда не думавшихъ ни объ войнѣ, ни объ приобрѣтеніи и устройствѣ станцій для флота, а во вторыхъ — всѣхъ начальниковъ эскадръ и отрядовъ не заботившихся никогда объ выработкѣ на практикѣ лучшихъ приемовъ борьбы съ непріятельскими эскадрами и никогда не изучавшихъ ни своихъ, ни иностранныхъ источниковъ этой борьбы.

Повидимому мысль объ томъ, что флотъ, весь его учрежденія, все мы и все они необходимы только для боя, для одного боя и больше ни для чего — основательно была вычеркнута изъ головы и замѣнена: отбываніямъ номеровъ ученій, мелкой формалистикой, безконечнымъ

писаніемъ никому ненужныхъ будто бы важныхъ для исторіи, а въ сущности для самопрославленія, приказовъ и инструкцій и главное игрою въ почести якобы крайне необходимыхъ для внѣдренія дисциплины и поддержанія вышенаго престижа начальниковъ.

Адмиралы совсѣмъ забыли мудрую боевую поговорку: „счастливы тотъ начальникъ эскадры, который сдѣлавъ сигналъ начать бой, больше не будетъ нуждаться ни въ какихъ сигналахъ“, и со спокойною совѣстью вязали волю командировъ на столько, что не разрѣшали имъ быть самостоятельными даже съ собственной собакой, даже со своей шестеркой или паровымъ катеромъ. На все испрашивали начальственнаго соизволенія: взять ли лоцмана, послать ли буфетчика на берегъ, подкрасить ли трубу, вымыть ли команду и ея платье постѣмъ нагрести угля?

Адмиралы каждый шагъ командировъ брали на себя, не прощали имъ ни тѣни независимости и только тогда успокаивались, когда своихъ командировъ вкупѣ съ ихъ офицерами превращали наконецъ въ какихъ то аморфныхъ, безмозглыхъ существъ, реагировавшихъ только на расшаркиванія передъ начальствомъ, на слѣпое, не разсуждающее повиновеніе и на нежеланіе жить и мыслить безъ приказаній и разрѣшеній.

Такая система ошибочна даже для арміи, для флота же она прямо гибельна, такъ какъ дѣйствія войскъ въ сраженіяхъ очень рознятся отъ дѣйствій флотовъ въ бояхъ и если тамъ начальники, благодаря сравнительной безопасности, пересѣченной мѣстности и большихъ пространствъ занимаемыхъ войсками, дѣйствительно полновластные начальники, то у насъ, вслѣдствіе ровной поверхности и компактности морской силы, дерущіеся флоты всѣмъ видны; адмиралы же, по случаю одинаковой съ прочими опасностями и уничтоженія снарядами средствъ сигнализации, теряютъ всякую возможность руководить боемъ

и вся ихъ роль переходитъ на командировъ судовъ, почему весь успѣхъ его начинаетъ зависѣть отъ нихъ и слѣдовательно значеніе командировъ во флотѣ не безлично и не ничтожно, какъ предполагаютъ наши адмиралы, но громадно и равно чуть не начальникамъ отдѣльных армій на сушѣ.

Только бюрократическій произволъ, выраженный въ ненасытной жадѣ власти ради ея аксесуаровъ, ради ея престижа и ради канцелярскихъ удобствъ сношенія съ центральными органами, превратилъ нашихъ адмираловъ въ какихъ то громовержцевъ или еще въ церемонимейстеровъ съ большимъ штатомъ придворныхъ при оркестрѣ музыки, а не въ учителей, не въ наставниковъ, какъ требуетъ это всякій военный флотъ.

А вотъ и постыдные результаты этой вѣроломной, чиновничьей системы: ни одинъ изъ командировъ не проявилъ ни малѣйшей инициативы, всѣ ждали приказаній, а приказывать было некому, потому что очередной приказывающій, Небогатовъ, тоже ждалъ приказанія приказывать; всѣ командиры понимали, что идутъ на позоръ Россіи, но все таки шли; всѣ командиры видѣли роковую ошибку адмирала, но не смѣли протестовать. Какъ можно навлечь на себя гнѣвъ громовержца: лучше смерть, чѣмъ немилость, чѣмъ стыдъ отъ удаленія съ должности безъ суда и слѣдствія!

*А вотъ еще другой, не менѣе удачный результатъ: у насъ погибъ весь флотъ, у Японцевъ всего три миноносца, у насъ сократило жизнь нѣсколько тысячъ чело-
вѣкъ, у нихъ изъ 15000 всего 116 убитыми и утонувшими. Поучительная исторія перемѣщенія морской дѣятельности въ канцелярію, подъ шпиль адмиралтейства, — нечего сказать!*

Нѣтъ, современная морская война слишкомъ сложна и трудна, чтобы быть поручаема безконтрольно одному лицу! Крупныя ошибки неизбежны. Роковой же пре-

стижъ власти такъ усердно и прямолинейно вбиваемый въ головы подчиненныхъ привелъ лишь къ тому, что не встрѣтилъ сопротивленія: ни въ сдачѣ „Вѣдоваго“, ни въ сдачѣ цѣлаго отряда Небогатовъ, ни въ рѣшимости отдѣльных начальниковъ нанести наибольшій вредъ непріятелю. А само величіе престижа не увлекло очереднаго адмирала встать самостоятельно въ головѣ эскадры противъ гибели старшихъ флагмановъ или ихъ кораблей!

Тогда зачѣмъ же этотъ престижъ?!

Когда мы воевали съ такимъ жалкимъ врагомъ, какъ Турки, то престижъ власти не могъ еще особенно мѣшать, но въ будущемъ онъ принесетъ несомнѣнно тѣ же катастрофы.

Кругъ дѣятельности адмираловъ и министровъ совѣмъ не тотъ, который они присвоили себѣ, написавъ собственноручные законы. Въ сраженіяхъ могутъ руководить боемъ только случайные концевые корабли, почему вся суть дѣла въ командирахъ, значеніе которыхъ надо поднять въ такомъ родѣ, чтобы они, не имѣя старшинства между собою, составляли изъ себя коллегію для подбора новыхъ командировъ и для выбора себѣ представителей. Они же должны: издавать правила, заказывать суда, готовить себѣ офицеровъ, команду и матеріальную часть. Когда кто нибудь покупаетъ себѣ оружіе, заказываетъ пушки, корабли, платье, нанимаетъ учителя, управляющаго, то тому положительно нѣтъ никакого дѣла до тѣхъ господъ и учреждений, которые приготавливали ихъ. Такъ должно быть и здѣсь.

Подчиненіе должно вытекать не ради власти начальниковъ, а ради тѣхъ дѣйствій и пріемовъ, которые по общему, основательному обсужденію приведутъ къ успѣху, къ славной побѣдѣ надъ врагомъ.

Смѣшно предполагать, что къ этому способно только ничѣмъ неограниченное самовластіе и что сознаніе долга передъ Государемъ и родиной укладывается только въ

адмиралахъ, но не въ командирахъ кораблей Его Императорскаго Величества. Слава Богу, что при подводномъ флотѣ за отсутствіемъ ихъ только такъ и будетъ!

Существующая ложная, бюрократическая система морской службы ничего другого не могла и дать, кромѣ позора!

VIII.

Адмиралъ Того пишетъ въ своемъ отчетѣ такъ:

„Милостью небесъ и боговъ, нашъ соединенный флотъ далъ бой 2 и 3 эскадрамъ непріятеля 27 мая н. с. въ Японскомъ морѣ и ему удалось разбить ихъ на голову.

Когда непріятельскія эскадры появились въ Южномъ морѣ, нашъ соединенный флотъ, *согласно приказаніямъ Императора*, составилъ планъ встрѣчи непріятеля въ водахъ Имперіи, сосредоточивъ всю свои силы въ Корейскихъ проливахъ, и ожидать дальнѣйшаго движенія непріятеля, который, простоявъ нѣкоторое время у береговъ Анамы, *медленно* двинулся на сѣверъ.

Извѣстное число нашихъ сторожевыхъ судовъ было послано къ югу за нѣсколько дней до прихода непріятеля въ наши отечественныя воды и всѣ боевыя эскадры нашего соединеннаго флота, совершенно готовыя къ бою, оставались каждая въ своей базѣ, готовыя выйти по первому приказанію.

Въ 5 часовъ утра 27 мая одно изъ нашихъ сторожевыхъ судовъ, *высланныхъ на югъ*, „Шинамо-Мару“ внезапно прислало слѣдующую депешу по беспроволочному телеграфу: „Вижу непріятельскую эскадру у пункта № 203. Непріятель повидимому направляется въ Восточный проливъ“.

Весь флотъ сразу встряхнулся, команды воспрянули духомъ и всѣ отряды начали свои операціи противъ непріятеля, *согласно заранее обдуманному плану*. Въ 7 ч.

лвое фланговое судно внутренней сторожевой линіи, „Идзуми“, также увидѣло непріятеля и сообщило мѣсто его движенія.

Крейсерская эскадра (подъ начальствомъ вице-адмирала Катаока), отрядъ контръ-адмирала Того Масамичи и отрядъ контръ-адмирала Дэва пришли въ соприкосновеніе съ непріятелемъ между 10 и 11 часами утра.

Непріятель по временамъ стрѣлялъ по нашимъ судамъ на ихъ пути до Тсушимы. Не смотря на это, имъ удалось удержаться въ виду непріятеля, телеграфируя непрерывно его положеніе весьма подробно.

День былъ очень пасмурный и въ разстояніи болѣе 5 миль ничего не было видно, но благодаря доброй службѣ упомянутыхъ выше отрядовъ, *я такъ хорошо былъ осведомленъ о положеніи непріятеля, хотя и отстоящаго еще за десятки миль, что на дѣлѣ выходило, будто я видѣлъ его самъ*.

Такимъ образомъ, *не видя еще противника*, я зналъ, что въ его боевую линію входили 2 и 3 Балтійскія эскадры полностью и ихъ сопровождали около 7 судовъ особаго назначенія; *что корабли были выстроены въ две колонны*, при чемъ главныя силы шли въ головѣ правой колонны, а суда особаго назначенія были въ арьергардѣ и что *вся армада* шла на сѣверо-востокъ со скоростью около 12 узловъ.

Я рѣшилъ встрѣтить непріятеля своими главными силами около 2 часовъ дня вблизи острова Окинавы и начать дѣло общимъ ударомъ по головнымъ кораблямъ его *левой колонны*„.

Наиболѣе важныя мѣста этого отчета написаны мною курсивомъ. Остановлюсь на дозорной службѣ. Она многому научаетъ.

Близъ лежація къ отечественнымъ водамъ моря были раздѣлены на участки подъ номерами, что вполне ново, какъ въ смыслѣ секретности, такъ и простоты

сигнализаціи. Въ первую отдаленную линію были заблаговременно высланы быстроходныя коммерческія, а не боевыя суда, какъ навѣрно сдѣлали бы мы и чѣмъ, конечно, подвели бы себя, ослабивъ силу флота, въ случаѣ нечаяннаго прохода мимо ихъ непріятеля. Во второй, менѣе отдаленной линіи, были суда, не имѣющія боевого значенія. Въ третьей—близъ самыхъ боевыхъ эскадръ находились уже крейсера, имѣющіе назначеніемъ приходить въ соприкосновеніе съ непріятелемъ.

Всѣ посланныя слѣдить за нами суда назывались сторожевыми, но не развѣдочными, какъ это произошло бы у насъ и что было бы менѣе яснымъ, такъ какъ болѣе практичное назначеніе флотовъ сражаться не въ океанахъ, а въ прибрежныхъ водахъ.

Донесенія японскихъ сторожевыхъ судовъ передавались издали по беспроволочному телеграфу, почему не только всѣ отряды успѣли выйти изъ своихъ портовъ и соединиться, но еще адмиралъ Того имѣлъ возможность совершенно точно подогнать мѣсто и часъ сраженія, чего-бы никакъ нельзя было сдѣлать, если бы, вѣдствие нашей помѣхи телеграфировать сторожевымъ судамъ, имъ пришлось бы самолично бѣгать къ Того со своими донесеніями.

При такихъ дѣйствіяхъ, благодаря пасмурности, Того навѣрно насъ потеряло бы и пропустилъ бы во Владивостокъ. Доказательствомъ этому можетъ служить то, что онъ насъ потерялъ на нѣкоторое время даже въ самомъ разгарѣ сраженія.

Положимъ, Владивостокъ,—въ силу устройства нашихъ ядеръ, требующихъ боя на близкихъ разстояніяхъ, т. е. преимущества хода, котораго у насъ не было,—не спасъ-бы нашъ флотъ отъ неизбежнаго крушенія при дальнѣйшихъ операціяхъ по обладанію моремъ, но, кто знаетъ, можетъ быть подобный частный успѣхъ про-

извелъ бы такой эффектъ, что уже не мы, а японцы начали бы искать мира?

Что-же, однако, адмиралъ Того разглядѣлъ черезъ посредство своихъ сторожевыхъ судовъ? Онъ разглядѣлъ нашу глупость, онъ увидѣлъ тотъ опасный для насъ и очень удобный для него строй, которымъ мы совершенно безопасно ползли, да еще совмѣстно съ транспор-тами, по самому рискованному для насъ мѣсту. *Эта глупость, называемая походнымъ строемъ, должна быть категорично запрещена закономъ*, потому что тотъ строй долженъ быть походнымъ, при которомъ въ любой моментъ можно вступить въ бой, стрѣляя на оба борта.

Идя же походнымъ строемъ, т. е. двумя, тремя или четырьмя колонами: нельзя не перестроившись, стрѣлять внутренними бортами, не попадая въ свои же корабли, нельзя отражать минныя атаки, направляющіяся между колонами, не попадая другъ въ друга и нельзя не взорваться отъ плавучихъ минъ нѣсколькимъ кораблямъ вмѣсто одного, какъ это было-бы при кильватерномъ строѣ въ одну колонну.

Насъ упрекаютъ въ томъ, что мы не имѣли развѣдчиковъ, но намъ незачѣмъ было ихъ и имѣть, разъ мы шли бы походно-боевымъ строемъ, потому что вахты и орудія у насъ всегда были такъ распределены, что въ любой моментъ мы могли начать стрѣлять однимъ бортомъ, а черезъ минуту и другимъ. А такъ какъ ни уклоняться отъ встрѣчи съ японцами, ни скрываться отъ нихъ мы не имѣли никакого желанія, то и въ развѣдчикахъ никакой необходимости не было. При обратномъ же случаѣ ихъ тѣмъ болѣе не нужно, потому что они наводили бы на подозрѣніе о присутствіи скрывающагося флота. Причина болѣе быстрого нашего пораженія при Цусимѣ произошла не отъ развѣдчиковъ,—мы ждали сраженія—а отъ легкомыслія адмирала, шедшаго такимъ строемъ, который не годился для боя.

Все эти разсужденія о развѣдчикахъ, какъ о глазахъ флота, исходятъ изъ примѣровъ борьбы англичанъ съ французами, а на нихъ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ только воскликнуть: „И слава Богу, что Нельсонъ прозѣвалъ Наполеона и Вильнева, иначе они не вышли бы изъ портовъ и не произошло бы того разгрома ихъ флотовъ, которое случилось“.

Не знаю, какъ кто, но я-бы лично всегда предпочелъ превосходить непріятеля двумя броненосцами, чѣмъ десятью развѣдчиками уже по одному тому, что численное преимущество въ броненосцахъ мнѣ дастъ увѣренность на побѣду, а десять развѣдчиковъ, какъ неимѣющихъ ни малѣйшаго боевого значенія, никакой. Ихъ даже прямо неловко имѣть въ чужихъ водахъ при броненосной эскадрѣ, потому что по выполненіи своей задачи они не могутъ уйти домой, чтобы тамъ спрятаться, а должны вернуться къ эскадрѣ и вести бой наравнѣ съ броненосцами, не будучи совершенно къ тому приспособленными. Честно ли подвергать беззащитныя суда тому-же разстрѣлу, что несутъ, специально оборудованныя противъ того, могущественные броненосцы?!

А главное, въ этомъ нѣтъ никакого смысла, потому что равносильные флоты, подобно магнитамъ, всегда найдутъ другъ-друга, а слабый флотъ и съ развѣдчиками будетъ побитъ.

Здѣсь происходитъ тоже самое пустозвонство, что съ разговорами объ истребленіи чужой торговли раньше, чѣмъ будетъ уничтожена морская сила противника; сдѣлайте сначала это, а тогда уже само собой вся торговля будетъ ваша!

Другое наше недомысліе заключалось въ присутствіи транспортовъ, госпитальныхъ судовъ и миноносцевъ. Подобныя суда ни въ какомъ случаѣ не должны сопровождать боевыя эскадры въ зонѣ непріятельскихъ дѣйствій, а если бы, паче чаянія, это случилось, то забо-

ты объ ихъ охраненіи, какъ дѣло совершенно невозможное, не должно занимать ни чьихъ умовъ. Между тѣмъ нашъ адмиралъ, вмѣсто того чтобы ихъ оставить въ морѣ, въ ожиданіи результата дневного боя, потащилъ съ собою и, главное, вообразилъ возможность заслонить ихъ отъ летящихъ снарядовъ и плывущихъ минъ броненосцами и крейсерами, но конечно—напрасно. Мѣшать же маневрированіямъ, они мѣшали ужасно и это не трудно было все предвидѣть.

Теперь перейду къ заранѣе составленнымъ планамъ, о которыхъ адмиралъ Того упоминаетъ два раза. Какіе же это были планы и почему таковыхъ не было у насъ? Несомнѣнно, эти планы были чрезвычайно просты и включали въ себя главнымъ образомъ наше собственное безуміе: разбивать стѣну лбомъ, когда всѣмъ извѣстно, что этого сдѣлать никакъ нельзя.

Никто не пуститъ на бѣга или скачки своей лошади, протащивши передъ тѣмъ на ней десятки верстъ тяжелый возъ, но мы это сдѣлали. Никто не рѣшится направить въ бой эскадру съ истрепанными машинами, загрязненными котлами, обросшими подводными частями и сквернымъ дымнымъ углемъ, но мы это сдѣлали. Только отчаянное сумашествіе не оцѣнитъ чуднаго свойства, даваемого скоростью хода въ бою, но нашъ адмиралъ не только этого не сдѣлалъ, но еще сигналомъ сбавилъ ходъ своей эскадры, противъ бывшихъ упражненій, на 3 узла, т. е. сражался не съ 12-ю узлами, а съ 9-ю. Мало того, онъ легко могъ усилить свою эскадру, присоединеніемъ къ ней крейсеровъ изъ Владивостока, но этого тоже не сдѣлалъ.

Не сдѣлалъ вѣроятно потому, что онъ остался уже недоволенъ присоединеніемъ къ нему отряда Небогатовъ, такъ какъ, смѣшно сказать, но адмиралъ Рожественскій былъ твердо увѣренъ, что его эскадра и безъ того втрое сильнѣе Японскаго флота, а потому зачѣмъ

же честь побѣды надъ нимъ дѣлить съ какими то случайными начальниками отрядовъ!

Эта же увѣренность въ легкой побѣдѣ вѣроятно позволила ему не вникнуть ни въ Шантунгское сраженіе 28 іюля, ни собрать хоть разъ младшихъ адмираловъ съ командирами судовъ, чтобы самымъ обстоятельнымъ образомъ обсудить всѣ детали неизбежнаго боя. Эти жизненные вопросы игнорировались настолько непозволительно, какъ будто эскадра плыла для мирныхъ цѣлей, какъ будто никакой войны не было, да и не предполагалось.

Для всякихъ адмираловъ не должно же быть секретомъ, что руководить имъ боемъ, вслѣдствіе перебиваемости снарядами сигнальныхъ приборовъ, дѣлается невозможнымъ, что роль адмираловъ въ бою сводится къ нулю или самое большое на положеніе командировъ того судна, на которомъ они сидятъ или самыхъ обыкновенныхъ зрителей. Если въ сухопутныхъ сраженіяхъ мозгъ арміи заключается въ главнокомандующихъ, то въ морскихъ только въ командирахъ и ихъ помощникахъ. Это вѣдь та азбука морского дѣла, которую могутъ не понимать только такіе наивные писатели, какъ Кладо со своими глупыми выдержками изъ сухопутной стратегіи Лера, но никакъ не практики живого дѣла — адмиралы, а междѣ тѣмъ ни одного совѣщанія съ командирами, ни одного совмѣстнаго обсужденія для использования уроковъ изъ Шантунгскаго сраженія, не было.

Что ужъ послѣ того говорить объ изученіи иностранныхъ образцовъ, когда свои собственные, ближайшіе остались безъ всякаго разслѣдованія со стороны наиболѣе заинтересованныхъ лицъ. Посудите сами, чѣмъ инымъ можно объяснить тѣ грубыя ошибки, которыя были сдѣланы послѣ Шантунгскаго сраженія Цусимскимъ, какъ не самою удивительною безпечностью?

1) Въ томъ и другомъ сраженіи адмиралы рѣшили

прорываться, а не вести бой на правильныхъ основаніяхъ, примѣняя подходящія къ тому тактическія построенія, и послѣ исхода сраженія уже назначить: куда идти?

2) Въ томъ и другомъ сраженіи рѣшили вступитъ въ бой безъ всякой репетиціи въ эскадренныхъ маневрированіяхъ и эскадренной стрѣльбѣ.

3) Въ томъ и другомъ случаѣ сражались не на полномъ ходу, почему живьемъ отдавали себя въ руки японцевъ.

4) Въ томъ и другомъ случаѣ сражались совмѣстно съ миноносцами, а въ Цусимскомъ еще съ транспортами, чѣмъ поставили днемъ ночью въ опасное положеніе себя и ихъ.

5) Тамъ и здѣсь предполагали руководить боемъ и стрѣльбой посредствомъ сигналовъ, но, конечно, изъ этого ничего не вышло, какъ не выходило и нигдѣ.

6) Передъ тѣмъ и другимъ сраженіемъ не условились, что дѣлать ночью и куда собираться въ случаѣ неудачи?

7) Передъ тѣмъ и другимъ сраженіемъ не устроили совѣщанія съ командирами и офицерами относительно самаго боя, что родило разные экспромты.

Прославившіеся адмиралы никогда такъ не поступали!

Для разныхъ пустяковъ, вродѣ: поломки судовыхъ принадлежностей, потери якоря или шлюпки, испортившейся провизіи, награжденія военнымъ орденомъ, наказанія матроса за проступки, списанія по болѣзни офицера съ эскадры — назначаются спеціальныя коммисіи изъ всякаго сорта офицеровъ и при томъ ихъ постановленія обязательны для начальниковъ, а тамъ, гдѣ ставится на карту: честь флага, достоинство и цѣлость Россіи, судьба флота и множество жизней, тамъ все представляется единоличному рѣшенію командующаго флотомъ.

Если онъ неопытенъ, если онъ сумашедшій, самодуръ, если онъ предатель, то никто, рѣшительно никто, не можетъ помѣшать ему поступать по вольной своей волюшкѣ, такъ какъ статья 65-я морского устава гласитъ, „что главнокомандующему не возбраняется собирать военные совѣты изъ младшихъ флагмановъ, изъ командировъ по выбору и даже постороннихъ лицъ, но что этотъ совѣтъ рѣшить, то это нисколько не обязательно для него и что онъ даже имѣетъ право не сказать имъ ни своего мнѣнія, ни своего рѣшенія“. Статья 5-я говоритъ, „что начальникъ отвѣчаетъ за послѣдствія даннаго имъ приказанія, а подчиненный за точное исполненіе онаго“. Статья 14-я указываетъ: „что для начальника превышеніе власти не есть превышеніе, когда онъ въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ приметъ на свою отвѣтственность какую либо особенную мѣру и потомъ докажетъ, что она была необходима въ видахъ Государственной пользы“.

Смѣнить, на примѣръ, всѣхъ командировъ, устроить разными подходящими дѣйствіями неизбежное пораженіе, сдать флотъ и т. д. а потомъ уже доказывать всѣ виды Государственной пользы.

Не будемъ тогда въ претензіи за наши бѣдствія, если мы ихъ заранѣе предрѣшили такими несовершенными законами и такими неподходящими флотоводцами.

Кому много давалось, а еще больше довѣрялось, съ того и спрашивайте!

Теперь же утѣшимся однимъ, что наступаетъ новая эра флота—эра подводнаго плаванія, при которомъ нѣтъ мѣста ни команднымъ бунтамъ, ни безграничной воли адмираламъ!

Газета „Котлингъ“ 24-го Октября 1906 года.

О крейсерахъ.

I.

За годъ до войны съ Японіей я былъ назначенъ командиромъ крейсера 1 ранга „Дмитрій Донской“, который единолично, не имѣя никакихъ офицеровъ, кромѣ старшаго механика и старшаго офицера, и командуя въ тоже время за барона Фитингофа (команд. брон. „Наварина“) 9-мъ флотскимъ экипажемъ, перевооружалъ въ учебное судно для комендоровъ и квартирмейстеровъ Тихоокеанской эскадры и отправился осенью въ Портъ-Артуръ.

Въ Средиземномъ морѣ крейсеръ былъ присоединенъ къ отряду контръ-адмирала Виреніуса, состоявшему изъ броненосца „Ослябя“, крейсера „Аврора“ и 7-ми миноносцевъ. Такъ какъ послѣдніе пришли изъ Россіи порознь, то первое обученіе ихъ трудному эскадренному плаванію произошло, по порученію адмирала, подъ моимъ руководствомъ. Случилось это вслѣдствіе очень непристойной и грубой выходки англичанъ, выгнавшихъ наши миноносцы изъ своихъ доковъ на Мальтѣ ранѣе обусловленнаго срока пересмотра ихъ механизмовъ. Казалось бы—послѣ того, послѣ Гульскаго инцидента и послѣ громадной помощи, оказываемой англичанами противъ насъ японцамъ, не очень то ладно было заказывать имъ совершенно ненужный намъ къ тому же крейсеръ „Рюрикъ“, но мы все таки заказали!

Въ ночь на 1-ое января 1904 года, по приходѣ изъ Суды, крейсеръ „Д. Донской“ прошелъ каналомъ въ г. Суэцъ, гдѣ и ошвартовился у пристани для нагрузки угля. Миноносцы по моему приказанію должны были

прийти туда же на другой день, но къ прискорбію явился изъ Бизерты въ П.-Саидъ адмираль на броненосцѣ „Ослябя“ и отмѣнилъ мое приказаніе. Въмѣсто нихъ подошли подъ конвоемъ громаднаго англійскаго крейсера извѣстные всѣмъ „Ниссенъ“ и „Кассуга“ съ вольною итальянскою командою и встали у той же пристани одинъ передо мною, другой позади меня. Я былъ, какъ водится, безъ паровъ и ткнуть ихъ нечаянно или нарочно, какъ писалъ когда то капитанъ Ли про „Ослябу“, не могъ, но за то могъ бы, если бы миноносцы были со мною, выслать ихъ въ море, впередъ, и тогда бы „Ниссенъ“ съ „Кассугой“ надолго остались бы здѣсь стоять, такъ какъ вольная ихъ команда едва ли рѣшилась рисковать своею жизнью.

Объявленіе войны застало отрядъ Виреніуса въ Джибути, откуда ему и было приказано возвратиться обратно въ Россію, при чемъ крейсеръ „Д. Донской“ шелъ съ двумя миноносцами до Суэца авангардомъ и на его долю выпала честь, первому изъ всѣхъ военныхъ судовъ, забрать три парохода съ отличнымъ углемъ, изъ которыхъ одинъ былъ пассажирскій, купленный, по словамъ капитана, Японскимъ правительствомъ. Ихъ сначала было приказано отправить съ нашей командой въ Россію, но потомъ когда узналась нація (одинъ былъ Шведскій), то вдругъ рѣшеніе измѣнилось въ пользу полного ихъ освобожденія. Это было настолько невѣроятно и непатріотично, что только послѣ повторнаго приказанія Управляющаго Морск. Мин. Авелана, я съ горечью отпустилъ ихъ продолжать свой путь.

Причину освобожденія оправдали запоздалымъ объявленіемъ русской военной деклараціи, но и при этомъ правильнѣе было приказать ихъ задержать или утопить, а потомъ заплатить претензію, чѣмъ отпускать въ Японію! Наконецъ, почему Японцы не запоздали со своей деклараціей, а мы выпустили такую простую бу-

мажку чуть не три недѣли позже начала войны и тѣмъ упустили самое горячее время, когда купцы, везшіе въ Японію всевозможную военную контрабанду, не успѣли еще спохватиться и получить отъ своихъ консуловъ и транспортныхъ конторъ фиктивные документы. Смѣшнѣе всего изъ послѣдняго то, что нашему же консулу въ П.-Саидъ пришлось первому замѣтать слѣды военной контрабанды на нѣмецкихъ пароходахъ, такъ какъ онъ одновременно состоялъ Русскимъ и Германскимъ консуломъ. Только такое министерство, какъ *наше иностранное русскихъ дѣлъ*, могло не понимать, да и до сихъ поръ не понимаетъ, что на самой важной міровой артеріи, каковъ есть Суецкій каналъ, никакъ невозможно совмѣщать эти двѣ должности, да еще подъ Германскимъ флагомъ. Это по просту не только явный абсурдъ, но и прямо неприличіе въ отношеніи нашихъ союзниковъ-французовъ, главныхъ распорядителей П.-Саида и Суецкаго канала и при томъ почти единственныхъ изъ всѣхъ другихъ націй, которые не помогали Японіи при нашей войнѣ съ нею.

Для разныхъ барынь и туристовъ Мин. Ин. Дѣлъ не стѣсняется расходовать средства на содержаніе консула въ Каирѣ, а здѣсь на каналѣ, гдѣ русскія суда до войны занимали чуть не третье мѣсто по числу проходящихъ кораблей, у него не хватало денегъ для своего собственнаго консула и оно русскіе интересы поручило..... и кому же?—даже не французу! Прямо, стыдно говорить.

Еслибы наша декларація явилась немедленно по открытію войны, а отрядъ Виреніуса не только не возвращали, но послали бы къ нему всякіе бывшіе тогда въ готовности броненосцы, а къ Германіи, Англіи, Швеціи, Америкѣ—всякіе вспомогательные крейсера изъ Добровольцевъ и даже такіа суда, какъ „Г. Эдинбургскій“, „Геральд-Адмиралъ“ и старые клипера, то поворотъ войны

былъ бы другой, потому что Японія начала ее безъ достаточнаго количества боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ.

Къ сожалѣнію у насъ ни на что не хватило ни энергіи, ни натиска, ни предусмотрительности, хотя къ этимъ крейсерскимъ дѣйствіямъ мы готовились сейчасъ же по окончаніи Турецкой кампаніи, создавая для того Добров. флотъ съ ихъ невыгодными въ коммерческомъ отношеніи быстроходными пароходами и строя для того же особыя полупарусныя суда и громадной вмѣстимости крейсера. Мертвая политика и мертвые распорядители! Какъ стыдно и больно дѣлается за насъ русскихъ, когда вспомнишь про американцевъ въ ихъ междуусобную войну, при которой они, не имѣя ни верфей, ни заводовъ, создали и ихъ, и сотни военныхъ кораблей; изобрѣли броню, башни, казематы, 15" орудія, мониторы, мины и, словомъ, въ первый же годъ войны блестяще одолѣли неимовѣрныя затрудненія и какъ мы за все время не только ничего не одолѣли, но даже громадна, народныя пожертвованія ухитрились израсходовать на обогащеніе нѣмцевъ и шведовъ, покупая и строя совершенно бесполезныя намъ суда.

Какъ, 26 лѣтъ тому назадъ, въ Турецкую кампанію, народныя, dobroхотныя пожертвованія ушли, нисколько не усиливъ Россію, на обогащеніе нѣмцевъ, такъ и теперь. Небось американцы сдумѣли обойтись безъ всякой благотворительности чужимъ націямъ; мы же никакъ не можемъ устроиться безъ чужой помощи. Диви бо еще благотворили своимъ естественнымъ друзьямъ французамъ, а то вѣдь нѣтъ: имъ предоставили всѣ непріятности по части нашихъ стоянокъ въ колоніяхъ, а другимъ, которые подготовили Японцевъ къ войнѣ, снабжали ихъ наибольшимъ количествомъ боевой контрабанды, тѣмъ предоставили всѣ выгоды и всю наживу. Даже какъ будто и неделикатно!

По приходѣ въ Россію меня сначала хотѣли переназначить на броненосецъ „Ослябя“, но потомъ, изъ за отказа капитана 1 ранга Вера вести транспорты даже въ адмиральскомъ чинѣ, передумали и обмѣняли съ командиромъ крейсера „Олеги“ капитаномъ 1 ранга Лебедевымъ.

По числу остающихся на крейсерѣ работъ требовалась самая напряженная энергія, иначе онъ могъ бы не поспѣть, и вотъ общими усиліями его всетаки удалось изготовить къ поздней осени.

3-го ноября 1904 года, мѣсяць спустя послѣ ухода эскадры Рождественскаго, крейсеръ „Олеги“, минный крейсеръ „Изумрудъ“, два Добровольныхъ крейсера „Ріонъ“ и „Днѣпръ“, учебное судно „Океанъ“ и 5-ть миноносцевъ вышли подъ моимъ общимъ начальствомъ изъ П. Императора Александра III на соединеніе со 2-й эскадрой Тихаго океана. Путь былъ назначенъ черезъ Средиземное море и Суецкій каналъ.

У м. Скагена насъ задержала выгрузка угля и протухшей провизіи съ какого то маленькаго, нѣмецкаго парохода, пришедшаго изъ Кіля, когда угля у насъ было очень много съ собой, а провизіи сколько угодно можно было помѣстить въ великолѣпныхъ рефрижираторахъ „Ріона“, „Днѣпра“ и „Океана“.

Говорили, этотъ пароходъ былъ зафрахтованъ потому, что кто-то изъ Морского Министерства прихотился родственникомъ нѣмецкому консулу въ Килѣ. Должно быть это сплетня, *но во всякомъ случаѣ имѣть иностранныхъ консуловъ въ портахъ слѣдованія эскадры, а тѣмъ болѣе на Суецкомъ каналѣ и вблизи театра войны — непростительно!*

Учебное судно „Океанъ“, по выгрузкѣ изъ него угля въ Танжерѣ, было отпущено мною домой. Два миноносца, влѣдствіе неисправностей въ механизмахъ, были оставлены въ Средиземномъ морѣ, а одинъ въ Джибу-

ти, такъ что въ Носи-бей на Мадагаскарѣ были приведены мною съ очень большими затрудненіями, по случаю неопытности личного состава, постоянной нехватки прѣсной воды и частыхъ поврежденіяхъ въ механизмахъ, крейсера „Олеѣ“, „Изумрудъ“, „Ріонъ“, „Дибиръ“, — миноносцы „Громкій“ и „Грозный“. Разстояніе въ 2650 миль, отъ Джибути до Мадагаскара, не могло быть пройдено съ тѣмъ же запасомъ угля и воды не только „Изумрудомъ“, но даже „Олегомъ“, почему для погрузки того и другого пришлось на сутки заходить въ нѣмецкую колонію Даръ-эль-Саламъ.

Въ продолженіи пути отрядъ долженъ былъ ловить купцовъ, везущихъ отъ Крупна полевою и осадную артиллерію въ Японію, но при этомъ какъ то такъ случилось, что когда можно было словить въ Средиземномъ морѣ, то получалась телеграмма изъ Морского Штаба ловить въ Красномъ морѣ, а затѣмъ опять отменялось и предлагалось дѣлать это въ Аравійскомъ заливѣ. Когда же я посылалъ туда, то являлась телеграмма, что уже поздно — моль прошли. Только понапрасну насъ затрудняли.

По приходѣ въ Носи-бей, всѣ мои суда были раскасированы по другимъ отрядамъ, при чемъ „Олеѣ“ былъ присоединенъ къ отряду контръ-адмирала Энkvиста, который держалъ тогда свой флагъ на яхтѣ „Алмазъ“.

Такъ какъ по пути мы много учились, то на смотру мои суда получили одобреніе отъ начальника эскадры, а я самъ заболѣлъ отъ переутомленія: кровоизліяніемъ легкихъ и сильнымъ отекомъ ногъ.

Крейсеръ „Олеѣ“ ушелъ изъ Россіи: съ надтреснутымъ цилиндромъ низкаго давленія у правой машины, съ перегрузкой не меньше $2\frac{1}{2}$ футъ, такъ что бортовые кофердамы съ целюлозой ушли подъ воду, и—безъ всякихъ испытаній по механизмамъ и по опредѣленію остойчивости, требуемыхъ закономъ, но запрещенныхъ

„чтобы не смущать умы“, бывшимъ тогда главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта вице-адмираломъ Бирилевымъ.

Между тѣмъ на „Олеѣ“, противъ его прототипа „Богатыря“, было наставлено столько лишняго груза и водружены такіа высокіа мачты для беспроводнаго телеграфа, что его остойчивость сдѣлалась очень сомнительной и потому гораздо больше смущала умы команды, чѣмъ провѣрка. Впрочемъ нашему начальству ни до чего другого не было дѣла, какъ только бы скорѣй вытолкать насъ за предѣлы своихъ отечественныхъ заботъ.

Во время пути выяснились слѣдующія недостатки крейсера, объ которыхъ своевременно было увѣдомлено начальство.

- 1) Частая течъ праваго холодильника (конденсатора пара) имѣвшаго недуженныя трубки, что заставляло въ послѣдствіи, послѣ Камрана, чуть не два, три раза въ день идти подъ одной лѣвой машиной часа по полтора.
- 2) Частое лопаніе водогрѣйныхъ трубокъ котловъ Нормана, а въ послѣдствіи чуть не каждую вахту, что требовало вывода поврежденнаго котла и разводки пара въ другомъ по часу и болѣе времени.

3) Невозможность подавать уголь изъ кочегарки въ кочегарку (2 кочегарки по 6 котловъ и одна въ 4 котла), почему если въ одной изъ нихъ выходилъ уголь, который къ тому же былъ распределенъ очень неравномѣрно, то уже подъ всеми котлами было идти нельзя.

4) Недостаточная сила опрѣснителей, заставлявшая брать очень много береговой воды, такъ какъ котлы этой системы не выносили ни малѣйшаго присутствія соли, что въ общемъ очень затрудняло плаваніе.

5) Недѣйствующая электрическая *рулевая* машина, часто портящаяся гидравлическая, особенно если приходилось нѣкоторое время идти подъ одной машиной и какъ это нерѣдко случалось съ крейсеромъ.

6) Постоянно разрывающіеся соединенія машиннаго телеграфа, такъ какъ на одномъ проводѣ ихъ было три — походный, въ боевой рубкѣ и въ боевомъ посту. Эти обстоятельства — руль, телеграфъ и холодильники — ставили часто крейсеръ въ совершенно безвыходныя положенія.

7) Частый разрывъ вспомогательныхъ, паровыхъ трубъ, влѣдствіе вибрацій корпуса отъ большой длины и жидкой постройки.

8) Негодный для котловъ Нормана уголь нѣмецкой доставки, сильно забивающій сажею междутрубныя пространства, почему паропроизводительность котловъ сильно упала и районъ плаванія оказывался не въ 5000 миль, а всего около 2500 миль. (Впослѣдствіе, когда вырубилъ нижніе ряды испорченныхъ трубокъ, то изъ каждаго котла выгребли до 2¹/₂ тоннъ сажи).

9) Недѣйствующій рефрижираторъ, что заставляло брать на палубу быковъ, а это въ случаѣ неожиданнаго боя могло бы надѣлать не мало непріятностей отъ роговъ этихъ животныхъ.

10) Очень неправильная окраска подводной поверхности, произведенная такъ по приказанію главнаго командира чисто изъ фанфаронства, чтобы показать свою расторопность по изготовленію судовъ въ его порту, и что вызвало очень быстрое обростаніе довольно крупными раковинами не только ея, но главное приѣмныхъ отверстій отъ циркуляціонныхъ помпъ, а слѣдовательно все вмѣстѣ: уменьшило притокъ охлаждающей паръ воды, уменьшило скорость, районъ плаванія и сильно увеличило расходъ угля. Казалось бы самому мастеру малярнаго дѣла, каковымъ былъ А. А. Вирилевъ, написавши объ томъ книжку, и не очень то къ лицу было дѣлать такіе промахи.

11) Очень скверная солонина Кронштадтскаго изготовленія, которая болѣе чѣмъ на половину протухла и поставила бы команду въ очень скверное положеніе,

еслибы своевременно не была замѣнена американской. Вотъ лучше бы главному командиру въ это дѣло было вникнуть, чѣмъ въ окраску судовъ.

12) Линнотій флагдукъ для сигнальных флаговъ, которые, тоже если-бы не были замѣнены заграницей, то не позволили бы дѣлать сигналы.

13) Въ число команды крейсера было назначено до 23% запасныхъ нижнихъ чиновъ, при томъ такихъ, которые очень давно покинули службу, обзавелись большими семьями и всякими частными дѣлами. Подобная комплектація судовъ была очень вредна и очень непонятна, такъ какъ молодежь съ остающихся дома судовъ валомъ валила съ просьбами взять ихъ на войну, но Главные Командиры вѣроятно считали, что ихъ собственное спокойствіе гораздо дороже всякихъ успѣховъ флота.

Вообще съ грустью приходится удостовѣрить, что болѣе недоброжелательнаго, тщеславнаго и саморекламнаго отношенія къ отправляющимся на войну судамъ со стороны бывшаго Главнаго Командира Кронштадтскаго порта трудно себѣ представить. Онъ всѣми средствами стремился уронить офицерскій составъ въ глазахъ команды и общества, чтобы этимъ способомъ прославить себя; онъ принялъ какъ разъ всѣ тѣ мѣры, которыя портили суда и затягивали срокъ ихъ изготовленія, такъ какъ несвоевременнымъ выгономъ ихъ на рейдъ не столько думалъ объ дѣйствительной ихъ боевой годности, сколько о томъ, что онъ самъ ужасно полезенъ, дѣятеленъ и неутомимъ. Ничего другого, какъ роли недостойнаго очки-втирательства онъ ни въ комъ и ни въ чемъ не оставилъ. Печальная память, жалкая память!

II.

Какъ Японскіе, такъ и наши легкіе крейсера дѣйствовали въ сраженіи 14-го мая совершенно независимо отъ броненосцевъ, имѣя назначеніемъ охранять транспорты и поддерживать броненосную линію, т. е. быть завѣсою между нею и непріятельскими крейсерами, что, иначе говоря, требовало отъ нихъ принимать снаряды отъ японскихъ крейсеровъ на себя и не допускать ихъ до нашихъ броненосцевъ. Съ этой цѣлью эти крейсера были подѣлены на два отряда между контръ-адмираломъ Энkvистомъ и капитаномъ 1 ранга Шеиномъ. Русскіе крейсера были вооружены 6" пушками, 120 m/m, 75 m/m и 47 m/m и состояли: изъ бронепалубнаго крейсера „Олего“ съ двумя тонкими броневыми башнями и четырьмя казематами, что дѣлало его очень валкимъ; изъ бронепалубнаго коммерческаго уничтожателя „Авроры“, имѣющаго очень слабое боевое значеніе; изъ очень устарѣлаго (20 лѣтъ жизни) крейсера съ тонкою поясною броней „В. Мономаха“; изъ такого же устарѣлаго учебнаго судна „Д. Донской“ и съ такою же поясною броней; изъ двухъ яхтъ „Алмаза“ и „Свѣтланы“ и изъ пассажирскаго парохода „Ураль“ съ дальподѣйствующимъ беспроводнымъ телеграфомъ. Всего значитъ съ грѣхомъ пополамъ отрядъ состоялъ изъ 7 судовъ, а въ сущности изъ 5-ти. Здѣсь кстати слѣдуетъ замѣтить, что наиболѣе устарѣлыя суда, какъ „В. Мономахъ“ и „Д. Донской“, благодаря сплошной поясной брони, оказались на дѣлѣ гораздо болѣе боевыми судами, чѣмъ новѣйшія „Олего“ и „Аврора“. Эскадренная скорость этого отряда была не болѣе 13½ узловъ, а послѣднихъ двухъ—узловъ 17-ть.

Японскій крейсерскій отрядъ состоялъ изъ 3-хъ крейсеровъ, вооруженныхъ 12½" орудіями, 5-ти крейсе-

ровъ, вооруженныхъ 8" орудіями и 5-ти—6" и 120 m/m пушками. Кромѣ того къ нимъ присоединенъ былъ еще бывшій китайскій броненосецъ „Чинъ-Иенъ“, чтобы вѣроятно не было въ отрядѣ 13-ти судовъ. Всего значитъ было 14 кораблей со среднею скоростью 15-ти узловъ.

Гдѣ же тутъ было при такомъ громадномъ перевѣсѣ силъ идти въ атаку? И кому—„Олегу“ и „Аврорѣ“?

Но раньше чѣмъ они догнали-бы ихъ, были-бы утоплены! Гораздо полезнѣе было закрывать сколько возможно собою броненосцы и принимать на себя крейсерскіе снаряды, чѣмъ быстро погибнуть отъ смѣшной, дѣтской атаки.

Ужъ если кому слѣдовало броситься на насъ, такъ это Японцамъ, однако они преблагоразумно держались вдали и раскатывали насъ крупными орудіями безъ вреда для себя.

Въ буквальномъ смыслѣ насъ спасло только чудо Божіе, такъ какъ мы себя не жалѣли и даже бросались полнымъ ходомъ на крейсера, но они сейчасъ же увеличивали растояніе, ставя насъ въ положеніе догоняющихъ и мы снова ложились на курсъ параллельный нашимъ броненосцамъ. Для насъ же практичнѣе было имѣть дѣло съ одними ихъ крупными орудіями, чѣмъ еще съ многочисленными мелкими, одинаково опасными для нашихъ небронированныхъ бортовъ. (Что была за броня у „Д. Донскаго“ и „В. Мономаха“?).

Лучшимъ доказательствомъ добросовѣстнаго выполненія нашей задачи служить то, что съ лѣвой стороны, гдѣ были наши броненосцы, мы получили очень мало поврежденій, а съ правой, гдѣ держались непріятельскіе крейсера, очень много и преимущественно на носу. Кажется и транспорты, благодаря охранѣ, до вечера уцѣлѣли.

Передъ закатомъ солнца непріятельскіе крейсера ожидались слѣва и ситуація боя приняла слѣдующее

положеніе. Представимъ себѣ для ясности, что наши крейсера находились на Кронштадтскомъ рейдѣ, направляясь къ западу, „Бородино“ и „Орелъ“ находились примѣрно у Лисьяго Носа, Небогатовъ и другіе примѣрно—у Лахты, Японскіе броненосцы—на линіи Сестрорѣцкой дороги между городомъ и станціей Раздѣльной (намъ не были видны) и Японскіе миноносцы, разсѣявшись группами, ожидали насъ по линіи Лондонскаго маяка отъ берега до берега.

Что крейсерамъ слѣдовало дѣлать? Идти на миноносцы, но до наступленія темноты они бы стали отходить отъ насъ и при томъ мы бы оставили „Бородино“ и „Орла“. Идти къ нашей эскадрѣ? Но это значитъ опять бросить наши головные броненосцы, да при томъ гораздо правильнѣе было бы подойти къ нимъ Небогатову.

Мы уменьшили ходъ и начали стрѣлять по миноносцамъ, но вскорѣ бросили это занятіе, чтобы не тратить снаряды и не смѣшить Японцевъ, такъ какъ изъ-за дальности разстоянія и косыхъ лучей закатающагося солнца нельзя было различать всплесковъ воды. (Вѣдь наши снаряды не рвутся отъ нея и не даютъ густыхъ клубовъ дыма, какъ у Японцевъ).

Тѣмъ временемъ „Бородино“ и „Орелъ“ продолжали плыть впередъ, безпощадно разстрѣливаемые тучею снарядовъ, часть которыхъ съ визгомъ и ревомъ падала близъ насъ, вздымая высокіе фонтаны воды. На „Бородино“ у гротъ-мачты громадный столбъ пламени, но броненосецъ бодро отстрѣливается и вдругъ, сдѣлавъ залпъ изъ кормовой башни, мгновенно опрокидывается и тонетъ на глазахъ у всѣхъ.

На нѣкоторое время всѣ какъ будто оцѣпенѣли, но потомъ, точно по командѣ, Японскіе миноносцы бросились на насъ, а мы всѣ вдругъ начали поворачивать къ Югу (въ приведенномъ планѣ будетъ къ Востоку) и

прибавлять ходу, чтобы тѣмъ затруднить нападенія миноносцевъ, заставляя ихъ производить свои атаки съ кормы на погонѣ. Между тѣмъ уже настолько стемнѣло, что „Олегу“, обгоняя крейсера, чтобы встать во главѣ ихъ, не видѣть, на сколько помню, ни одного судна, кромѣ „Алмаза“.

Куда „Олегу“ и другимъ было идти? Къ эскадрѣ? Но тамъ продолжалась стрѣльба, временами мелькали свѣтъ прожекторовъ и насъ бы, принявъ за непріятеля, могли встрѣтить залпами, тѣмъ болѣе, что показать свои позывные огни было не чѣмъ,—они были перебиты—да въ горячкѣ и не повѣрили бы. Тѣмъ же была кромѣшная. На этомъ основаніи вѣроятно не пошли къ эскадрѣ ни „Свѣтлана“ съ „Алмазомъ“, ни „Д. Донской“ съ В. Мономахомъ, хотя послѣ потери адмиральскаго „Олега“ имъ никто не мѣшалъ это сдѣлать. „Жемчугъ“ же даже совсѣмъ никогда не числился у к.-а. Энкви-ста, а потому могъ свободно поступать какъ угодно, однако, тоже не оказался съ Небогатовымъ. Послѣдующія же обстоятельства, въ видѣ появленія атакующихъ миноносцевъ съ лѣвой стороны, еще болѣе удалили насъ отъ эскадры, заставляя каждый разъ подставлять имъ корму и тѣмъ отворачиваться вправо, къ Западу.

Остается еще такой вопросъ: правильно ли крейсеръ „Олегу“ сдѣлалъ, что уходя отъ атаки миноносцевъ на Югъ, не держался эскадреннаго хода, т. е. 13½ узловъ. Если-бы было настолько свѣтло, что могли быть видны какія либо наши суда, то большой ходъ крейсера былъ-бы не только неправиленъ, но столь же преступенъ, какъ если-бы онъ, пользуясь своею скоростью, ушелъ-бы отъ эскадры еще днемъ. Развѣ не могъ онъ этого сдѣлать, хотя бы подъ предлогами новаго поврежденія въ цилиндрѣ, пробойнѣ въ корпусѣ и большой массы воды, проникшей въ него? Конечно, могъ-бы, но не сдѣлать! Не сдѣлать-бы этого и ночью,

если бы знать, что онъ кому нибудь нуженъ и кому нибудь можетъ быть полезенъ.

Вотъ если бы, идя темной ночью отрядомъ безъ всякихъ огней, мы могли-бы помогать и охранять другъ друга, то это было-бы совсѣмъ другое дѣло и тогда намѣренный уходъ кого либо былъ бы одинаково преступень, какъ и днемъ. Но такъ какъ оказать этой помощи или держать такой ходъ, чтобы продолжать быть всѣмъ вмѣстѣ, никакъ было невозможно уже по одному тому, что нельзя было разсмотрѣть: кому потребовалась-бы помощь и по какому судну надо было собразовать свою скорость, — то поступокъ контръ-адмирала Энkvиста нельзя не считать совершенно правильнымъ и совершенно разумнымъ. Это вполнѣ и подтвердилось участіемъ взорваннаго „В. Мономаха“, оставленнаго, но, конечно, не намѣренно, своимъ товарищемъ „Д. Донскимъ“, участіемъ „Свѣтланы“, будто-бы брошенной яхтой „Алмазъ“, участіемъ „Сисоя Великаго“, „Наварина“, „Ад. Нахимовъ“ и „Ад. Ушакова“. брошенными, послѣ взрывовъ минъ или послѣ поврежденій, судами съ равною съ ними скоростью. Да что ночью! Не происходило-ли тоже самое и днемъ, судя по „Суворову“, „Александрѣ III“, „Уралу“ и т. д.? Можно-ли поступать въ сраженіяхъ иначе, пусть рѣшаютъ любители, но во всякомъ случаѣ не тѣ, которые никогда ихъ не видѣли? Однако — скажутъ нѣкоторые упрямцы, — лучше-бы было Энkvисту не прибавлять все-таки ходу болѣе 13½ узловъ! Да конечно — отвѣтимъ мы, — чтобы благодаря тому вѣрнѣе и лучше быть взорваннымъ и потомъ брошеннымъ, какъ прочія суда! Отличное средство! Кромѣ того пусть заодно укажутъ еще способъ, какъ быстро найти эту скорость, когда освѣщать лаги нельзя, а самъ крейсеръ углубился, отъ влившейся въ него воды, на нѣсколько футъ ниже своей обыкновенной осадки. Мы вѣдь сами не знали, какою идемъ

скоростью, но во всякомъ случаѣ не самою полною, иначе „Аврорѣ“ было-бы за нами не поспѣть, такъ какъ нашъ конструктивный ходъ превышалъ ее на 2½ узла.

Когда крейсера „Олегъ“ и „Аврора“ прошли къ Югу миль на 20 и отдѣлались отъ японскихъ миноносцевъ, то адм. Энkvистъ повернулъ опять къ Сѣверу, но вслѣдствіе начавшихся встрѣчъ съ миноносцами, а главное ненадежности механизмовъ „Олега“ (текъ холодильникъ, лопались трубки въ котлахъ и просочился паръ въ рубашку цилиндра высокаго давленія) не рѣшился превратить крейсеръ въ дешевый трофей Японцевъ и повернулъ опять къ Югу. Къ этому рѣшенію склонили адмирала еще слѣдующія соображенія: никто при пораженіяхъ не отступаетъ на врага, а всегда отъ него, такъ какъ не трудно было догадаться, что Японцы будутъ ждать насъ на Сѣверѣ; что если мы не могли пробиться во Владивостокъ всѣмъ флотомъ, то частью его конечно не удастся этого сдѣлать; что Владивостокъ уже отрѣзанъ съ суши (былъ такой слухъ еще въ Тонкинѣ отъ самого Начальника эскадры) и потому бесполезно туда идти намъ, когда навѣрно всѣ остальные суда пошли къ Шанхаю, какъ это можно было понять изъ поворота эскадры и мин. „Буйнаго“ съ Рождественскимъ въ концѣ сраженія и какъ это отчасти согласовалось съ секретной инструкціей, имѣвшейся у Энkvиста. А такъ какъ къ тому же въ приказѣ командующаго эскадрой значилось, что достиженіе Владивостока возможно только соединенными силами, а ихъ послѣ гибели лучшихъ нашихъ броненосцевъ не оказалось, то движеніе на Югъ казалось болѣе правильнымъ, чѣмъ плаваніе на Сѣверъ.

Однако, противъ всѣхъ этихъ логическихъ разсужденій стояло соблазнительное желаніе совершить подвигъ, почему к.-а. Энkvистъ хотѣлъ пройти во Владивостокъ западнымъ Корейскимъ проливомъ, но этому

помѣшали неточное знаніе своего мѣста счисленія и рядъ судовъ вправо отъ насъ двигающихся не тише насъ, въ которыхъ мы предположили японскіе крейсера, исчезнувшіе съ поля сраженія еще передъ темнотою. Отклонившись отъ нихъ влѣво, вскорѣ потеряли ихъ.

На слѣдующій день утромъ адмиралъ, мучимый сомнѣніями въ правильности своего поступка, хотѣлъ было снова пойти во Владивостокъ, но передумалъ, не надѣясь на машины и боясь, что для самаго полного хода можетъ не хватить угля въ одной изъ кочегарокъ и тогда придется уже идти не подъ всеми котлами и слѣдовательно сдѣлаться обязательной жертвой японскихъ броненосныхъ крейсеровъ, ходъ которыхъ всегда превышалъ скорость „Олега“ узла на два.

15-го мая утромъ мы застопорили машины, чтобы выждать нашу эскадру, задѣлать пробоины, похоронить мертвыхъ и переѣхать адмиралу на крейсеръ „Аврора“, гдѣ былъ убитъ командиръ, капитанъ 1 ранга Егорьевъ.

За время выжиданія, натолкнулся на насъ буксирный пароходъ „Свирь“, везшій въ Шанхай часть команды и офицеровъ, спасенныхъ имъ съ „Урала“; потомъ позже прошелъ мимо англійскій пассажирскій пароходъ изъ Шанхая въ Нагасаки „Rand O“ и наконецъ мы разглядѣли черезъ прояснившуюся на короткое время туманность далеко на Югѣ, какъ-бы силуэты цѣлаго отряда судовъ, изъ за которыхъ у насъ даже вышелъ споръ: кто бы это были: Японцы, Русскіе или только миражъ? Боясь изъ за нехватки угля гнаться за невѣрнымъ, за призракомъ, который могъ только намъ померещиться и не желая идти въ Шанхай, гдѣ бы намъ пришлось обязательно разоружиться, к.-а. Энквистъ рѣшилъ направиться въ Манилу въ надеждѣ получить тамъ, подобно крейсеру „Лена“ въ С.-Франциско, разрѣшеніе принять уголь, поправиться и потомъ идти, куда прикажутъ изъ министерства. Такъ и сдѣлали.

Подходя къ сѣверному берегу о-ва Люцона, увидали на встрѣчномъ нѣмецкомъ пароходѣ сигналъ: „Видѣли въ такой то широтѣ и долготѣ русскій крейсеръ по названію самой большой рѣки въ Россіи“. Мы догадались, что рѣчь шла о „Днѣпрѣ“ и что добрый нѣмецъ, издали принявъ наши три судна за Японскіе, хотѣлъ услужить имъ. Мы поблагодарили за усердіе и поплы дальше, не имѣя возможности по недостатку угля пройти къ „Днѣпру“.

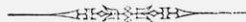
Не доходя миль ста до Манилы, разглядѣли на горизонтѣ 5-ть военныхъ кораблей и предположивъ въ нихъ Японцевъ, приготовились къ бою, но вскорѣ разбузнали Американскую эскадру, съ которой обмѣнялись салютомъ и получили отвѣтъ равнымъ числомъ выстрѣловъ.

Угля на крейсерахъ „Олегъ“ и „Жемчугъ“ оставалось только-только и засвѣжѣй погода или явились бы обстоятельства, заставлявшія прибавить котловъ, то намъ пришлось-бы остаться безъ движенія среди моря и можетъ быть погибнуть отъ жажды. Кромѣ того задуй штормъ и тогда на „Олегъ“ сорвало-бы задѣлки на пробоинахъ и онъ навѣрно затонулъ-бы. Ожиданіе всего этого сдѣлало нашъ путь въ Манилу не менѣе пріятнымъ, чѣмъ любое сраженіе.

По приходѣ въ Манилу, насъ немедленно осмотрѣла Портовая американская коммисія и нашла, что „Олегу“ нужно для самаго поверхностнаго исправленія 6 недѣль, „Аврорѣ“—3 недѣли и „Жемчугу“—2 недѣли. Послѣ того каждое судно должно немедленно покинуть портъ или же въ въ противномъ случаѣ разоружиться.¹

Когда мы только что приступили къ работамъ, а главное сняли для исправленія нѣкоторыя важныя части машинъ, какъ вдругъ пришло изъ Вашингтона новое рѣшеніе:—„Въ продолженіи сутокъ принять уголь и все необходимое для плаванія и уходить, иначе мы будемъ

интернированы“. Ничего подобного намъ не успѣть было сдѣлать даже въ трое сутокъ, а не только въ одни, посему, съ соизволенія Государя Императора, пришлось покориться новому безцеремонному рѣшенію Международнаго Права Президентомъ С.-Американской республики Рузвельтомъ.

Еще нѣкоторыя частности къ Цусимскому сраженію. *)

1) Особой перегрузки судовъ къ моменту боя, судя по „Олегу“, по моему мнѣнію не было, такъ какъ крейсеръ имѣлъ приблизительно 900 тоннъ угля (200 тоннъ меньше нормальнаго запаса) и 400 тоннъ прѣсной воды (200 тоннъ больше), вмѣсто 1530 тоннъ угля и 530 тоннъ воды, которые онъ принималъ обыкновенно въ эскадрѣ Рождественскаго и при которыхъ осадка крейсера достигала 24' 7" носомъ и 24' кормою. (Грузовая по чертежу всего 20' 6"). Слѣдовательно, не доставало до сверхъестественнаго груза 560 тоннъ, что даетъ углубленія 1' 9". Точно же знать углубленіе крейсера въ морѣ, особенно при волнѣ, было нельзя, потому что на нашихъ судахъ не ставятъ внутреннихъ трубокъ съ поплавками, а это безусловно необходимо.

Лично же я очень сожалѣю, что крейсеръ не имѣлъ побольше угля, потому что во время сраженія, вслѣдствіе пробоинъ въ дымовыхъ трубахъ, у него вышло чрезвычайно много угля, почему мы не могли пройти во Владивостокъ кругомъ Японіи или во всякомъ случаѣ въ Сайгонъ. Едва добрали и до Манилы, рискуя въ случаѣ ухудшенія погоды или появленія судовъ на горизонтѣ, остаться вовсе безъ угля въ Океанѣ и погибнуть отъ недостатка опрѣсненной воды. Ни съ ка-

*) *Примѣчаніе.* Печатаю это, какъ память о прошломъ, въ полной увѣренности, что эскадренныхъ боевъ у насъ больше не будетъ.

кимъ сраженіемъ нельзя сравнить тѣ муки воображенія, которое рисовало намъ картину смерти людей отъ жажды.

2) Относительно пожаровъ надо сказать, что на большинствѣ нашихъ кораблей они были и горѣли главнымъ образомъ: ростры, деревянные шлюпки, бортовые щиты, обмундированіе, мука, крупа, сухари, чай, сахаръ, лежащее вѣдѣдствіе избытка запасовъ выше воды и эти пожары особенно были опасны ночью, когда миноносцы, благодаря дальности новыхъ минъ, могли стрѣлять на огонь, не выдавая себя. Никакихъ мѣръ въ предупрежденіе пожаровъ не было объявлено ни по эскадрѣ, ни по отрядамъ, всякій командиръ вырабатывалъ ихъ самъ. Я, напримѣръ, привязалъ все дерево снаружи борта, шлюпки наполнилъ не водою, — она бы вытекла отъ пробоинъ, — а мокрыми угольными мѣшками; все горючее, включая пластыри и кабельтовы, приказалъ убрать подъ броневую палубу и у меня на крейсере, кромѣ двухъ разъ въ кюйтъ-каморѣ большихъ пожаровъ не было, хотя крейсеръ, какъ флагманскій и головной, получилъ снарядовъ гораздо больше, чѣмъ все остальные крейсера вѣстѣ.

3) Относительно способовъ заделки пробоинъ, способовъ или таблицъ для выравниванія крена и для пониженія центра тяжести посредствомъ затопленія тѣхъ или другихъ отсековъ, тоже не было объявлено въ приказахъ, хотя корабельныхъ инженеровъ на эскадрѣ было достаточно. На крейсере все это было сдѣлано и благодаря тому онъ не опрокинулся, хотя былъ неустойчивъ и имѣлъ 5 крупныхъ отсековъ выше броневой палубы залитыми водою. На случай же потопленія или перевертыванія крейсера (больше всего этого ожидалось), у верхней команды были надѣты пробковые матрацы и повсюду разложены остропленные деревянные буйки и пустые жестянки отъ масла.

4) Въ предупрежденіе паденія рангоута, порчи руля, машинныхъ телеграфовъ, переговорныхъ трубъ, компасовъ тоже ничего не было объявлено по эскадрѣ или по отрядамъ. Для переговоровъ съ машиной я снялъ изъ буфета номерные звонки и поставилъ ихъ туда; кромѣ того проложилъ еще переговорную трубу изъ вентиляціонныхъ, парусинныхъ рукавовъ. На рангоутъ завелъ много добавочныхъ снастей и хотя гротъ-мачта и фокъ-стенгъ были подбиты, но не упали. Положимъ, не было качки. Надъ рулевой машиной по броневой палубѣ были настланы цѣпи. Все незащищенные компасы, навигаціонныя карты и книги были убраны подъ броню.

5) Управлять стрѣльбою изъ орудій посредствомъ циферблатовъ или ординарцевъ совершенно невозможно, — все перебивается и избивается. Правильнѣе всего имѣть дальномѣры у каждаго двухъ пушекъ, а самое лучшее дѣйствовать, какъ Японцы, ставя попеременно на всей эскадрѣ, согласно скорости хода, заранее условленные углы возвышеній орудій. Наша эскадра этого не поняла и держала ровный ходъ, мы же иногда мѣняли его и, благодаря этому, команда и крейсеръ избавились отъ множества попаданій, потому что не разъ бывало такъ: остановишь или уменьшишь сразу ходъ и передъ носомъ море взобьется фонтанами отъ упавшихъ снарядовъ, или дашь сразу полный ходъ и тоже самое произойдетъ за кормою. Для уменьшенія убиты людей: прислуга мелкихъ орудій и нестрѣляющаго борта пряталась за броню и кромѣ того повсюду были повѣшены свободно качающіеся траверзы изъ мокрыхъ коекъ и чемодановъ, которые превосходно защищали людей отъ осколковъ снарядовъ. Вѣдѣдствіе всего этого у меня на крейсере оказалось убитыми всего 13 человекъ и ранеными 35 человекъ.

6) Отражать темною ночью минныя атаки посред-

ствомъ артиллеріи совершенно невозможно, такъ какъ миноносцы появляются слишкомъ неожиданно и слишкомъ близко къ борту, при томъ, вследствие большой скорости хода, на одно мгновенье. По случаю дальности минъ свѣтитъ прожекторами или имѣть какіе нибудь огни тоже никакъ нельзя. Остается только очень быстрый ходъ и частое переключиваніе руля, что мы и дѣлали и что спасло крейсеръ отъ попаданія минъ, кромѣ одной, поверхностной и то спорной — снарядъ это или взрывъ мины? Сколько ихъ было выпущено по насъ — трудно сказать, но команда часто кричала: „миноносецъ справа, слѣва, подъ носомъ, у кормы“!

7) Сигнализировать днемъ флагами, да еще ждать отвѣтовъ или репетованій совершенно невозможно, такъ какъ, во первыхъ, въ разгарѣ сраженія и новизны впечатлѣній очень долго на флаги не обращаютъ вниманія, а во вторыхъ у большинства судовъ фалы и сигнальные ящики перебиваются. Сѣтки отъ беспроводныхъ телеграфовъ тоже самое, да при выстрѣлахъ аппараты на крейсерахъ и не работаютъ.

Я привезъ на эскадру англійскія ракеты, которые страшно громко лопаются въ воздухѣ, но ихъ не испытывали, да при томъ при громѣ выстрѣловъ изъ орудій и адскаго треска отъ рвущихся снарядовъ этихъ ракетъ, пожалуй, не было бы слышно. Между тѣмъ для внезапныхъ переменъ хода эскадры и для поворота всѣмъ вдругъ на извѣстное число румбовъ въ ту или другую сторону необходимъ какой нибудь удобный, всѣмъ видимый и слышимый сигналъ. На крейсерѣ „Олегъ“ уже къ концу дня вся сигнальная часть была разрушена, почему меня удивляютъ увѣренія нѣкоторыхъ крейсеровъ, что адмиралъ Энkvистъ поднималъ къ концу дня сигналъ: „Слѣдовать за мною“. Этого не было и если говорить, то только по забывчивости, потому что всякая запись у нихъ пропала. Кромѣ того для одной

„Авроры“, только и оставшейся подъ начальствомъ Энkvиста, совсѣмъ незачѣмъ было поднимать — достаточно было и семафоровъ.

8) Сигналъ о передачѣ командованія эскадрой контръ-адмиралу Небогатову мы замѣтили въ 6 часовъ, но собственно говоря его можно было и не дѣлать, такъ какъ послѣ перваго часа сраженія уже ясно было видно, — къ кому перешло начальствованіе, — однако „Николай I“ ни самъ не выходилъ впередъ и не мѣшалъ подымать головнымъ броненосцамъ удивительный сигналъ: „курсъ NO 23°, ходъ 9 узловъ“ — который они, кромѣ хода, выполнить никакъ не могли изъ за страшнаго огня непріятеля. Мнѣ представлялось даже, что Небогатовъ тоже убитъ и я совѣтовалъ своему адмиралу принять власть на себя и приказать миннымъ крейсерамъ „Жемчугу“ и „Изумруду“, а также нашимъ миноносцамъ разогнать японскіе миноносцы, но к.-а. Энkvистъ сказалъ, что у него нѣтъ на это права. Въ 7-мъ часу мы замѣтили идущій къ намъ миноносецъ „Буйный“ съ сигналомъ: „Адмиралъ на миноносцѣ“ и рѣшили, что онъ хочетъ пересѣсть къ намъ, для чего даже остановили машину и хотѣли спустить трапъ, но онъ прошелъ мимо, къ Югу. Кажется, отъ него мы и узнали, что адмир. Рождественскій раненъ и лежитъ безъ памяти. Поворотъ „Буйнаго“ на Югъ меня нѣсколько удивилъ, такъ какъ объ секретной инструкціи начальнику крейсеровъ я еще ничего не зналъ. Сигналовъ съ „Николая I“ мы никакихъ не видѣли.

9) Когда повернули на Сѣверъ крейсера „Д. Донской“, „В. Мономахъ“, яхты „Алмазъ“ и „Свѣтлана“ и поворачивали ли? — мы за темнотою не могли видѣть, при томъ предполагали, что всѣ идутъ къ Югу. Я даже совѣтовалъ адмиралу не уклоняться отъ принятаго на-правленія, чтобы, освободясь отъ минныхъ атакъ, оста-

новиться, выждать остальных суда и тогда уже по сговору пойти къ желаемому мѣсту.

10) Госпитальныя суда по правиламъ не могутъ не нести установленныхъ для нихъ отличительныхъ огней и не могутъ не быть окрашенными въ бѣлый цвѣтъ, но всѣмъ этимъ они выдають эскадру. Въ общемъ же, по моему мнѣнію, ни они, ни буксирные пароходы ожидаемой пользы для эскадры принести не могутъ, потому что, въ горячкѣ боя и дальности разстояній, они навѣрно при оказаніи помощи гибнущимъ кораблямъ будутъ разстрѣляны.

Командиръ крейсера I ранга „Олегъ“
капитанъ 1 ранга Л. Добротворскій.

1907 года.

ДО ВОЙНЫ.

ДО ВОЙНЫ.

Когда ночью 26-го Января 1904 года произошло нападеніе японскихъ миноносцевъ на нашъ флотъ, то оно могло бы повлечь полную его гибель, если бы только не произошла случайная путаница въ ихъ дѣйствіяхъ.

Это нападеніе сочлось нами за неожиданное и вѣроломное, хотя японцы уже отозвали своего посланника и открыто увезли изъ Портъ-Артура своихъ поданныхъ. Ясно, что послѣ этого ни объ какой неожиданности со стороны Японцевъ не могло быть никакой рѣчи, да оно не могло быть и по слѣдующимъ еще причинамъ. Въ нашей Морской Академіи, слушателями ея, офицерами, два раза разрабатывался въ присутствіи видныхъ представителей Академіи Генеральнаго Штаба и Морского Вѣдомства планъ войны съ Японіей и послѣдній разъ за время зимы 1902—1903 года т. е. за годъ до открытія военныхъ дѣйствій.

Еслибы адмиралъ Алексѣевъ и его Начальникъ Штаба контръ-адмиралъ Витгефтъ добросовѣстно прониклись бы сознаніемъ той великой отвѣтственности, которую они брали на себя передъ своимъ Государемъ и всей Россіей, то они не рѣшились бы не обратить вниманія на самую главную часть своего управленія—на безопасность ввѣреннаго имъ края—и съ большимъ интересомъ прочли бы все касающееся возможной войны съ Японіей. Особенно имъ необходимо было проштудировать планъ кампаніи, разработанной слушателями Военно-Морской Академіи за зиму 1902—1903 годовъ, относящійся къ предполагаемой войнѣ

съ Японіей въ 1905 году и разработанный настолько подробно и точно, что въ немъ они могли бы почерпнуть не только приказы и телеграммы относящіеся къ войнѣ, но и всѣ случившіеся потомъ дѣйствія Японцевъ. Къ великому несчастію Россіи наши адмиралы—по старости ли лѣтъ или по ничѣмъ необъяснимому болѣзненному самолюбію—смотрѣли на всѣ подобныя занятія, младшихъ въ чинѣ ихъ офицеровъ, какъ на игру въ оловянные солдатики и настолько имъ не довѣряли и даже пренебрегали, что напримѣръ контръ-адмираль Виттефть, будучи въ то время по служебнымъ и частнымъ дѣламъ въ Петербургѣ, ни разу не счелъ нужнымъ зайти въ Академію поинтересоваться ходомъ занятій. Что-же удивительнаго послѣ того, если ни онъ, ни его начальникъ не заглянули даже въ эти труды, не развернули тѣхъ страницъ, на которыхъ давался имъ въ руки готовый выходъ иль стояло крупными буквами: „мани, факель фаресъ“.

И вотъ въ результатѣ рядъ промаховъ, недосмотровъ и распоряженій въ буквальномъ смыслѣ способствовавшихъ легчайшей побѣдѣ Японцевъ надъ нами! Чѣмъ напримѣръ, можно объяснить: раздѣленіе флота на двѣ части, разбросъ хорошихъ судовъ по станціямъ, сосредоточеніе главнаго ядра въ неготовомъ, какъ база, Портъ-Артурѣ, выводъ флота на внѣшній рейдъ, послѣ отозванія пословъ, съ запрещеніемъ принять ему обыкновенныя мѣры предосторожности, требуемыя Морскимъ Уставомъ, неукрѣпленіе важной Кинжоуской позиціи, оставленіе беззащитными сосѣднихъ съ Портъ-Артуромъ бухтъ, отсутствіе распоряженій по эвакуированіи г. Дальняго, отсутствіе защиты въ такихъ мѣстахъ г. Владивостока и Портъ-Артура, откуда легко можно было бомбардировать эти города, согласіе на отсылку въ Россію за годъ до войны двухъ броненосцевъ и трехъ крейсеровъ и т. д. и т. д?

Въ доказательство всего этого приведу выдержки изъ работъ слушателей Военно-Морской Академіи, частью уже появлявшихся въ повременной печати. Прочти ихъ заблаговременно Алексѣевъ и прими рекомендуемыя ими, вполне доказанныя мѣры, то вѣрнѣе всего не было бы войны, а еслибы она и разразилась, то едва ли сошла такъ благополучно Японцамъ, какъ это случилось въ дѣйствительности. Хорошо еще, что эти труды не дошли до Японцевъ, а то бы Портъ-Артура и флота не стало бы въ нѣсколько часовъ.

КРАТКАЯ ВЫДЕРЖКА

изъ Японскаго плана кампаніи на 1905 годъ *).

(составленнаго капитаномъ 1 ранга Дриженко 1, главнокомандующимъ японской партіей, на занятіяхъ бывшихъ въ Морской Академіи въ 1902—1903 годахъ).

„Въ началѣ настоящей войны русскій флотъ находится въ Портъ-Артурѣ, исключая 4-хъ крейсеровъ стоящихъ во Владивостокѣ. Японскій флотъ находится въ портахъ, какъ показано въ росписаніи, и пользуется преимуществомъ большей боевой готовности сравнительно съ русскимъ флотомъ. Послѣ соединенія, флотъ слѣдуетъ къ Портъ-Артуру. Придя туда флотъ атакуетъ русскія суда стоящія на внѣшнемъ рейдѣ, стараясь въ артиллерійскомъ бою уничтожить крейсера и миноносцы, какъ наиболѣе уязвимыя суда. Въ случаѣ успѣха этой атаки флотъ устанавливаетъ блокаду Портъ-Артура, ставитъ передъ входомъ во внутренній рейдъ *минное загражденіе и заграждаетъ проходъ затопленіемъ въ узкости одного или двухъ большихъ пароходовъ нагруженныхъ камнемъ*“....

Этой выдержки достаточно, чтобы знать, что ожидало нашъ флотъ при базированіи его на Портъ-Артуръ.

*) Примѣчаніе. Таковъ былъ фантастическій годъ заданія.

Перейду къ слѣдующему плану, составлявшемуся конечно секретно отъ перваго.

КРАТКАЯ ВЫДЕРЖКА

изъ Русскаго плана кампаніи на 1905 годъ *),

(составленнаго капитаномъ 1 ранга Доброворскимъ, Главнокомандующимъ русской партіей, на занятіяхъ бывшихъ въ Морской Академіи въ 1902—1903 годахъ).

„Нашъ флотъ, будучи по силѣ слабѣ японскаго, не можетъ рисковать собою до тѣхъ поръ, пока не усилятся мѣстныя войска подкрѣпленіями изъ Россіи, такъ какъ *въ случаѣ пораженія его, Японцы безпрепятственно перевезутъ къ намъ всю свою полумилліонную армію* и, взявъ Владивостокъ съ Портъ-Артуромъ, завладѣютъ не только Сахалиномъ, Камчаткой, Приморской областью, Амуромъ, Манджуріей, но и частью Сибири (такъ и случилось бы,—скажемъ мы—если бы Японцы въ началѣ войны дѣйствовали бы по энергичнѣе, а въ концѣ ея не надали бы на нее Американцы и Французы).

На этомъ основаніи, пока наши войска на обоихъ театрахъ войны *не будутъ доведены до трехъ сотъ тысячъ человекъ*, до тѣхъ поръ нашъ флотъ долженъ держаться строго оборонительнаго положенія.

Если послѣ этого онъ, вступивъ въ битву, и потерпитъ пораженіе, то это отразится на Японцахъ только тѣмъ, что въ случаѣ неудачъ на сушѣ, они спокойно переѣдутъ на свои острова. Если же нашъ флотъ побѣдитъ, то японскимъ арміямъ, вслѣдствіе прекращенія подвоза къ нимъ моремъ боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ, придется погибнуть даже безъ активнаго участія нашихъ войскъ.

А такъ какъ въ ихъ исторіи уже случались подобныя происшествія, надолго подрывавшія силы Японіи.

*) Примѣчаніе. Таковъ былъ фантастическій годъ заданія.

то надо думать, что пока нашъ флотъ будетъ существовать, до тѣхъ поръ Японцы не рѣшатся везти свои десанты и потому намъ слѣдуетъ позаботиться только о такой позиціи для ядра флота, которая не лишала бы его свободы дѣйствій и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечила бы время для соотвѣтствующаго усиленія мѣстныхъ войскъ.

Портъ-Артуръ для этого совсѣмъ не годится. Владивостокъ былъ бы самымъ лучшимъ мѣстомъ, но въ него теперь, когда началась война, трудно пройти безъ того чтобы не вовлечь себя въ сраженіе съ Японцами. Остается единственное мѣсто г. Дальній“. (Г. Дальній еще не былъ готовъ въ 1904 году, а потому нашъ флотъ долженъ былъ все время держаться только Владивостока).

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

изъ объяснительной записки капитана 1 ранга Доброворскаго къ предполагаемой войнѣ съ Японіей въ 1905 году.

Раньше чѣмъ остановиться на томъ или другомъ планѣ кампаніи для русскихъ, мы должны разобрать всѣ элементы, касающіеся насъ и Японіи.

Русскій флотъ по суммѣ боевыхъ коефициентовъ слабѣ японскаго, а такъ какъ четыре крейсера I ранга находятся во Владивостокѣ, откуда пробраться имъ въ Портъ-Артуръ очень трудно, то слѣдуетъ считать его и *гораздо слабѣе*. *)

Кромѣ того нашъ флотъ, вслѣдствіе недавняго пополненія его новыми судами изъ Россіи, а главное, вслѣдствіе принятой нами системы содержанія части его въ вооруженномъ резервѣ, представляетъ изъ себя не стройное цѣлое, а не болѣе не мнѣе какъ стадо, не приученное ни маневрами, ни эволюціями къ стройнымъ, искусственнымъ дѣйствіямъ. У японцевъ же наоборотъ—флотъ

*) Примѣчаніе. Примѣняясь къ дѣйствительности, а не къ однимъ боевымъ коефициентамъ судовъ.

организованъ уже два года и за это время частыми упражненіями въ томъ и другомъ, онъ достигъ въ достаточной степени той готовности, которая требуется для боевыхъ дѣйствій.

Относительно личного состава обоихъ флотовъ надо сказать слѣдующее:

Замѣна запасныхъ нижнихъ чиновъ новобранцами, у насъ закончилась къ новому году, а специалистами къ концу Января, но послѣднихъ привезено изъ Россіи недостаточно, а потому ихъ обязанности выполняются учениками и подручными, а тѣхъ въ свою очередь — неподготовленными новобранцами.

Машинная команда, вслѣдствіе перехода порядочной части кочегаровъ въ машинисты, а простыхъ матросовъ и новобранцевъ въ кочегары, еще не успѣла, по неимѣнію ходовой практики, привыкнуть къ своимъ труднымъ обязанностямъ, да на то нѣтъ и надежды, потому что наши суда преимущественно стоятъ на якорѣ.

Курсъ артиллерійской и минной стрѣльбы на нѣкоторыхъ судахъ еще не начинался, а на другихъ не законченъ. Стрѣльбы же цѣлымъ флотомъ совсѣмъ еще не было. Строевые квартирмейстеры очень плохи и ихъ повсюду не хватаетъ.

Артиллерійскіе, минные, машинные квартирмейстеры въ большинствѣ случаевъ очень хороши, но ихъ тоже большая нехватка.

Въ офицерахъ и механикахъ тоже большой недостатокъ, и кромѣ того многіе изъ нихъ только что вступили въ отправленіе своихъ обязанностей.

Вмѣсто опытныхъ вахтенныхъ начальниковъ стоятъ вахту совсѣмъ юные мичмана.

Нѣкоторые изъ командировъ и старшихъ офицеровъ только что пріѣхали и совершенно не знаютъ ни командъ, ни своихъ судовъ.

Командиры, офицеры и команды большинства мино-

носцевъ никогда на нихъ не плавали и потому разсчитывать на нихъ пока нельзя.

Словомъ, — нашъ флотъ, изъ за опасной экономіи, еще не организованъ, не обученъ, не напрактикованъ и съ нимъ активныя дѣйствія предпринимать бесполезно.

Японская команда вся грамотна, всѣ одного языка, одной національности и хорошо подготовлена, какъ въ школахъ, такъ и службой на военныхъ и многочисленныхъ коммерческихъ судахъ. Японцы не гонятся ни за ростомъ, ни за объемомъ груди, а принимаютъ во флотъ тѣхъ, которые требуются, начиная съ 17-лѣтняго возраста. Такихъ охотниковъ сразу распредѣляютъ по соответствующимъ школамъ и послѣ того уже назначаютъ на суда. Нижніе чины очень дорожатъ службой, потому что имѣютъ право по окончаніи ея держать экзаменъ на офицера или переходить на маленькую пенсію. Охотниковъ во флотъ такъ много, что Японцы послѣдніе года совсѣмъ перестали брать по общей воинской повинности съ 4-хъ лѣтней обязательной службой и предпочитаютъ однихъ добровольцевъ, которыхъ, не смотря, на 8-ми лѣтній срокъ службы, является въ пять разъ больше, чѣмъ нужно. Всѣ нижніе чины въ каждомъ званіи и въ каждой спеціальности дѣлятся на три класса и изъ степени въ степень повышаются по экзамену, по старательности и по поведенію. Переходъ изъ класса въ классъ вознаграждается прибавкой жалованья и внѣшними мелкими отличіями.

Связь между командой и офицерами самая тѣсная и вся основана на взаимныхъ интересахъ и полномъ уваженіи другъ къ другу. Дисциплина, кропотливая старательность и аккуратность къ службѣ въ характерѣ японцевъ и потому поддерживаются безъ особыхъ мѣръ строгости.

Недостатокъ въ офицерахъ и механикахъ такой же, какъ у насъ, но при множествѣ старослужащихъ ниж-

нихъ чиновъ это не особенно чувствительно, и кромѣ того наличный составъ офицеровъ очень хорошаго качества, такъ какъ вслѣдствіе громадной конкуренціи (1 на 15) при поступленіи въ Морское училище, (у насъ 1 на 0) они представляютъ изъ себя лучшій и самый способный элементъ страны. Строгія же правила и очень суровая школа воспитанія, доходящая до того, что мичмановъ вплоть до лейтенантовъ держать на положеніи унтеръ-офицеровъ и не позволяютъ спать иначе, какъ въ палубахъ на матросскихъ койкахъ, еще болѣе способствуютъ выработкѣ очень хорошихъ офицеровъ.

Хотя командировъ и старшихъ офицеровъ мѣняютъ на судахъ не рѣже нашего, но Японскій штабъ старается, на сколько возможно, дѣлать это такъ, чтобы сохранять преимущество въ назначеніяхъ какъ по судамъ, такъ и по обязанностямъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они даже повторяютъ назначенія между тѣми же двумя лицами.

Изъ всего этого видно, что хотя „нападеніе есть лучшая защита“, но нельзя нападать, если къ тому въ мирное время не желали подготовиться.

Соотношеніе нашихъ и японскихъ сухопутныхъ силъ.

Въ Благовѣщенскѣ 2500 чел. при 8-ми орудіяхъ; охрана желѣзной дороги отъ станціи Манджурія до Портъ-Артура 18000 чел. въ маленькихъ пикетахъ; въ Мукденскомъ районѣ 10500 чел. при 30 орудіяхъ, въ Харбинѣ 2000 чел. при 8-ми орудіяхъ.

Въ Портъ-Артурскомъ районѣ 11500 чел. при 30-ти орудіяхъ. Всего на западномъ театрѣ войны 47500 чел. при 76 орудіяхъ.

Въ Николаевскѣ 1500 чел.

Въ Хабаровскѣ 4500 чел.

Въ окрестностяхъ Никольскаго—очень кучно 16500 чел. при 38 орудіяхъ. Близъ Посыета 11500 чел. при 24 орудіяхъ.

Постоянный гарнизонъ во Владивостокѣ 9000 чел.

Всего на Восточномъ театрѣ войны 43000 чел. при 62 орудіяхъ.

На 26-й день будетъ мобилизованъ Забайкальскій резервъ въ 26000 чел. при 12 конныхъ орудіяхъ.

На 30-й день, къ Харбину могутъ подвозиться изъ Европейской Россіи войска на 2½ паряхъ поѣздовъ по 2000 чел. въ день.

Японская армія по мирному времени состоитъ изъ 8055 офицеровъ, 18493 унтеръ-офицеровъ и 133595 рядовыхъ, а всего изъ 160593 человека.

Провизіи на каждаго человека отпускается на 2 дня; телѣжки при полкахъ везутъ на 2 дня; телѣжки при дивизіяхъ на 4 дня. Всего же берутъ съ собой на 8 дней.

Пантонные мосты длиною 144 метра.

Вся Японская армія мобилизуется на 36-й день и по военному времени состоитъ изъ 519996 чел. и 101000 лошадей въ составѣ 364 пѣхотныхъ батальоновъ, 119 эскадроновъ, 228 баттарей (1368 орудій) 133 роты крѣпостной артиллеріи.

По новымъ же законамъ численность арміи будетъ доведена до 633415 чел. и 13084 лошадей. Офицеровъ 14036 чел. унтеръ-офицеровъ 45880 чел. рядовыхъ 573494 чел.

Мѣста расположенія и сосредоточенія японскихъ войскъ, вслѣдствіе короткихъ разстояній, густой сѣти желѣзныхъ дорогъ, большого коммерческаго флота и множества портовъ, не имѣютъ сколько нибудь существеннаго значенія. Слѣдуетъ отмѣтить только, что на

островѣ Формозѣ находятся: 11 бат. пѣхоты, 3 эскадрона кавалеріи, 9 баттарей горной артиллеріи (3 дивизіона), 2 роты крѣпостной артиллеріи и 3 роты инженерныхъ войскъ (саперъ). На островахъ Цусимы находятся: 1 батальонъ пѣхоты, 1 горная батарея и эскадронъ кавалеріи.

Хотя численное превосходство японскихъ войскъ противъ нашихъ мѣстныхъ и громадно, но это для насъ не имѣетъ никакого значенія, пока Японія не разобьетъ нашего флота и не получитъ полной свободы для перевозки своихъ десантовъ къ намъ. Еще близость Кореи къ Японіи какъ будто и можетъ соблазнить ее на перевозку войскъ туда, но это для насъ тоже не страшно, а въ случаѣ морской побѣды даже очень выгодно, такъ какъ дастъ тѣже результаты что Китаю и Корее, когда они воевали противъ императора Тайко отъ 1592 года до 1599 годовъ, т. е. полное обезиленіе Японіи.

Совсѣмъ другое дѣло будетъ, если Японія начнетъ войну съ нами при помощи Англіи, такъ какъ тогда намъ трудно будетъ устоять противъ союзнаго флота и всей Японской арміи и мы можемъ легко потерять не только все побережье, П.-Артуръ, Владивостокъ, но всю Восточную Сибирь съ Сахалиномъ и Камчаткой. не дай Богъ намъ такой напасти, *но нельзя отрицать, что Англія своимъ союзомъ съ Японіей сдѣлала наше положеніе на Востоку чрезвычайно опаснымъ, и кроме того этимъ союзомъ она крѣпко прикрыла себя и свою Индію, а за одно и Канаду противъ С.-Америки.*

Вся опасность нашего положенія и заключается въ томъ, что и флотъ нашъ недостаточно силенъ, чтобы быть увѣреннымъ въ побѣдѣ и войска малочисленны, чтобы противостоять нашествію японцевъ въ случаѣ

пораженія его. *Сосредоточеніемъ же флота въ Портъ-Артуръ и отдаленіемъ отъ него четырехъ крейсеровъ для Владивостока мы еще болѣе увеличили опасность своего положенія.* Содержаніемъ же части этого флота въ вооруженномъ резервѣ мы окончательно лишили себя всякой безопасности на случай быстрого, а тѣмъ болѣе неожиданнаго нападенія на насъ Японцевъ. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, имъ всего необходимѣе какъ можно скорѣе устранить нашъ флотъ по частямъ или въ цѣломъ, и для этого всѣ средства хороши, а самымъ лучшимъ надо принять — *внезапное нападеніе безъ предварительнаго объявленія войны.* При современномъ состояніи морского дѣла, флотъ, атакованный на якорѣ, можно считать безповоротно погибшимъ. А такъ какъ нашъ флотъ обыкновенно стоитъ на открытомъ рейдѣ П.-Артура или въ незащищенной бухтѣ Талиенвана, то при внезапномъ нападеніи, даже одними Японскими миноносцами нашихъ судовъ не будетъ въ продолженіи — нѣсколькихъ минутъ.

Если мы, послѣ каждаго передвиженія или ученія нашей эскадры, будемъ заставлять ее входить въ бассейнъ Портъ-Артура, *то это намъ тоже мало поможетъ, потому что въ узкомъ и мелкомъ выходѣ совсѣмъ не трудно намѣренно затопить нѣсколько пароходовъ* и тогда нашъ флотъ окажется надолго запертымъ.

Теперь откинемъ внезапность и посмотримъ, какъ намъ дѣйствовать, опираясь на Портъ-Артуръ. Во первыхъ въ немъ нѣтъ доковъ для большихъ судовъ, а это необходимо до и послѣ сраженія; во вторыхъ нѣтъ прѣсной воды; въ третьихъ имѣется всего одинъ узкій выходъ, благодаря чему приходится подставлять свои суда подъ выстрѣлы и подъ атаки миноносцевъ по очереди; въ четвертыхъ это обстоятельство позволяетъ держать непріятелю крѣпче блокаду и съ небольшими силами; въ пятыхъ, входить и выходить изъ Портъ-Артура большимъ судамъ можно только въ часы маны,

т. е. настолько короткое время, что больше чѣмъ пяти судамъ не поспѣтъ, а это можетъ повести при смѣлой атакѣ или погонѣ непріятеля къ большому несчастью, такъ какъ флотъ разъ выйдя, не посмѣетъ бросить часть своихъ товарищей для входа и не посмѣетъ выходить, чтобы не оставаться цѣлыхъ 12-ть часовъ въ виду непріятеля въ половинномъ числѣ.

Отсюда ясно, что ни въ Портъ-Артурѣ, ни на рейдѣ подъ его укрѣпленіями русскому флоту никакъ нельзя выжидать то время, которое требуется для подвоза нашихъ войскъ изъ Россіи, и ему для этого слѣдуетъ искать другого мѣста.

Городъ Дальній съ его мастерскими, доками и цѣнными сооруженіями на произволъ непріятеля бросать нельзя, *исключая сосредоточенія нашего флота во Владивостокъ*, настолько выгоднаго, что ради него свободно можно пренебречь Дальнимъ, такъ какъ во Владивостокѣ, благодаря туманамъ и двумъ выходамъ, очень трудно запереть нашъ флотъ японскими силами, и онъ всегда будетъ въ состояніи дѣйствовать по берегамъ Японіи и по сообщеніямъ въ случаѣ какихъ либо операцій противъ насъ....

Окончательный же выводъ изъ разбора войны съ Японіей такой:

1) Чтобы нанести существенный вредъ Японіи, мы должны имѣть флотъ втрое сильнѣе японскаго и десантъ, равный ея дѣйствующимъ войскамъ, т. е. не менѣе 500000 человекъ, да и то при гористой мѣстности успѣхъ будетъ очень затрудненъ.

2) Чтобы нанести экономическій вредъ Японіи посредствомъ блокады ея портовъ и уничтоженія торговли надо имѣть флотъ втрое сильнѣе японскаго и ни одного солдата, кромѣ слабыхъ гарнизоновъ на берегу.

3) Чтобы ограничиться только спокойнымъ обладаніемъ своихъ побережій, то достаточно флота вдвое

сильнѣе японскаго и кромѣ гарнизоновъ ни одного солдата на берегу....

Кромѣ этого плана кампаніи и объяснительной записки къ нему мною еще представлена была добавочная записка въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Привожу наиболѣе интересныя выдержки изъ нея съ сохраненіемъ номеровъ вопросовъ.

Анализъ предполагаемой войны съ Японіей.

1) Кому болѣе необходима война на Востокѣ: Россіи или Японіи и почему?

Японіи отъ тѣсноты и чтобы, вернувши мѣста своей родины т. е. озеро Ханки и долины р. Сунгари, сдѣлать Японское море своимъ внутреннимъ моремъ.

3) Что потеряетъ Японія въ случаѣ пораженія?

Материкъ и временное распространеніе по немъ.

5) Что потеряетъ Россія въ случаѣ пораженія?

Портъ-Артуръ, Владивостокъ, часть Восточной Сибири и Манджурію.

6) Чѣмъ мы рискуемъ, если нашъ флотъ будетъ разбитъ въ самомъ началѣ войны?

Потерей Владивостока или Портъ-Артура съ прилегающими къ нимъ мѣстностями.

9) Чѣмъ рискуетъ Японія, если ея флотъ будетъ разбитъ въ первый періодъ войны?

Ничѣмъ, кромѣ невозможности высаживать на материкъ войска.

10) Чѣмъ рискуетъ Японія, если это случится послѣ усиленія нашихъ войскъ?

Войска ея останутся отрѣзанными отъ своихъ острововъ и должны погибнуть.

12) Можетъ ли Японія начать перевозку своихъ войскъ до разбитія нашего флота и куда?

Рисковано и не далѣе Фузана.

14) Можно ли надѣяться, по неподготовленности нашего флота къ маневрированию и совмѣстнымъ дѣйствіемъ при полномъ ходѣ, на побѣду?

Очень трудно и развѣ неполную.

15) Какой флотъ лучше выученъ и лучше укомплектованъ?

По многимъ свѣдѣніямъ Японскій.

17) Въ случаѣ полного пораженія нашего флота, успѣютъ ли Японцы до прибытія достаточныхъ силъ изъ Россіи осадить и взять Портъ-Артуръ или Владивостокъ?

Осадить могутъ, а если недостаточно боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ, то и взять.

21) Что произойдетъ въ случаѣ взятія П.-Артура?

Потеря Квантуна и обезпеченное сообщеніе съ Приморской областью.

24) Какой флотъ скорѣе починится?

Японскій.

25) Гдѣ удобнѣе обороняться въ П.-Артурѣ или во Владивостокѣ?

Съ сухопутной и морской точки зрѣнія во Владивостокѣ.

22) Есть ли какая нибудь выгода отъ раздѣленія нашихъ морскихъ силъ между Владивостокъ и Портъ-Артуромъ?

Не только нѣтъ, но это даже опасно.

27) Откуда удобнѣе флоту дѣйствовать и гдѣ труднѣе его запереть?

Конечно во Владивостокѣ.

29) Можетъ ли при такихъ условіяхъ Японія предпринять операціи противъ Портъ-Артура?

При болѣе сильномъ флотѣ, чѣмъ въ настоящее время.

33) Полезно ли укрѣпить самое узкое мѣсто Татарскаго пролива у мыса Лазарева, чтобы имѣть тамъ минное загражденіе?

Полезно, чтобы затруднить плаваніе японскихъ канонерокъ къ рѣкѣ Амуръ.

34) Достаточно ли надежно запираютъ рѣку Амуръ укрѣпленія близъ Николаевска?

Совершенно недостаточно.

35) Легко ли взять и въ чемъ заключается опасность, если японскія канонерки будутъ распоряжаться въ рѣкѣ?

Нѣтъ точныхъ данныхъ для сужденія. Канонерки же закроютъ пользованіе рѣкою для подвоза подкрѣпленій и продовольствія.

36) Могутъ ли взять Хабаровскъ, желѣзную дорогу и встать заставой у Манджурской дороги, чтобы не подпустить подкрѣпленій изъ Россіи къ Владивостоку?

Взять можно, но операція вообще затруднительная.

45) Могутъ ли Японцы въ туманѣ или ночью накидывать на рейдѣ Портъ-Артура минныхъ банокъ и тѣмъ подвергать наши суда большой опасности?

Конечно могутъ.

46) Возможно ли японцам послать днем, ночью, въ туманъ нѣсколько своихъ судовъ, въ томъ числѣ бронен. „Фузо“ и другіе ко входу Портъ-Артура, чтобы затопивши ихъ въ проливѣ, преградить тѣмъ всякій выходъ нашего флота на очень долгое время?

47) Сдѣлавши это, могутъ ли они привезти столько десанта, чтобы навѣрняка взять Портъ-Артуръ, и вмѣстѣ съ нимъ и флотъ, такъ какъ онъ стрѣлять на горы не въ состояніи?

65) Какая база для флота признается болѣе выгодною съ однимъ, съ двумя или тремя защищенными выходами?

67) Въ какомъ случаѣ полезны эти выходы, когда они далеко отстоятъ другъ отъ друга или близко?

68) Какимъ флотомъ надо дѣйствовать противъ другого, если послѣдній находится въ крѣпости съ двумя или тремя далеко отстоящими другъ отъ друга выходами?

69) Возможно ли напри-

Совершенно не трудно и исполнѣ возможно.

Хотя Портъ-Артуръ придется брать правильной осадой, но при громадномъ перевѣсѣ японскихъ силъ это сдѣлать возможно и *тогда судамъ нашего флота придется взрываться, потому что ихъ негдѣ утопить.*

Не менѣе двухъ.

Чѣмъ дальше по морю, тѣмъ лучше.

Если выходы широки, то сколько выходовъ столько и флотовъ.

Такъ какъ Симоносаки очень узокъ, то можно за-

флотъ во внутреннемъ морѣ въ портѣ Куре иначе, какъ флотомъ вътрое сильнѣе Японскаго?

70) Можетъ ли современный флотъ принять бой на якорѣ?

71) Можетъ ли флотъ стоя на рейдѣ Портъ-Артура подѣ защитой береговыхъ фортовъ, быть увѣреннымъ, что непріятель не рискнетъ атаковать его?

72) Какую, собственно говоря, полосу огня онъ долженъ пройти, чтобы форта перестали стрѣлять, такъ какъ въ моментъ сближенія флотовъ они начнутъ попадать въ свои суда?

73) Какую защиту представлять форта въ туманѣ, въ изморозь, въ густой туманъ?

78) Изъ статистики извѣстно, что за 100 лѣтъ было 160 войнъ и только 10 изъ нихъ начинались послѣ предварительнаго объявленія, а остальные начинались сразу враждебными дѣйствіями. Не рисковано ли нашему флоту

переть флотомъ въ 2^{1/2} раза сильнѣе Японскаго.

Изъ за брекватера или изъ за отмели можетъ. Въ другихъ случаяхъ вѣрная ему гибель отъ тарановъ и миноносокъ.

Никакъ нельзя быть въ этомъ увѣреннымъ.

Мили четыре или всего ^{1/4} часа.

Никакой.

Изъ исторіи видно, что японцы такъ всегда и дѣлали.

Съ Таку произошло тоже самое. Сами японцы гораздо осторожнѣ насъ.

Мы не знаемъ, что дѣлается въ ихъ военныхъ портахъ и не слѣдимъ за ихъ

въ мирное время стоять не за укрѣпленіями или безъ серьезныхъ мѣръ предосторожности?

92) Можно ли вообще надѣяться на морскіе резервы изъ Россіи, такъ какъ сильной эскадры составить нельзя, а слабая не прорвется и будетъ разбита раньше соединенія?

98) Сколько надо имѣть войскъ и какой силы флотъ, чтобы быть въ состояніи напасть на Японію, принимая во вниманіе ея горный характеръ мѣстности, ея храброе очень густое населеніе, ея полумилліонную армію и ея флотъ сосредоточенный во внутреннемъ морѣ. Достаточно-ли для этого 250000 человекъ десанту, флотъ вдвое сильнѣе Японскаго и 200 большихъ коммерческихъ пароходовъ?

99) Какъ все это организовать, куда направить высадку и будетъ-ли успѣхъ стоить расходовъ.

100) Возможно ли одолѣть сильнымъ флотомъ безъ крупныхъ высадокъ навредить Японіи?

плаваніями въ Корейскихъ шхерахъ.
Напасть неожиданно очень легко.

Никакъ нельзя.

Надо имѣть вдвое больше и то успѣхъ сомнителенъ.

Сначала надо или разбить флотъ или надежно его запереть, а потомъ высаживать войска для дѣйствія противъ столицы.

Возможно уморить голодомъ, прервавъ всѣ сообщенія.

110) Не смѣемъ-ли мы рассчитывать, что никакого нападенія на наши побережья и моря нельзя будетъ сдѣлать, если мы обзаведемся подводными лодками и водобронными судами, такъ какъ надводнымъ флотомъ ихъ уничтожить нельзя, а чисто подводныя лодки и подводными?

111) Если мы обзаведемся подводными судами на Востокѣ, то можно ли будетъ убрать большую часть войскъ изъ Квантуна и изъ Приморской области?

114) Слѣдуетъ ли держать станціонеровъ по Японскимъ, Корейскимъ и Китайскимъ портамъ?

Можно быть увѣреннымъ.

Несомнѣнно.

Очень плохихъ и съ уменьшенной командой, чтобы не жалко было ими пожертвовать въ случаѣ внезапной войны.

Какъ же послѣ всего этого не сказать, что халатность, безпечность и недобросовѣстность нашихъ заправиль адмираловъ были главными причинами нашей несчастной войны и ужасныхъ ея послѣдствій. Кровь напрасныхъ и неповинныхъ жертвъ всецѣло лежитъ на совѣсти ихъ.

ТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.

№ 5.

Отрядамъ №№ III, IV, VII и транспорту „Енисей“ развести пары и по готовности выйти на рейдъ.

Къ приказу № 5.

В. Секретно.

Предписаніе начальникамъ III и IV отрядовъ.

Немедленно по готовности Вы пойдете экономическимъ ходомъ для производства развѣдокъ и доставленія свѣдѣній о непріятельскомъ флотѣ. Атаки миноносцами производить по возможности съ одного борта.

Въ разстояніяхъ развѣдокъ отъ Квантунга Вы должны имѣть всегда въ виду необходимость возвращенія къ нему полнымъ ходомъ т. е. значить сообразоваться съ количествомъ остающагося угля. Открывъ непріятеля дайте объ этомъ знать и старайтесь не терять сопрікосновенія съ нимъ.

Предписаніе командиру транспорта „Енисей“

Будьте готовы къ постановкѣ миннаго загражденія по *выработанному плану*. Сообщите о томъ командиру транспорта „Амуръ“, для чего идите экономическимъ ходомъ въ Талиенвань.

№ 7.

Пароходы Манджурскаго общества: „Зел“, „Бурей“, „Амуръ“, „Аргунь“, „Шилка“, „Нони“, „Монголія“, „Манджурія“, „Харбинъ“ и „Хайлеръ“ зачислить сего числа въ списки судовъ флота.

№ 8.

Пароходъ Манджурскаго общества „Амуръ“ приспособить для госпитального судна.

Образчики приказовъ

въ день объявленія войны

Главкомандующаго русскою партіей.

Объявляю составъ отрядовъ, эскадръ, отдѣльных корпусовъ, гарнизоновъ, имена начальствующихъ лицъ и составъ моего штаба, согласно прилагаемаго при семъ списка.

Къ приказу № 1.

В. Секретно.

Для ночныхъ опознательныхъ сигналовъ вѣсь судамъ сдѣлать..... Любыя комбинаціи изъ этой системы опознательныхъ ночныхъ сигналовъ предоставляю дѣлать Начальнику эскадры, но только для переговоровъ между судами, а не съ берегомъ.

№ 2.

Вслѣдствіе возникшей войны съ Японіей предписываю вѣсь почтово-телеграфнымъ конторамъ не принимать и не разсылать ни по какимъ направленіямъ никакихъ частныхъ телеграммъ и писемъ впредь до моего особаго распоряженія,

№ 3.

Судамъ вооруженнаго резерва сего числа поднять флаги, вымпела и начать кампанію, а сухопутнымъ войскамъ — мобилизацію.

Поздравляю гг. офицеровъ и команды съ началомъ военныхъ дѣйствій.

На вѣсь судахъ и во вѣсь учрежденіяхъ отслужить молебень о ниспосланіи побѣды ЕГО ИМПЕРА-

№ 10.

Миноносцамъ IX отряда №№ 222, 223, 224, 225 и X отряда №№ 226, 227 идти полнымъ ходомъ попарно: въ заливъ Сихонь-коу къ канонерской лодкѣ „Кореецъ“, въ Таку — къ канонерской лодкѣ „Сивучъ“ и „Гилякъ“, въ Чемульпо — къ крейсеру „Діана“ и лодкѣ „Гремящій“ съ приказаніями вернуться полнымъ ходомъ въ г. Дальній.

Образчики шифрованныхъ телеграммъ

въ день объявленія войны

Главкомадующаго русскою партіей.

№ 1.

Консулу и агенту Добровольнаго флота въ Коломбо. Объявлена война Японіи. Задерживайте до распоряженія наши пароходы идущіе въ обѣ стороны.

№ 2.

Консулу и агенту Добровольнаго флота въ Сингапурѣ.

Объявлена война Японіи. Попробуйте, если возможно, нанявъ быстроходный пароходъ, вернуть обратно „Тамбовъ“.

№ 4.

Командиру лодки „Отважный“ и Консулу въ Шанхай.

Объявлена война Японіи. Китайскіе порта считаются нейтральными. Продлите пребываніе въ Шанхаѣ на три недѣли, объяснивъ это серьезнымъ поврежденіемъ. Войдите въ докъ и вообще поступайте по Вашему усмотрѣнію лишь бы исполнить требуемое. Если въ продолженіи этого срока не получите новаго приказанія,

то разоружите лодку, спустите флагъ, сдайте ее французамъ, а сами съ офицерами и командой безъ оружія попробуйте пробраться черезъ Китай въ П.-Артуръ.

№ 5.

Командиру крейсера „Діана“ и лодки „Гремящій“ въ Чемульпо.

Объявлена война Японіи. Немедленно идите въ Дальній. Возьмите съ собой пароходъ Манджурскаго Общества. Если встрѣтите по пути наши миноносцы №№ 226, 227, посланные къ Вамъ съ тѣмъ же приказаніемъ, то верните ихъ въ Артуръ. Передъ уходомъ взорвите, сожгите, вообще уничтожьте нашъ складъ угля.

№ 8.

Директору Восточно-Китайскаго пароходства (Манджурія) въ г. Дальній.

Всѣ ваши пароходы, находящіеся въ Дальнемъ, немедленно переведите въ Артуръ по случаю объявленія войны съ Японіей. Они зачисляются въ списки судовъ флота. „Амуръ“ будетъ приспособленъ госпитальнымъ судномъ, остальные пароходы будутъ нагружены казеннымъ углемъ.

№ 10.

Командиру порта и Начальнику отряда во Владивостокѣ.

Объявлена война Японіи. Быть готовымъ къ выходу. Трюмы и угольные ямы „Ярославля“ нагрузите углемъ. На него начать установку 5-ти 75 м/м. пушекъ, на „Зею“ и „Бурею“ 3-хъ 75 м/м. пушекъ. Все изъ запаса Добровольнаго флота. Сообщайте о неприятелѣ. Крейсера составятъ отрядъ № XIII. Когда очистится отъ льда Татарскій проливъ, то придется загромождать его минами у мыса Лазарева.

№ 11.

Военному губернатору острова Сахалина.
Александровскій постъ.

Объявлена война Японіи. Примите всѣ мѣры къ охранѣ телеграфа. Начинайте строить земляныя укрѣпленія въ Дуэ и Корсаковскомъ посту, примѣрно по 10-ти 75 м/м. пушекъ каждое. Пушки будутъ присланы при первой возможности.

№ 12.

Управляющему Морскимъ Министерствомъ въ С.-Петербурѣ.

Прошу вооружить крейсера Добровольнаго флота, трюмы наполнить кардифомъ и выслать ихъ къ берегамъ Японіи для нанесенія вреда и уничтоженія Японскихъ торговыхъ судовъ. Для возможности имѣть съ ними сообщеніе прикажите командирамъ выбрать нѣсколько пунктовъ въ Океанѣ и сообщите мнѣ ихъ широты и долготы.

Л. Добротворскій.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

У Генералиссимуса Суворова была любимая поговорка: „Дуракъ свистнеть, умный размыслить“. Вотъ дураки то нашлись, а умныхъ что то не оказалось!

К о н е ц ъ.

